

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Южно-Уральский государственный университет»
Кафедра отечественной и зарубежной истории

На правах рукописи

Мамонт Екатерина Владимировна

**ЗЕМСКИЕ НАЧАЛЬНИКИ САМАРСКОЙ И УФИМСКОЙ
ГУБЕРНИЙ В 1891-1914 ГГ.: НАПРАВЛЕНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор Балакин Виктор Сергеевич

Челябинск — 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Нормативно-правовые документы о земских начальниках и организация их деятельности в Самарской и Уфимской губерниях	26
1.1. Подготовка и принятие нормативно-правовых документов об участковых земских начальниках и направления их деятельности	
1.2. Взаимодействие земских начальников с губернскими и уездными властями	52
Глава 2. Земские начальники и крестьянский мир	70
2.1. Контроль земских начальников за органами крестьянского самоуправления	
2.2. Судебная и полицейская деятельность земских начальников	95
2.3. Деятельность земских начальников по оказанию социальной помощи населению	114
Глава 3. Социальный облик земских начальников	135
3.1. Численность и социальный статус земских начальников	
3.2. Образовательный уровень и материальное положение земских начальников	152
3.3. Социокультурные типы и модели поведения земских начальников	163
Заключение	182
Источники и литература	188
Приложения	215

Введение

Учреждение института земских начальников в 1891 г. явилось новым этапом в истории местного управления. С одной стороны, это был сословный орган, формально восстанавливающий преимущественное положение дворянства, с другой — являл собой принципиально новый административный инструмент контроля деятельности крестьянских органов самоуправления и должностных лиц. Анализ деятельности земских начальников дает возможность оценить исторический опыт реформирования системы местного управления России.

Исследование также будет способствовать лучшему пониманию функционирования имперского управления на региональном и локальном уровне, взаимодействию государства и общества, возникновению начатков формирования гражданского общества в Российской империи.

В России меняется характер отношения к центральной власти и оценки национальными элитами своего места в государстве. Исторический опыт России как полиэтнического государства, благополучие которого зависело от умения найти и поддерживать баланс интересов государственного центра и национальных региональных групп, является в этом отношении ценным источником знаний. Жизнь многонациональных регионов и система управления ими, возникавшие проблемы и пути их решения требуют все более пристального внимания и изучения с целью предотвращения возможных проблем в будущем. Понимание механизмов функционирования органов местной администрации и суда, одним из главных элементов которых был институт земских начальников, изучение структуры и содержания их практической деятельности, взаимодействие с вертикалью власти позволит по-новому взглянуть на совокупность факторов, влияющих на эффективность деятельности местных органов власти и в современных условиях.

Несмотря на то, что деятельность земских начальников оставалась в

спектре внимания историков, до сих пор недостаточно полно изучено функционирование этого института и взаимоотношения земских начальников с крестьянством, земскими служащими и чиновниками в многонациональной среде окраинных губерний. В современном мире под влиянием глобальных процессов происходит стремительное изменение национального и религиозного состава населения стран, исторический опыт которых не позволяет безболезненно и эффективно решить возникающие на этой почве проблемы столкновения интересов коренного населения с «чужаками».

В исследовании деятельности земских начальников можно выделить три этапа: первый – дореволюционный (с 1890–х гг. по 1917 г.); второй этап – советский (октябрь 1917 г. до начала 1991 г.); третий – современный (с 1991 г. по настоящее время).

В дореволюционных исследованиях можно выделить несколько блоков литературы. К первой группе можно отнести исследования, появившиеся на этапе обсуждения необходимости и содержания реформы крестьянского управления. К ней относятся работы П.Л. Корфа¹, Д. Н. Цертелева², И.И. Воронцова-Дашкова³. Следует выделить работы П.Л.Корфа, который активно работал в земских учреждениях. Он, в частности пытался найти приемлемое для земской системы решение и соглашался с тем, что система выборов на должности местного управления может быть заменена системой правительственных назначений. Д.Н.Цертелев был еще более осторожен в предложениях о совершенствовании местного управления, условие незыблемости государственного строя было для него приоритетом.

---

¹ Корф П.Л. Ближайшие нужды местного управления. СПб., 1888.

² Цертелев Д. Нужна ли реформа местного управления? М., 1889.

³ Воронцов-Дашков, граф. Замечания министра императорского двора и уделов по проекту положения о земских начальниках, съездах сих начальников и губернских по сельским делам присутствиях. Б. м. Б.г.

Вторую группу составили многочисленные работы теоретико-правового характера. Сюда относятся труды В. Д. Кузьмина-Караваева¹, А. А. Леонтьева², М. А. Лозина-Лозинского³, С. П. Никонова⁴, И. В. Михайловского⁵, П. Н. Обнинского⁶, И. В. Гессена⁷. Всех авторов отличает критика института земских начальников, которые как чиновники установили административную опеку над обособленным крестьянским населением. Критическую оценку в исследованиях дореволюционных юристов вызвало также объединение в руках земских начальников административной и судебной власти⁸.

Наибольшее распространение получило обсуждение влияния деятельности земских начальников на экономическое и культурное состояние крестьянства. К этой, третьей, группе можно отнести работы

---

¹ Кузьмин-Караваев В. Д. Правовые нужды деревни // Кузьмин-Караваев В. Д. Земство и деревня, 1898-1903: Статьи, реформы, доклады и речи. СПб., 1904. С. 325-360.

² Леонтьев А. А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1895; Его же. Законодательство о крестьянах после реформы // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М.: Издание т-ва И.Д. Сытина, 1911-. Т. 6. Юбилейное издание. 1911. С. 158-174.; Его же. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах. СПб.: Законоведение, 1909

³ Лозин-Лозинский М. А. Крестьянское право // Вестник права. – 1899. - № 2. – С. 1-27.

⁴ Никонов С. П. Крестьянский правопорядок и его желательное будущее. Харьков, 1906; Его же. Основные начала положений 19-го февраля 1861 года. Одесса: Тип. "Техник", 1911.

⁵ Михайловский И. В. Практика судебно-административных учреждений 12 июля 1889 года. // Право. – 1901. – № 14 – С. 723–730; № 16 – С. 821–826.

⁶ Обнинский П. Н. Мировые судьи и их преемники // Сборник правоведения и общественных знаний. – 1895. – Т. 5. – С. 27–68.

⁷ Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905.

⁸ См.: Нольде А. Э. Судебно-административная реформа 1889 года // Судебные уставы 20 ноября 1864 года за 50 лет. Петроград: Сенатская типография, 1914. Т. 2. С. 683-706.; Башмаков А. А. Закон 12 июля 1889 года о преобразовании судебной части и введении земских начальников // Журнал гражданского и уголовного права. – 1890. – Кн. 1. – С. 1-17.; Каменский А. Реформа местного управления. СПб.: Б/и, 1904.

А. Тютрюмова¹, К. И. Тура², Ф. А. Преображенского³, Д. П. Малютина⁴, С. А. Дедюлина⁵, Э. П. Беннигсена⁶. К этой же группе относится ряд статей подготовленных на основе трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности⁷. В связи с тем, что в указанных трудах наибольшее внимание было уделено фактам злоупотреблений со стороны земских начальников, то и оценка этого института также была отрицательной. К четвертой группе можно отнести работы, посвященные изучению влиянию института земских начальников на крестьянский правопорядок в целом. Среди них нужно отметить труды Н.П. Дружинина⁸ и И.М. Страховского⁹. Наиболее яркой и заметной работой, посвященной деятельности земских начальников, была статья либерала К.Я. Кожухара¹⁰.

В целом дореволюционная историография была фрагментарна и тенденциозна. Непосредственная деятельность земских начальников в этот

¹ Тютрюмов А. Культурная роль земского начальника. По поводу 39 ст. положения о земских участковых начальниках. // Журнал Гражданского и уголовного права. – 1890. – Кн. 10, декабрь. – С. 74–80.

² Тур К. И. Голос жизни о крестьянском неустройстве. СПб., 1898.

³ Преображенский Ф. А. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица. М., 1893.

⁴ Малютин Д.П. Ошибки, сделанные при составлении положения о крестьянах 19 февраля 1861 года и их последствия. СПб., 1895.

⁵ Дедюлин С. А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом. СПб., 1902.

⁶ Беннигсен Э. К вопросу о пересмотре законодательства о крестьянах. СПб., 1902.

⁷ Билимович А. Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: (Докл., прочит. в собр. Киев. юрид. о-ва 6 нояб. 1904 г.). Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1904; Риттих А. А. Крестьянский правопорядок. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. 447 с. (Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / Высочайше учрежденное особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности); Розенберг В. Земские начальники // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1904. – Т. 1. – С. 151-177.; Страховский И. М. Крестьянский вопрос // Там же. С. 98-150; Гессен В.М. Основы правопорядка // Там же. С. 41-97.

⁸ Дружинин Н. П. Наказание без суда // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. –1895. – Кн. 9, Ноябрь. – С. 63–84; Его же. Право и личность крестьянина. Ярославль, 1912; Его же. Юридическое положение крестьян. Исследование. СПб, 1897.

⁹ Страховский И. М. Крестьянское сословное самоуправление // Мелкая земская единица. – СПб., 1902. – Вып. 1. – С. 240–280; Его же. Крестьянские права и учреждения. СПб., 1904; Его же. Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г. // Крестьянский строй. / сб. ст. – СПб., 1905. – Т. 1. – С. 371–455.

¹⁰ Кожухар К. Я. Земские начальники // Вестник права. – 1905. - № 5, 8, 9.

период не исследовалась. Фактически дореволюционная историография, посвященная земским начальникам, представляет собой массив теоретических работ разной направленности и публицистических статей. В силу задач публицистики, деятельность земских начальников служила не объектом беспристрастного исследования, а лишь средством вызвать определенные эмоции у читателя. Работы также отличались крайне полярными оценками от апологетических до резко отрицательных¹.

Известный писатель А.И. Новиков, сам долгое время прослуживший земским начальником, очень точно охарактеризовал эту ситуацию в своих мемуарах: «<...> в газетах различных лагерей идут постоянно споры, — с обеих, мне кажется, сторон пристрастные, — о пользе или вреде, принесенных нашей деревне введением института земских начальников. Упорядочение участка, последовавшее от энергичных и умелых настояний какого-нибудь земского начальника, служит часто для иных поводом к восхвалению самого института; рядом с этим внезапно появляется в противоположном лагере огульное осуждение института, вызванное каким-нибудь известием о безобразных действиях отдельного лица. Думаю, что и тот, и другой вывод грешат односторонностью»².

В советской исторической науке исследование института земских начальников как самостоятельной темы происходило медленно и противоречиво. Для оценки этого института использовалась характеристика, данная В.И. Лениным, как «промотавшихся дворянских сынков»³ и «шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян»⁴.

Тем не менее, именно в этот период появился ряд основательных научных исследований, посвященных правлению и преобразованиям

¹ Волков Н. Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III. 1881-1894 гг. СПб.: Типография А.Ф. Штольценбурга, 1910.

² Новиков А.И. Записки земского начальника / А.И. Новиков. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 1

³ Ленин В. И. Крепостники за работой // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений – Т. 5. – С. 87.

⁴ Ленин В. И. Проект программы нашей партии // Там же. – Т. 4. – С. 228.

Александра III. Ценными работами, сохраняющими свое значение до настоящего времени, являются научные труды П. А. Зайончковского¹, посвященные подготовке «Положения» 12 июля 1889 г. и преобразованиям правительства Александра III в целом. А. А. Либерман впервые проанализировал состав земских начальников по 40 губерниям². В работе Г. А. Герасименко³ показана роль земских начальников в аграрных реформах начала XX века.

К советскому периоду относятся первые диссертационные исследования, касающиеся непосредственно земских начальников. Самой ранней работой стала кандидатская диссертация Н. П. Никольской «Закон о земских начальниках», где анализировался как вопрос подготовки законопроекта, так и непосредственная деятельность земских начальников (на материалах Пензенской губернии)⁴. А.А. Либерман в своей диссертации проанализировал состав земских начальников и отношение к ним в дореволюционной прессе⁵. Также в советский период продолжилось изучение и анализ законодательных основ института земских начальников с позиции ученых-юристов⁶.

---

¹ Зайончковский П. А. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г. // Исторические науки. – 1961. – № 2. – С.42–72; Его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М., 1970.

² Либерман А. А. Состав института земских начальников // Вопросы истории. – 1976. – № 8. – С. 201-204.

³ Герасименко Г. А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов: издательство Саратовского университета, 1985.

⁴ Никольская Н. П. Закон о земских начальниках. Дисс. канд. ист. наук 07.00.02. Пенза, 1946.

⁵ Либерман, А. А. Институт земских начальников. 1889-1905 гг. Дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 / А.А. Либерман. М., 1976.

⁶ Кузнецова Е. Н. Контрреформы 80-90 гг. XIX века в России (государственно-правовая характеристика). Автореферат дисс. ... канд. юр. наук. Л., 1977. Ее же. Позиции правящей верхушки при подготовке контрреформ 80-90 гг. в России // Правоведение, 1976, № 5. С. 66-74. Ее же. К истории контрреформ 80-90 гг. XIX века в России // Вестник ЛГУ. Сер. Экономика, философия, право. Вып. 3. 1976. № 17. С. 109–116. Виленский Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969.

В целом в историографии советского периода институт земских начальников характеризовался негативно, как орган административно-дворянской опеки над крестьянским самоуправлением¹.

Новая страница в изучении преобразований Александра III началась в постсоветский период. Главной тенденцией историографии новейшего времени стало изучение и переосмысление многих явлений и процессов прошлого², результатом чего стало большее разнообразие оценок института земских начальников и отход от однозначной оценки преобразований Александра III как «реакции» и «контрреформ».

В 1992 году был опубликован сборник «Реформы или революция?»³, подготовленный на материале международного colloquium историков, проходившего в июне 1990 года. В сборнике по-новому освещалась проблема происхождения русской революции.

Доклады выступавших были посвящены освещению отдельных сторон правительственной политики трех последних российских императоров, в том числе Александра III. И. В. Лукоянов обосновал тезис, о том, что правительство Александра III встало на путь фактического устранения

¹ См., напр.: Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960; Его же. Самодержавие накануне краха. М.: Просвещение, 1975; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861 – 1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л.: Наука, 1973; Зырянов П. Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861-1914 гг.). // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1937-. Т. 107. 1982. С. 226 – 302. Его же. Крестьянская община Европейской России, 1907-1914 гг. М.: Наука, 1992; Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян европейской России: 1881-1904 гг. / под. ред. К. И. Шабуня. М.: Наука, 1984; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М.: Издательство Московского университета, 1980; Симонова М. С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой русской революции. М.: Наука, 1987.

² Боханов А. Н. Император Александр III. М.: Русское слово, 1998; Лукоянов И. В. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива «контрреформам»? // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX века. СПб.: Алетейя, 1999. С. 247-258; Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация : в 2 т. М. : ТЕРРА, 1996. Т. 1. Гл. 4. С. 175 – 227; Российские самодержцы, 1801-1917 гг. / А.Н. Боханов, Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко и др. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1994. С. 216-306.

³ Реформы или революция? Россия, 1861-1917: материалы международного colloquium историков (4-7 июня 1990 г.). СПб.: 1992.

общины, не заявляя об этом прямо. По его мнению, со стороны власти речь шла о постепенном превращении общины из института самоуправления в орган правительственной администрации, при декларировавшемся укреплении «мира»¹. Это точка зрения идет в разрез с наиболее распространенной в историографии оценкой внутренней политики Александра как направленной на консервацию общины.

Биограф Александра III В. А. Твардовская² предложила для обсуждения ряд идей, по оценке личности самого царя и его преобразований. Она доказывала, что Александр сразу понимал необходимость выхода из кризиса, и его колебания в первое время были обусловлены в первую очередь выбором тактики, а не направления действий³. Она оценивала данный период как движение к усилению авторитаризма, а не просто как политическую реакцию.

Преобразования Александра III были рассмотрены в коллективной монографии «Власть и реформы от самодержавной к советской России»⁴. Здесь заслуживает внимания одна из наиболее ранних попыток отойти от термина «контрреформы», заменив его на «политику народного самодержавия». В. А. Федоров в монографии, посвященной истории России в 1861–1917 гг.⁵ отмечал, что внутреннюю политику Александра III нельзя свести к контрреформам, так как был проведен ряд мер по решению аграрно-крестьянского вопроса, укреплению финансов и развитию экономики страны. Он подчеркивал противоречивость данного времени, так как экономическое развитие страны сочеталось с консервацией общинных отношений в деревне. По его оценке правительственная политика сочетала развитие капитализма в экономике с насильственной консервацией феодальных пережитков в деревне.

---

¹ Там же. С. 250.

² В. А. Твардовская. Александр III // Российские самодержцы. 1801–1917. М., 1994. С. 215–307.

³ Там же. С. 236.

⁴ Власть и реформы от самодержавной к советской России. СПб., 1996.

⁵ Федоров В. А. История России. 1861–1917. М., 1998.

Исследователь крестьянской общины О. Г. Вронский¹ считал влияние чиновников на деятельности органов крестьянского самоуправления позитивным. О. Н. Богатырева² проанализировала функционал земских начальников на материалах Вятской и Пермской губерний и сделала вывод о помощи этого института в адаптации крестьянского социума «к условиям пореформенной России, переживавшей форсированную модернизацию»³. В. Б. Безгин⁴ подробно рассмотрел быт, хозяйственную деятельность, правовые воззрения крестьян конца XIX-начала XX вв., в том числе их взаимоотношения с земским начальником. М.М. Шумилов считал, что игнорировавшие порой суровые общинные обычаи и традиции земские начальники вносили в крестьянскую среду государственные правовые нормы, а правительство Александра III не встало окончательно на путь реакции, о чем свидетельствует ряд его преобразований⁵. В.В. Иванникова, исследовавшая жизнь и творчество писателя, земского начальника и, одновременно, земского гласного Н.Н. Толмачева⁶, акцентировала внимание на «окраинных» консерваторах. Это были обычные дворяне, занимавшие различные должности государственной службы, в том числе земских начальников. Заслуживает внимания попытка автора сформулировать проблему российского консерватизма, понять его роль в обществе, и доказать, что политическая реакция не может быть отождествлена с консерватизмом.

---

¹ Вронский О. Г. Крестьянская община на рубеже XIX-XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М.; Тула: б/и, 1999.

² Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 - февраль 1917). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004.

³ Богатырева О. Н. Указ., соч. С. 388.

⁴ Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX - начала XX века). М.-Тамбов: ТГТУ, 2004.

⁵ Шумилов, М.М. Российское самодержавие во второй половине XIX века// История России. Народ и власть. СПб.: Лань, 1997. С. 426-427.

⁶ Иванникова, В.В. Из истории литературных «окраин» русского консерватизма: Н.Н. Толмачев — земский начальник, гласный и литератор. Саратов, Стило. 2001.

Одной из немногих работ новейшего времени, посвященных изучению местного самоуправления стала монография Г.Э. Емалетдиновой и Р.И. Кантимировой¹. Земским начальникам в книге была посвящена одна глава и их деятельность кратко рассматривалась на материалах Уфимской губернии.

Наиболее заметными в части изменения оценок являются выводы В.Б. Попова, который изучал деятельность земских начальников в Оренбургской губернии. По его мнению, закон о земских начальниках был не исключительно дворянским и «ограниченным», а «сословно предпочтительным». Автор также утверждал, что расширение власти и контроля за деятельностью волостных старшин, писарей и сельских старост было вызвано действительной необходимостью, а сама форма попечительства соответствовала традиционным установкам крестьянского патернализма и была вызвана объективными потребностями российской деревни конца XIX – начала XX вв.².

В постсоветский период количество диссертационных исследований, посвященных земским начальникам увеличилось. Это работы Н. А. Бузановой, изучившей функционирование института в Тамбовской губернии, М. М. Гурьянова, проанализировавшего деятельность земских начальников в Вятской губернии, А. В. Звонцовой, исследовавшей административно-судебные установления, действовавшие в Тульской губернии, Н.В. Башкиревой, рассмотревшей состав, функции и деятельность земских начальников Воронежской губернии³.

---

¹ Емалетдинова Г.Э., Кантимирова Р.И. Местное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX-начале XX века. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013.

² Попов, В.Б. Введение и функционирование института земских начальников в Оренбургской губернии // Вестник оренбургского государственного университета. Вып. 7(182) — 2015. — С. 63-68.

³ Бузанова Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889-1917 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тамбов, 2005; Гурьянов М. М. Институт земских начальников в конце XIX - начале XX вв. и его региональные особенности: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Киров, 2007; Звонцова А. В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX в. – начале XX в.: по материалам Тульской губернии: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Тула, 2006. 286

Авторы, на основе комплексного изучения материалов местных архивов, сходятся во мнении о неправомерности представлений о реставрации власти помещиков-крепостников в деревне с учреждением должности земского начальника, о значимой роли крестьянских руководителей в модернизационных процессах начала XX века, о превалировании субъективного фактора в деятельности института. Институт земских начальников рассматривается не как статичное явление, но в динамическом развитии с учетом приспособления его к насущным нуждам государства и возникающими социальными, экономическими и политическими изменениями в обществе. Но во всех этих исследованиях не дается полного анализа региональных различий, в которых действовали земские начальники, не раскрывается роль земского начальника в крестьянской повседневности и, при признании главенства субъективного фактора в функционировании этого института, не уделяется внимания самим земским начальникам, их мировоззрению и личности, что делает актуальным и обоснованным дальнейшее изучение проблемы.

Монографические комплексные исследования по изучению института земских начальников до сих пор отсутствуют. Настоящее исследование не имеет целью восполнить существующий пробел, а служит одним из этапов исследования этой важной темы на примере особенностей деятельности земских начальников в Самарской и Уфимской губерниях.

Объектом исследования являются земские начальники Самарской и Уфимской губерний.

Предметом исследования является деятельность и социальный облик земских начальников.

Территориальные рамки исследования охватывают соседствующие Самарскую и Уфимскую губернии, которые предоставляют собой оптимальный выбор для изучения проблемы. Особенного внимания требует

изучение деятельности земских начальников в удаленных от политического центра губерниях со сложным национально-этническим и религиозным составом.

Многонациональное население, различные религиозные конфессии, многочисленные казачьи станицы, специфический характер экономики, – все это изначально отличает условия деятельности земских начальников окраинных губерний от регионов, например, Центральной России. Соответственно различны социальный состав и приоритеты деятельности земских начальников центральных и окраинных губерний Российской империи, несмотря на стандартные рамки, заданные законодательством.

Исследуемый регион включал в себя различные по экономическому развитию области с разным типом землевладения. Особенно отличается Уфимская губерния, где наиболее ярко просматривалось сосуществование и конкуренция старой традиционной деревни и нового предпринимательского хозяйства, тем более, что, в связи с окраинным положением региона, эти процессы происходили позднее, чем в центре страны. В рассматриваемом регионе, как в миниатюре, оказался сконцентрирован весь комплекс противоречий, присущих аграрному сектору российской экономики начала XX в¹.

Хронологические рамки работы – 1891–1914 годы, обусловлены, с одной стороны, временем начала действия земских начальников на территории Самарской губернии, а с другой – началом Первой мировой войны, прервавшей нормальное течение жизни государства. На данном этапе полностью прослеживается качественная эволюция института земских начальников.

Цель исследования состоит в изучении исторического опыта формирования института и деятельности земских начальников Самарской и Уфимской губерний как системы местного управления крестьянами.

---

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900-1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Дисс... д.и.н. Уфа, 2004. С. 14.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих взаимосвязанных задач:

- установить причины учреждения института участковых земских начальников;
- раскрыть роль участковых земских начальников в реализации аграрной политики в регионе;
- выявить механизм комплектования и социальный состав участковых земских начальников;
- рассмотреть административную и судебную деятельность участковых земских начальников;
- показать взаимодействие участковых земских начальников с центральными, губернскими и уездными властями;
- исследовать деятельность участковых земских начальников по оказанию социальной помощи крестьянству;
- охарактеризовать социальный облик, мотивы и модели поведения участковых земских начальников.

Теоретико-методологической основой исследования стал цивилизационный подход, позволивший определить особенности социокультурных условий (многонациональная и многоконфессиональная среда, казачьи станицы, окраинные губернии) деятельности участковых земских начальников и специфику их взаимоотношений с центральными, губернскими и уездными властями.

Применение идей цивилизационного подхода и теории модернизации при изучении эволюции института земских начальников позволило оценить его с иной, выходящей за рамки стандартной оценки как «контрреформы», точки зрения. В данном контексте институт земских начальников являет собой инструмент социальной мобилизации, которая и определяет глубину модернизации, проводимой «сверху», что имело место в Российской империи рассматриваемого периода.

В работе использованы теоретические концепции: «российского

имперства», выдвинутой П. В. Волобуевым и В. П. Булдаковым¹; исторических циклов «реформ-контрреформ» В.И. Пантина и В.В. Лапкина², форсированной модернизации как типа развития в России — О.В. Гаман-Голутвиной³ и уральской школы теории модернизации⁴.

Историко-антропологическое измерение позволило понять патриархальные обычаи органов крестьянского самоуправления и традиционные культурные практики земских начальников. Данный подход также способствовал более всестороннему пониманию взаимоотношений земских начальников и крестьян, формированию представления о малоизученной деятельности земских начальников по оказанию социальной помощи крестьянству.

Важнейшими методологическими принципами работы явились историзм и объективность. Первый позволил рассмотреть исторический процесс введения института земских начальников с учетом преемственности элементов системы государственного управления, второй способствовал рассмотрению основных направлений деятельности земских начальников в их многогранности.

В работе использовались специальные исторические методы исследования. Прежде всего сравнительно-исторический метод, направлявший на анализ особенностей деятельности земских начальников в Самарской и Уфимской губерниях и использование широкого исторического контекста деятельности земских начальников в России. Также использовался историко-статистический метод, позволивший на основе имеющихся данных

---

¹ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция. Новые подходы к изучению // Вопросы истории, 1996, №5-6. С. 28-38.; Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., РОССПЭН, 1997.

² Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна: Феникс+, 2006.

³ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: Интеллект, 1998.

⁴ Региональный фактор модернизации России XVIII-XX вв. / В. В.Алексеев. Екатеринбург, 2013; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

выявить эволюцию качественных характеристик корпуса земских начальников и соотнести их численность и социальный статус.

Источниковую базу исследования составили опубликованные источники и материалы архивов. Комплекс документов о деятельности земских начальников, большая часть которых исследована впервые, выявлен в восьми центральных и местных архивах. Это документы Российского государственного исторического архива (РГИА), Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Государственного архива Самарской области (ГАСО), Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ), МБУ «Архив Златоустовского городского округа» (Архив ЗГО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Санкт-Петербургского филиала архива РАН, Государственного исторического архива немцев Поволжья (ГИАНП).

Основная часть документов о деятельности земских начальников сосредоточена в ф. 1291 (Земский отдел Министерства внутренних дел). Используются документы, содержащие информацию о непосредственном введении института земских участковых начальников на местах, данные об их личном составе, сведения о фактической деятельности представителей института и важнейшие материалы о неправомерных действиях отдельных земских начальников и их служебной ответственности.

Из фондов НА РБ (И-10, И-11) использованы ценные сведения о личном составе земских начальников и их деятельности в Уфимской губернии.

Обширную информацию содержат документы ГАСО. Из фонда канцелярии самарского губернатора (Ф-3) были извлечены ценные материалы по личному составу земских начальников в начале их работы, а также прошения различных лиц о зачислении их на должность земского начальника в уезды Самарской губернии. Материалы фонда Самарского губернского присутствия (Ф-4) были использованы для составления

формулярных списков о службе земских начальников Самарской губернии, а также анализа ревизий их деятельности, проводимых данным учреждением. В фондах земских начальников (Ф-342, 344-349) изучены материалы делопроизводства, прошения крестьян по различным вопросам, циркуляры губернатора по разным вопросам, материалы деятельности волостных и сельских учреждений. Важная информация, касающаяся служебной деятельности земских начальников Златоустовского уезда Уфимской губернии была получена из документов архива г. Златоуста (фонд И-5).

В фонде Самарского уездного съезда (Ф-145) обнаружены и использованы в работе материалы по отмене земскими начальниками приговоров сельских сходов, а также сведения по удалению от должности лиц волостного и сельского управления. Данный фонд также содержит различные документы по решению земскими начальниками продовольственных проблем сельского населения.

Важным источником для изучения содержания государственной политики в отношении регулирования крестьянского управления и, в том числе, земских начальников явились опубликованные законодательные акты и нормативные документы. Это указы, положения, правила, постановления¹.

Источником, отражающим историю введения института земских начальников, является «Отчет по Государственному совету за 1889 год»². Ценность этого документа в том, что он дает ответы на вопрос о месте земских начальников в системе административных органов на местах, о том, какое значение придавалось этому органу правительством. Отчет содержит

---

¹ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 20 ноября 1964 г. // ПСЗРИ. СПб., 1867. Собрание второе. Т. XXXIX. Ч. 2. № 41478; О некоторых изменениях и дополнениях в Высочайше утвержденных, 12 июля 1889 года, законоположениях о преобразовании местных крестьянских и судебных учреждений. 29 декабря 1889 г. // ПСЗРИ. СПб., 1891. Собрание третье. Т. IX. № 6482; Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям. 29 декабря 1889 г. // Там же. № 6483; О некоторых изменениях и дополнениях в действующих постановлениях о земских участковых начальниках: Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета. 12 апреля 1904 г. // Там же. Т. XXIV. Ч. 1. № 24388.

² Отчет по Государственному совету за 1889 год. СПб., 1891. С. 1-217.

сведения о спорах среди членов госсювета при обсуждении проекта, что отражает позиции различно настроенных групп царского правительства.

Труды местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности¹ являются источником, отражающим мнение с мест об институте земских начальников, среди огромного количества указаний на недостатки в сельской жизни содержатся и отзывы об их деятельности.

Не менее интересным источником являются материалы по обсуждению проекта «Наказа земским начальникам»², где отражены споры по служебным проблемам самих земских начальников и их непосредственного руководства.

В числе справочных изданий особое место занимает опубликованный министерством внутренних дел в 1903 году список должностных лиц крестьянских учреждений³, насыщенный информацией о социальном составе института земских начальников в 40 губерниях Российской империи, в том числе в Самарской и Уфимской.

Важную группу источников составили статистические материалы, содержащиеся в публикациях по результатам всероссийской переписи населения 1897 г.⁴

Разнообразные сведения о деятельности земских начальников Самарской и Уфимской губерний почерпнуты из периодической печати. В диссертации использовались материалы газет «Голос Приуралья», «Вестник Уфы», «Уфимский вестник», «Урал», «Самарские губернские ведомости», также адрес-календари и обзорные сведения по губерниям.

---

¹ Труды местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXV. Самарская губерния. СПб., 1903.

² Сборник заключений губернских совещаний по проекту наказа земским участковым начальникам. Часть 1. Издание Земского отдела МВД. СПб., 1899.

³ Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие Положение о земских участках начальниках 12 июля 1889 г. СПб. : Типография М-ва внутренних дел, 1903.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 45. Уфимская губерния. СПб.: Типография Академии наук, 1904. 190 с.; Т. 36. Самарская губерния. СПб.: Типография Академии наук, 1904.

Особую ценность для изучения проблемы представляют источники личного происхождения. Предыстория закона о земских начальниках, споры о его подготовке отражены в дневнике А. А. Половцова¹, воспоминаниях В. П. Мещерского², Е. М. Феоктистова³, письмах К. П. Победоносцева⁴. Несомненную значимость для исследования представляют мемуары министра финансов С. Ю. Витте⁵, управляющего земским отделом МВД В. И. Гурко⁶, великого князя Александра Михайловича⁷. В отличие от воспоминаний официальных лиц, живое описание политической ситуации и общественных настроений рассматриваемого периода содержат мемуары известных историков А.А. Кизеветтера⁸ и С.Г. Пушкарева⁹, дневники А. В. Богданович¹⁰, мемуары чиновника, прошедшего служебную карьеру от земского начальника до губернатора, И.Ф. Кошко¹¹.

Важнейшее значение для исследования имело использование воспоминаний, оставленных самими земскими участковыми начальниками: Н. Д. Жеваховым¹², А. И. Новиковым¹³, В. Поливановым¹⁴, С. Л. Толстым¹⁵,

¹ Половцов А. А. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: Т. 1-2 / под ред. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966.

² Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2001; Его же. Мои воспоминания В 3 ч. СПб.: типография Кн. В.П. Мещерского, 1897.

³ Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы, 1848-1896: Воспоминания. М.: Новости, 1991.

⁴ Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. Его же. Тайный правитель России: Письма и записки, 1866-1895. Статьи. Очерки. Воспоминания / К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М.: Русская книга, 2001

⁵ Витте С. Ю. Воспоминания: в 3 т. / авт. предисл. А. Л. Сидоров. М.: Соцэкгиз, 1960.

⁶ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое лит. обозрение, 2000.

⁷ Воспоминания Великого князя Александра Михайловича Романова. СПб.: Питер, 2015.

⁸ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (воспоминания 1891-1914). М., 1997.

⁹ Пушкарев, С.Г. Воспоминания историка. (1905-1945). М.: Посев, 1999.

¹⁰ Богданович А. В. Три последних самодержца. М., 1991.

¹¹ Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914). Новгород-Самара-Пенза. Пг.: б.и.,1916.

¹² Жевахов Н. Д. Письма земского начальника // Гражданин. – 1904. – № 11, 13, 18, 20, 22, 26, 33, 34, 39, 45, 51, 62, 63.

¹³ Новиков А. И. Записки земского начальника. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 240 с.

¹⁴ Поливанов В. Записки земского начальника // Русская мысль. – 1917. – № 3-4, 5-6, 7-8, 9-10.

¹⁵ Толстой С. Л. Очерки былого. Изд. 4-е, испр. и доп. Тула: Приок. кн. изд-во, 1975.

В. Яновичем¹, А.Н. Наумовым², С.Р. Минцловым³, В. А. Шомпулевым⁴, малоизвестным земским начальником Московской губернии, писавшим под псевдонимом В.Т.⁵ Эти документы, рисуют нам живую картину, позволяющую понять разнообразную деятельность земских начальников в разных уголках российской империи.

Особо можно выделить дореволюционные (а потому свободные от идеологических штампов) мемуары крестьянина Московской губернии С.Т. Семенова⁶, где содержатся сведения о крестьянском быте во всем его многообразии, его рассуждения о проблемах деревни, общине, столыпинских реформах, а также имеются сведения о взаимоотношениях крестьян с земскими начальниками. Заслуживает внимания личность автора. Крестьянин-самоучка, с детства работавший и своим трудом ставший «крепким» хозяином (не «кулаком»), С.Т. Семенов обладал острым умом и литературным талантом, который был замечен и высоко оценен Л.Н. Толстым.

В рассматриваемый период важное общественное значение имела публицистика. В нашем случае, это личное мнение автора, а не исследование, представленное в общественно-политических изданиях. Важное значение авторы придавали обсуждению проблем сословных отношений, роли дворянства в местном управлении, справедливости судопроизводства. Из большого количества таких публикаций отметим произведения Г.А.

---

¹ Янович В. Итоги шестилетия. Пермь: типолитография губернского правления, 1902.

² А.Н. Наумов. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. Кн. 1. Нью-Йорк, издание А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1954.

³ Минцлов С.Р. Дебри жизни. Урал, Новгород, Малороссия. Берлин, Сибирское книгоиздательство, б.г.

⁴ Шомпулев, В.А. Записки старого помещика. М.: Новое литературное обозрение, 2012.

⁵ В. Т-ъ. Из деревни. (Из очерков жизни и службы) // Русский вестник. – 1895. – т. 240, № 9. с. 225-244.; Его же. Из деревни // Русская старина, 1906, Вып. 7-9, Т. 128. – С. 473-492.; Его же. Из деревни. Очерки жизни и службы // Русская старина, –1907, Т. 129, № 3. С. 607-613; т. 130, № 4, С. 81-88.

⁶ Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915.

Евреинова¹, Г. А. Джаншиева², В.Г. Короленко³, Я.Я. Литвинова⁴, А.Д. Пазухина⁵, Ю.Д. Южакова⁶. В статье А.Д. Пазухина содержались новые идеи о крестьянском вопросе и меры по его решению, в том числе с помощью земских начальников. Эти предложения заинтересовали М.Н. Каткова и были переданы императору. Вскоре А.Д. Пазухин получил должность управителя канцелярии министра внутренних дел. В.Г. Короленко, подробно повествовал о поездке по губерниям, в которых крестьяне страдали от голода. Большое место в этих записках занимает описание земских начальников и их деятельность по организации продовольственной помощи населению.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе на основе анализа деятельности и выявления персонального состава участковых земских начальников представлена новая интерпретация их взаимодействия с властями различного уровня. Установлено, что земские начальники не являлись однородной массой дворянства, послушно проводившей «антикрестьянскую» политику. Напротив, выявлены многочисленные факты активной «чистки рядов» земских начальников по инициативе вышестоящих властей с целью избавления от одиозных фигур. Установлена деятельность земских начальников по оказанию социальной помощи крестьянству в период с 1891 по 1914 гг. Установлена динамика численности и качественного уровня лиц, состоявших на должности земского начальника.

Теоретическое значение работы состоит в том, что обосновывается важный аспект цивилизационного подхода о взаимовлиянии патриархальных

---

¹ Евреинов, Г. А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства [Текст] / Г. А. Евреинов. — СПб.: 1898.

² Джаншиев Г. А. Закон и справедливость на «новом суде» и у земских начальников // Русская мысль. — 1893. — № 5. — С. 79–100.

³ Короленко В.Г. В голодный год. // Полное собрание сочинений. Т. 5. Петроград, 1914.

⁴ Литвинов, Я.Я. Земские начальники, их административная и судебная деятельность [Текст] // Русское обозрение. — 1895. Т. 36. — С. 186–200.

⁵ Пазухин А.Д. Современное состояние России и сословный вопрос [Текст] // Русский вестник / ред. М.Н. Катков, 1885, № 1. — С. 5–58.

⁶ Южаков, Ю.Д. О земских начальниках в Туркестане [Текст] / Ю.Д. Южаков. — СПб.: Типография тов-ва «Общественная польза», 1894.

и современных (рациональных, прагматических) смыслов, значений и практик в деятельности земских начальников. Разработано положение теории модернизации, раскрывающее динамику (эволюцию) крестьянского мира под воздействием государственной политики и изменений в социальных институтах, призванное увеличить масштаб социальной мобилизации с целью достижения широкого общественного консенсуса при проведении администрацией реформы местного управления.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Сформировавшаяся в дореволюционной и советской историографии резко негативная оценка института земских начальников как нового реакционного органа не соответствует фактическому положению дел. Анализ практических шагов царского правительства показывает введение этого института лишь как логическое продолжение формирования административно-судебной системы в рамках реальных возможностей самодержавия и существующего кадрового резерва.
2. На момент введения института земских начальников уровень правового сознания, как и патриархальная культура крестьянства не соответствовали современному ей европейскому общественно-политическому развитию, что делало невозможным прямое заимствование системы европейской организации местного управления и судебных институтов. Император и его советники были убеждены, что лучшей для управления являлась модель традиционно-сословных отношений дворян и крестьян. Как следствие, российской администрацией был выбран патерналистский вариант приобщения массы крестьян к государственным правовым стандартам.
3. Практическое изучение деятельности земских начальников региона показало, что устоявшаяся в общественном сознании их оценка как «реставраторов крепостничества», неправомерна. Напротив, более характерным явлением было невмешательство земских начальников в

дела населения. Особенно этим отличался первый период работы земских начальников, в то время как именно этот вариант «вмешательства» в крестьянские дела широко критиковался прессой. В начале XX в. в результате массовых ревизий большинство бездействующих земских начальников были уволены со службы.

4. На деятельность института земских начальников Самарской и Уфимской губерний большое влияние оказывали полиэтничный и многоконфессиональный состав населения, немногочисленность дворянского сословия и многоукладность экономики, обусловившие специфические направления деятельности земских начальников, нехарактерные для центральных регионов, как, например, межевание башкирских земель; интенсивная работа по продовольственной помощи крестьянству, выполнение правительственных задач по русификации инородческого населения, активно продвигаемой правительством, что требовало от самих земских начальников наличия определенных способностей. Именно в этом регионе деятельность земских начальников была значительно интенсивней и власти установили в регионе более высокую заработную плату (2800 рублей в год), в отличие от центральных регионов (2200 рублей в год).
5. Одновременно с ускорением модернизационных процессов на рубеже XIX-XX постоянно расширялся набор административных функций, которые выполняли земские начальники. В сочетании с огромным количеством единовременных поручений, это дестабилизировало деятельность института. Если изначально перечень задач земских начальников касался больше хозяйственных нужд крестьянства, особенно организации землепользования, то со временем на них были возложены заведывание продовольственной помощью населению, взимание окладных сборов, работа в уездных училищных советах и попечительство детских приютов, проведение важнейших

землеустроительных работ при проведении земельной реформы 1906 года и масса иных дел, вплоть до организации борьбы с сельскохозяйственными вредителями и доведения до населения новейших агрономических сведений.

- б. Изучение личного состава земских начальников региона показало, что основным мотивом поступления большинства из них на службу был поиск средств для повышения благосостояния, соответственно, это и определяло их отношения к работе, поэтому сословные факторы отходили на второй план. Будучи по поведению типичными представителями мелкого и оскудевающего дворянства, земские начальники представляли собой больше бюрократический институт, а не сословный. Служба земским начальником стала трамплином для взлета по карьерной лестнице для многих высокопоставленных чиновников, заметных политических деятелей и иных лиц, оставивших заметный след в истории.

Практическая значимость работы состоит в том, что содержащийся в ней фактический материал о деятельности участковых земских начальников в государственной системе управления позволит по-новому представить совокупность факторов, влиявших на эффективность деятельности местных органов власти в прошлом и настоящем, а также учитывать исторический опыт в подготовке проектов реформ местного самоуправления. Основные положения и выводы могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории Отечества, разработке вузовских спецкурсов по истории Поволжья и Урала.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации отражены в восьми публикациях, в том числе четырех статьях в журналах, реестра ВАК, а также представлены в виде докладов на всероссийских научных конференциях (Самара, 1999, 2009; Челябинск, 2010, 2011, 2016).

Глава 1. Нормативно-правовые акты об участковых земских начальниках и организация их деятельности в Самарской и Уфимской губерниях

1.1. Подготовка и принятие нормативно-правовых документов об участковых земских начальниках и направления их деятельности

Институт земских начальников — одно из учреждений, созданных в царствование Александра III, и получившее особенно много негативных оценок как в дореволюционной печати, так и в советской литературе. Его введение в 1889 году прочно и надолго получило ярлык одной из наиболее реакционных «контрреформ». Особенно много замечаний заслужило соединение в руках земского начальника административных функций с судебными. Может возникнуть мысль, что этот институт действительно был искусственным детищем реакции, не имевшим аналогов в истории Российской империи. Но особые сословные органы местной власти с правом надзора за крестьянским самоуправлением и достаточно широкими возможностями в отношении влияния на крестьян появились намного раньше 1889 года, а именно сразу после отмены крепостного права. Это был институт мировых посредников, созданный для контроля за крестьянским самоуправлением и для решения вопросов взаимоотношений крестьян с их бывшими помещиками. Изначально планировалось, что должность посредников будет выборной, но было решено *временно* сделать ее назначаемой. Забегая вперед, скажем, что выборной она так и не стала. Вышестоящими инстанциями над мировыми посредниками являлись их съезды и губернские по крестьянским делам присутствия. Институт мировых посредников схож с институтом земских начальников по характеру и проблемам деятельности. Но одним из главных отличий было то, что сфера деятельности посредников касалась всех сословий, в том числе дворян, и не касалась хозяйственной деятельности крестьян.

Сначала должность мировых посредников давала занимающим ее лицам достаточно широкие административные полномочия при фактической

независимости от местной администрации. Это объясняется стремлением правительства привлечь в ряды посредников наиболее богатую часть дворянства, которую могло заинтересовать не жалованье, а почетность и привилегированность должности¹. Но после введения судебных уставов 1864 года обязанности по разбору многих видов дел перешли в ведение мировых судей, что чрезвычайно сузило полномочия мировых посредников. Вскоре лучшие из них перешли в земские и судебные учреждения, а оставшиеся к своим обязанностям в массе относились совершенно равнодушно. Многие из них в течение целого года не бывали ни разу в некоторых волостях своего участка, а другие не посещали вовсе волостных правлений государственных крестьян со времени передачи последних в их ведение. Вместо объезда и личных распоряжений на местах, посредники жили безвыездно в своих имениях, ограничиваясь или перепиской с волостными и сельскими начальниками, или вызовом их к себе². В итоге должность мировых посредников была отменена в 1874 году. Их обязанности перешли частично к новым учреждениям – уездным по крестьянским делам присутствиям и непременным членам этих присутствий, а частично к уездным исправникам, которые вошли в состав присутствий. Кроме того, исправники получили право налагать собственной властью взыскания (замечания, выговоры, денежный штраф до пяти рублей и арест до семи дней) на должностных лиц крестьянского управления в случае неисполнения ими обязанностей по взысканию с крестьянского населения казенных и др. платежей. Таким образом, орган крестьянского управления стал коллегиальным и, в отличие от мировых посредников, был поставлен под контроль администрации. Данное нововведение не изменило положение в лучшую сторону. В 1880 году в нескольких регионах была проведена сенатская ревизия, которая выявила многочисленные злоупотребления на местах. В Тамбовской губернии члены

---

¹ Чернуха В. Г. Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (сер. XVI–нач. XXв.). Л., 1967. С. 200.

² Отчет по Госсовету за 1889 год. С. 3.

присутствия бесконтрольно вмешивались в дела крестьянского общественного управления: заставляли сельские сходы принимать выгодные для себя решения, назначали без выборов волостных старшин, утверждали переделы общинной земли, не считаясь с желаниями крестьян, не выдавали переселяющимся в Уфимскую губернию крестьянам паспорта и т. д. Заседания присутствий были, как правило, закрытыми. Большая часть дел решалась фактически по усмотрению уездных предводителей. Злоупотребления помещиков и местных властей приняли такие масштабы, что обратили на себя «высочайшее» внимание¹. Практически аналогичная картина следовала из ревизии Казанской и Уфимской губерний.

По мнению ревизоров, новые учреждения не оправдали возлагавшихся на них надежд, и главная причина этого крылась в самой организации присутствий. В сенаторских отчетах указывалось, что члены присутствия переобременены своими прямыми обязанностями. Непременный же член, оказавшийся, как писал сенатор М. Е. Ковалевский, «главным хозяином всего крестьянского дела в уезде», также не в состоянии был решать массу дел. В ряде уездов они фактически выполняли функции мировых посредников в их прежнем объеме, хотя по закону и не имели таких прав. И опять же, подобно мировым посредникам, некоторые из непременных членов постоянно жили в своих имениях. Сенаторы единодушно высказывались за упразднение уездных присутствий, так как, по их мнению, коллективная форма управления в крестьянском деле неприемлема, и за установление в той или иной форме единоличной власти. Было предложено передать основные обязанности непременных членов участковым мировым судьям (М. Е. Ковалевский) или специально учрежденным должностным лицам с правами и обязанностями мировых посредников (С. А. Мордвинов)².

На данном этапе необходимо сделать небольшое отступление, обратив внимание на историческую обстановку, в которой происходили описываемые

---

¹ Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. М., 1979. С. 194.

² Там же. С. 194-195

события. Создание института мировых посредников приходится на пик либеральных «великих реформ» царствования Александра II. Особенностью этой и всех предыдущих российских модернизаций было то, что проводилась она «сверху», фактически в условиях жесткого противодействия консервативного большинства правящей среды. Неготовность части элиты к столь радикальным преобразованиям и, одновременно, желание другой части общества ускорить процесс модернизации привели к ее расколу на два радикальных лагеря: правых и левых. В условиях российского политического развития смысл действий контрэлиты, как правило, заключался в насильственном ускорении политических процессов. Ее влияние в лице левой радикальной интеллигенции на выработку правительственного курса в 1860-80-х гг. было амбивалентным: с одной стороны давление на власть слева было призвано обеспечивать процесс необратимости модернизационных преобразований в связи с непоследовательностью позиции верховной власти (традицией Александра II стала отставка либеральных реформаторов после осуществления преобразований). С другой стороны, форсированная радикализация требований контрэлиты, вплоть до насильственного свержения власти, только что осуществившей важнейшие реформы, принесла прямо противоположный результат: откат реформ. Таким образом, объективным результатом радикализма контрэлиты выступала не дальнейшая модернизация политической системы, а ревизия осуществленных по инициативе власти модернизационных преобразований. При этом ужесточение режима всякий раз сопровождалось усилением протеста. Преодолеть этот порочный круг мог только конструктивный диалог власти и оппозиции, элиты и контрэлиты, что предполагало готовность к компромиссам обеих сторон конфликта. Однако сформировавшись в условиях безраздельного доминирования конфронтационного типа политической культуры (в рамках которой диалог с оппонентом

рассматривается как признак слабости), обе стороны противостояния продемонстрировали неприятие самой идеи диалога¹.

После "поправления" императора либеральная бюрократия постепенно вытесняется из сферы принятия важнейших решений; ее "прибежищем" становится Государственный совет, в состав которого вошли многие отставные министры правительства периода реформ (Д. Замятнин, Н. Стояновский, К. Грот, А. Головнин, впоследствии М. Лорис-Меликов, А. Абаза и др.), а председателем совета был убежденный либерал — брат царя вел. кн. Константин Николаевич. Однако позиция Государственного Совета не имела решающего значения, так как его предложения подлежали утверждению императором, который часто солидаризировался с мнением консервативного меньшинства Государственного совета.

Кратковременный период либерализации, связанный с именем М.Т. Лорис-Меликова, был прерван убийством Александра II, перечеркнувшим любую возможность для дальнейших реформ.

Великий князь Александр Михайлович в своих мемуарах писал, что «взрывом прошлого воскресенья был нанесен смертельный удар прежним принципам»². Несмотря на то, что князь выражал позицию правого лагеря, слова эти справедливы для любой стороны. Большинство преобразований вступившего на трон сына убитого императора — Александра III — прошли под эгидой естественной реакции на события 1 марта 1881 г., которой стал курс жесткой и репрессивной охранительной политики во всех сферах.

Одним из этапов ее стало дальнейшее преобразование органов крестьянского управления, особенно с учетом их неэффективности, выявившейся уже в конце царствования Александра II. Вопрос стоял лишь о форме новых учреждений.

Реформирование крестьянского управления, направленное на усиление административного контроля за ними, было осуществлено уже в 1874 году в

---

¹ Гаман-Голутвина О.В. Указ., соч. С. 208-209.

² Воспоминания великого князя Александра Михайловича. С. 67.

контексте частичного отката от либеральных преобразований, когда уездные по крестьянским делам присутствия были поставлены под контроль МВД и сделаны коллегиальным органом, в отличие от института мировых посредников, свобода которых соответствовала духу «великих реформ».

Единого мнения о том, что должны представлять собой новые органы власти, и в дворянских, и в правительственных кругах не было. Одни хотели видеть в этой роли реорганизованный институт мировых судей, который к тому времени был достаточно разветвлен и многочислен. Другие требовали создать новый орган, третьи же просто хотели бы усилить репрессивную власть на местах¹. Уже в начале 80-х годов в дворянских кругах начинают витать идеи об учреждении в деревне сильной единоличной власти, объединяющей административные и судебные функции.

В итоге, главным стал проект, разработанный А. Д. Пазухиным в 1885-1886 году. В нем предлагалось ввести новый институт земских начальников. Обсуждение проекта затянулось на несколько лет, и закончилось в 1889 году принятием положения о земских участковых начальниках.

Разработанный А. Д. Пазухиным проект вносился на обсуждение министром внутренних дел Д. А. Толстым, потому прочно ассоциируется с его именем.

Во многих исторических исследованиях имя крайне правого Д. А. Толстого, ставшего в 1882 году министром внутренних дел, считается одиозным выражением нового курса реакционных «контрреформ». Как писал М. Катков, «имя графа Толстого само по себе уже есть манифест и программа»². Но Д.А. Толстой с 1866 по 1880 годы был министром народного просвещения и всегда пользовался полным доверием Александра II. Потому его появление в правительстве нового императора нельзя назвать революционно новым назначением.

---

¹ Корелин А. П. Указ., соч. С. 195–196.

² Катков М.Н. Собрание передовых статей "Московских ведомостей". 1882. М., 1898, С. 280.

Д.А. Толстой признавал неэффективность уездных присутствий и то, что «дальнейшее промедление в принятии необходимых мер для устранения этих неудобств могло бы привести к самым нежелательным последствиям»¹. В качестве же «необходимой меры» министр внутренних дел предлагал ввести на местах особые органы управления, которые сосредотачивали бы в своем ведении все важнейшие интересы сельского населения и имели бы необходимые полномочия для охраны порядка на подведомственной им территории. Органы эти должны были быть единоличными в низшей и коллегиальными во второй инстанции. Им предполагалось дать название земских начальников и съездов указанных начальников соответственно.

Самые ранние закулисные переговоры по проекту, как и все отзывы о нем, тщательно изучены и описаны в монографии П. А. Зайончковского². Они, несомненно, представляют интерес в теоретическом отношении, мы же подробнее коснемся только самого закона, который и воплотился в конечном итоге в жизнь, а именно, проекта Пазухина – Толстого.

Назначение земских начальников предполагалось предоставить правительственной власти. При этом в губерниях с сильным дворянским представительством планировалось избирать их по *соглашению* губернатора с местными предводителями дворянства из удовлетворяющих закону дворян. Эти кандидатуры утверждались затем министром внутренних дел. Земским начальникам присваивался VI класс по должности и общие права по службе по определению от правительства.

3 декабря 1888 года проект Толстого начали рассматривать Соединенные департаменты Законов, Экономии и Гражданский.

Семь членов (в их числе Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев, М. Н. Островский и И.А. Вышнеградский) заявили, что новый институт создается исключительно в интересах рядовых крестьян. Указывая на постоянное нарушение их интересов богатой верхушкой, влияющей на решения сходов,

---

¹ Отчет по Госсовету за 1889 год. С. 6.

² Зайончковский П. А. Указ., соч. С. 366-389.

они винили в этом исключительно отсутствие заботливой и авторитетной правительственной власти, о которой только и мечтают сельчане¹. Земские начальники виделись этим государственным деятелям институтом, пришедшим (преемственно) на смену и институту мировых посредников, и уездным по крестьянским делам присутствиям². Данный институт должен был стать реформированным продолжением их деятельности. Но реформирование заключалось лишь в новом расширении полномочий органов местной власти и усилении ее репрессивных функций вместо сущностного изменения организации крестьянского управления.

Большинство же (18 человек) членов департаментов, также подтвердив, что реформа местного управления необходима в ближайшее время, пришли к выводу, что новый институт должен быть органом общеадминистративным, а не специально крестьянским.

К такому заключению их привело соображение, что крестьянские учреждения занимали в законодательстве определенное место, и власть этих органов строго ограничивалась крестьянским делом в тесном значении этого понятия. Между тем, с 1860-х гг. состав сельского населения значительно изменился в селе появилась значительная прослойка некрестьянского населения с чисто сельским характером, да и сами крестьяне уже не были замкнутым сословием. В заключение данная группа высказывала свое пожелание, в принципе, не относящееся к обсуждаемому вопросу, но заслуживающее внимания. В документе отмечалось, что «При введении новой важной меры, долженствующей оказать воздействие на внутреннюю жизнь десяткам миллионов крестьянского населения, правительство не может не остановить своего внимания на том впечатлении, которое мера эта произведет на означенное население. Имея целью исправление вкравшихся в крестьянское самоуправление беспорядков, в связи с ограничением бесконтрольности оно, и с вооружением новых агентов власти широкими

---

¹ Отчет по Госсовету за 1889 г. С. 10.

² Там же. С. 14-15.

полномочиями <...> закон должен, по необходимости, затронуть многие интересы. Весьма естественно, что недовольные такой переменной постараются внушить нерасположение к ней неразвитому и малограмотному крестьянскому люду, распространяя в его среде всякие ложные толки. Не преминут, конечно, воспользоваться этим обстоятельством и те укрывающиеся в народной среде темные личности, которые не пропускают ни одного удобного случая для возбуждения неудовольствия против правительства. Образование земских начальников в виде крестьянского учреждения легко *могло бы быть* (курсив мой — Е.М.) объяснено в смысле меры, направленной к восстановлению, хотя и в измененном виде, тех прав дворянства над крестьянами, которые утрачены были им с упразднением крепостной зависимости. Если бы на самом деле это произошло, то правительство встретилось бы с затруднениями несравненно более серьезными, нежели те, которые имеется в виду устранить»¹.

Ясно, что и консерваторы, и более либеральные чиновники понимали неотложность и необходимость реформы крестьянского управления. Но решение им виделось разное. Первые стояли за возвращение сословной организации общества, вторые же считали более целесообразным расширение прав крестьян и большее уравнение их с другими сословиями.

16 января 1889 года вопрос обсуждался на общем собрании Государственного совета. За проект Толстого проголосовали 13 членов, против — 39. Таким образом, большинство членов Государственного совета было против проекта Толстого. Как ранее упоминалось, большинство его членов составляли бывшие творцы и сторонники «великих реформ» предыдущего царствования. Новый закон, аннулирующий многие из их достижений, не мог найти у них поддержку и одобрение. Но судьба закона зависела от решения императора. Александр III солидаризовался с мнением меньшинства. 29 января на решении Общего собрания Госсовета он наложил резолюцию, упраздняющую институт мировых судей. Полномочия их

---

¹ Отчет по Госсовету за 1889 г. С. 21-22.

делились между земскими начальниками и волостными судами, а меньшая часть отходила к окружным судам¹. В руках земских начальников соединялась судебная и административная власть, что являлось нарушением принципа разделения властей, провозглашенного судебными уставами 1864 года.

Не вызывает сомнения искренность убеждения императора в том, что твердая рука наведет мир и порядок в деревне к всеобщему удовлетворению. С. Ю. Витте считал, что: «Александр III был соблазнен мыслью, что вся Россия будет разбита на земские участки, что в каждом участке будет почтенный дворянин..., что этот дворянин-помещик будет опекать крестьян, судить их и рядить»².

В 1881 году И. Аксаков опубликовал в журнале «Русь» записку, адресованную его отцом К. Аксаковым Александру II. Идеолог славянофилов развивал свою главную мысль о том, что русский народ – народ не государственный и не имеет никакого желания участвовать во власти, в управлении государством. Ему совершенно не нужны западные идеи, он себя чувствует совершенно свободным под отеческой рукой царя-самодержца³. Идеальные отношения в деревне представлялись императору полностью соответствующими мечте славянофилов.

После того, как проект весной 1889 года поступил в соединенные департаменты, некоторые его пункты подверглись корректировке, не изменив сути.

Большое внимание в департаментах обратило на себя предполагаемое право земских начальников ревизовать решения сельских сходов. Отмечалось, что существует многолетняя практика их полной автономии. Но на практике часто выносились приговоры, которые явно нарушали насущные потребности общества или явно попирали права кого-либо из домохозяев из-

---

¹ Отчет по Госсовету за 1889 г. С. 36.

² Витте С. Ю. Избранные воспоминания. М., 1991. С. 125.

³ Геллер М. История Российской империи. В 3-х тт. Т. 3. М., 1997. С. 162.

за пагубного влияния на общественные дела различных эксплуататоров, стремления которых всегда расходятся с общим благом¹. В Департаментах сочли решение этого вопроса требующим чрезвычайной осторожности. Даже во времена крепостного права, когда помещные дворяне являлись полновластными распорядителями личности и всего имущества своих крепостных людей, лучшие помещики никогда не позволяли себе вмешиваться в имущественные дела подчиненного им сельского мира. При этом помещики прежних времен гораздо лучше знали быт и потребности своих крестьян, чем вновь создаваемые органы крестьянского управления². Было высказано справедливое предложение, чтобы задача новых органов заключалась в наблюдении за тем, чтобы решения схода являлись результатом сознательно выраженной воли большинства его членов и, в то же время, не посягали на законные права отдельных личностей. Если земский начальник считал, что приговор не соответствует закону, то он должен передавать его на рассмотрение съезда, а не отменять сам³.

Приговоры волостных судов о телесных наказаниях должны были осуществляться только с ведома земского начальника, что объяснялось заботой о том, чтобы озлобленные крестьяне не допустили жестокости. Земский начальник должен был ее предупредить и, в случае необходимости, заменить другим наказанием⁴.

Далее, требовалась публичность судебных заседаний у земских начальников, для предотвращения возможных беззаконий⁵.

Данные поправки были утверждены императором, и 12 июля 1889 года Положение о земских участковых начальниках вступило в силу.

Ст. 6 Положения о земских начальниках перечисляла лиц, имеющих право занять должность земского начальника.

---

¹ Отчет по Госсовету за 1889 г. С. 83-84.

² Отчет по Госсовету за 1889 г. С. 85.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 104.

⁵ Там же. С. 199.

Земскими начальниками могли быть неопороченные по суду или иным образом местные потомственные дворяне не моложе 25 лет: 1) прослужившие не менее трех лет предводителями дворянства; 2) имеющие высшее образование или трехлетний стаж в должности мирового посредника, мирового судьи, не переменного члена присутствия по крестьянским делам или земского начальника, если сами они, жена или родители обладали половинным цензом, дающим им право на личное участие в избрании гласных в уездное земское собрание (7500 руб.). Это были самые желательные кандидаты. Но на случай нехватки кандидатов требования были ослаблены. По ст. 7 при недостатке вышеуказанных лиц на должность земского начальника могли назначаться местные дворяне не моложе 25 лет: 1) получившие среднее образование или выдержавшие соответствующее испытание, имеющие имущество на сумму не менее 15000 руб.; 2) получившие высшее образование или прослужившие не менее трех лет в одной из перечисленных в ст. 6 должностей, даже если они не владеют необходимым количеством земли, а только сохранили усадебную оседлость. Отсутствие должностного класса для вышеупомянутых лиц также не служило препятствием для занятия должности (ст. 8).

Ст. 10 перечисляла лиц, которые не могли стать земскими начальниками. Это лица, состоявшие под судом или следствием за проступки или преступления, сидевшие в тюрьме или не оправданные судом. Также препятствием для занятия должности служило то, что дворянин был исключен из службы или дворянского собрания, по приговорам последних, объявлен несостоятельным должником или состоит под опекой за расточительность¹.

Если в уезде не находилось достаточного числа кандидатов, удовлетворяющих требованиям ст. 6–9, то земским начальником мог стать дворянин из списка другого уезда (ст. 13), и если даже таких не находилось,

---

¹ Полный свод законов Российской империи (ПСЗ), собр. 3, Т. 9. № 6196, С. 511.

то по решению министра внутренних дел им могли назначить других лиц, имеющих образовательный ценз не ниже среднего (ст. 15).

То есть круг лиц, которые могли стать земскими начальниками, в итоге мог быть довольно широк и нельзя согласиться, что этот закон делал ставку в первую очередь на дворян-землевладельцев. Как показала практика, земскими начальниками могли стать и лица, не имеющие никакого имущества и даже недворянского происхождения.

Если земский начальник терял имущественный ценз, то с особого разрешения министра внутренних дел он имел право сохранить должность (ст. 17). Увольнение земского начальника от должности также целиком зависело от министра (ст. 18)¹.

Земские начальники, в отличие от мировых судей, получали свою должность не через выборы, а путем назначения, что практически снимало с них страх потери должности. А.П. Корелин приводит сведения о том, как новый закон был встречен самими дворянами. В январе 1892 года смоленское дворянское собрание обсуждало вопрос о земских начальниках. Собрание рассматривало введение этого института как знак высочайшего внимания и высочайшей милости к сословию. Губернский предводитель назвал земских начальников «ставленниками дворянства» и предложил предводителям принять активное участие в направлении их деятельности, в установлении с ними деловых и личных контактов. Чтобы укрепить руководящие позиции дворянских обществ в отношении нового института, было предложено ходатайствовать о дополнении закона указанием на то, что уездным предводителям вменяется в обязанность ревизия деятельности земских начальников, а также волостных и сельских органов, что все сношения губернских властей с этими учреждениями должны идти через уездные съезды и их председателей, что предводители дворянства являются единственным связующим звеном между уездными органами и губернской

---

¹ ПСЗ, собр. 3-е. Т. 9. № 6196. С. 512.

администрацией и им принадлежит вся полнота власти в уезде¹. В ответ на это ходатайство министр внутренних дел Н. И. Дурново заявил, что «предположенные губернским дворянским собранием изменения закона проистекают из не вполне точного и правильного толкования установленных сим законом взаимных отношений дворянства, с одной стороны, и правительственной властью – с другой». «Утверждая должность земского начальника, закон... имел в виду создать на месте твердую правительственную власть, с понятием которой совершенно несовместимо положенное в основание ходатайства мнение о земских начальниках, как ставленниках дворянства, в смысле противопоставления их правительственным чиновникам. Если, по мысли закона, земские начальники в виде общего правила, назначаются из числа местных дворян, то таковой порядок назначения их вызван был тем соображением, что поместное дворянство представляет ту среду, которая лучше всего обеспечивает знание местных условий и наличие нравственных качеств, необходимых для успешного выполнения важных обязанностей земского начальника. Вследствие сего и предводителям дворянства, как лицам, стоящим во главе его и хорошо знакомым с его личным составом, предоставлена законом надлежащая доля участия в избрании кандидатов на должность... Этим, однако, и исчерпывается их ответственность в сем отношении»². Таким образом, указывалось в ответе, всю полноту ответственности за деятельность земских начальников несут на себе власти, которым и принадлежит исключительное право давать им указания и распоряжения и требовать ответа. Закон предоставляет предводителям право ревизовать деятельность нового института, а председательствование в съездах дает возможность быть в курсе всех циркуляров и инструкций. Следовательно, никаких изменений в нем не требуется. Но необходимо иметь в виду, указывал министр, что и председательствование в съездах как форма участия в надзоре за земскими

---

¹ Корелин А. П. Указ., соч. С. 199-200.

²Цит. по: Корелин А. П. Указ.,соч. С. 200.

начальниками «предоставляется предводителям в качестве органов правительственной, а отнюдь не сословной власти»¹. Дворянство, таким образом, рассматривалось как поставщик кадров для государственного аппарата, а роль уездных предводителей сводилась к функциям правительственного надзора. Должность земских начальников была полезна правительству в том смысле, что укрепляла на местах его власть и давала дворянину престижную службу, писала В. А. Твардовская². М. Геллер указывал на то, что положение о земских начальниках возвращало помещикам престиж. Но это был престиж помещика, ставшего государственным чиновником³.

Круг людей, могущих стать земскими начальниками, был очень широк. Правительство стремилось привлечь на эту должность в первую очередь людей с образованием или служебным опытом, близким к новому институту. Но, предвидя возможный недостаток кандидатов, рамки условий приема на должность были расширены. В итоге земским начальником мог стать как солидный помещик, так и обнищавший отставной офицер, не имеющий никакого занятия. Главная надежда возлагалась на то, что в «нравственном отношении» это будут достойные люди.

Административные полномочия земских начальников перешли к ним от мировых посредников, с дополнениями и изменениями.

Земский начальник надзирал за всеми органами крестьянского управления и ревизовал их (ст. 23); в отсутствие уездного исправника или станового пристава надзирал за действиями волостных старшин и сельских старост, а также мог отдавать приказы им и нижним полицейским чинам (ст. 24); мог дополнять по своему усмотрению список дел, предназначенных к рассмотрению на волостном сходе (ст. 25). Жалобы на должностных лиц крестьянского управления он разрешал собственной властью (ст. 28), и мог

---

¹ Там же. С. 201.

² Твардовская В. А. Александр III // Российские самодержцы. С. 279.

³ Геллер М. Указ., соч. с. 163.

удалять от должности неблагонадежных волостных и сельских писарей (ст. 29).

Земский начальник рассматривал все приговоры сходов, и если они нарушали интересы общества или его членов, то он передавал их на решение уездного съезда (ст. 30 и 31). Утверждению съезда подлежали и многие другие приговоры: о соединении мелких сельских обществ (ст. 32), о продаже имущества малолетних (ст. 33) и удалению порочных членов (ст. 34). Он надзирал за состоянием мирских капиталов и утверждал приговоры сходов о расходовании сумм из них (ст. 36), а также смотрел за всеми видами сельских кредитных учреждений (ст. 37).

Ему принадлежало право рассматривать составляемые уездной земской управой планы по устройству селений и сообщать управе заключения по этим проектам и разрешать возведение крестьянских строений на смежной с их усадьбами общей с помещиками земле (ст. 43).

Земский начальник открывал крестьянские избирательные сходы для избрания гласных в уездное земское собрание, утверждал избранных этими сходами председателей и разрешал возникающие при выборах недоразумения (ст. 44)¹.

Закон о земских начальниках существенно ограничивал самостоятельность крестьянских сходов и позволял вмешиваться в их хозяйственную деятельность и контролировать выборы в земство. Уже упоминалось, насколько это обстоятельство беспокоило членов Госсовета еще на этапе обсуждения закона. Распространена точка зрения, что крестьяне при всей своей «темноте», лучше понимали свои хозяйственные интересы, чем земский начальник, зачастую не умевший вести свое собственное хозяйство². Такую точку зрения можно назвать спорной, так как проблемы неэффективности крестьянского хозяйства в условиях общины были очевидны уже в рассматриваемый период, как и проблемы влияния на

---

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IX. № 6196. С. 514-515.

² См., напр.: Громыко М. М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 6.

сельское общество богатой верхушки вкупе с сельскими властями. Решение этой проблемы лежало в иной плоскости, но было возложено на институт земских начальников, не гарантировавший успешного результата.

Кроме того, земский начальник, под предлогом заботы о нравственном благосостоянии крестьян (ст. 39), мог повлиять на их частную жизнь. И, прикрываясь заботой о хозяйственном и нравственном «преуспеянии» вверенного ему населения, мог отдать любое приказание, не выполнить которое было практически невозможно, так как ему на этот случай были даны широкие карательные полномочия. Введение данной статьи также было вызвано существующими проблемами в крестьянском быту. Многочисленные описания их быта тех времен красноречиво свидетельствуют о необходимости работы по искоренению пороков, поразивших сельских жителей. Такие проблемы невозможно решить административными методами, но стремление правительства именно к такому пути естественно проистекает из самой сути самодержавной идеологии того времени.

Знаменита пресловутая статья 61, по которой земские начальники получили право за неисполнение своих распоряжений подвергать подведомственных им лиц крестьянского общественного управления без формального производства аресту до трех дней или штрафу до шести рублей.

Не менее знаменита статья 62, позволявшая земскому начальнику после проверки жалоб на должностных лиц сельского и волостного управления подвергать их взысканиям: замечанию, выговору, штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней. При очень серьезных нарушениях земский начальник мог представить провинившегося к полному отстранению от должности. Решения земского начальника по ст. 25, 29, 35, 61 и 62 были окончательными. На прочие существовал 30-дневный срок обжалования.

Помимо административной, земским начальникам предоставлялась и судебная власть. По судебным делам за небольшими исключениями им передавались дела мировых судей.

По гражданским делам ведению земских начальников подлежали дела по спорам и искам на сумму до 500 руб. по найму сельских угодий и по личному найму на сельские работы; дела о восстановлении нарушенного владения; дела о потравах полей, лугов и других угодий, если ущерб составил не более 500 руб. (ст. 48). Также земский начальник должен был разрешать другие дела по искам на сумму до 300 руб.¹ Фактически под эти критерии попадали самые насущные для крестьян дела, что требовало от земского начальника наличия определенных навыков и опыта. Барон Жомини писал по этому поводу, что судебная функция земского начальника гораздо важнее административной, так как это единственная инстанция, к которой может обратиться крестьянин. Ведь только наличие правосудия прививает ему уважение к правам других, а также способствует накоплению достатка. Потому что лицо, уверенное, что его снопы или растущий лес охраняются от кражи строгой карой, будет относиться к ним с большей заботой. Но именно правосудие закон о земских начальниках не укрепляет, а только ослабляет. «Чтобы соединить в одном лице и судебную, и административную власти, надо, чтобы это лицо обладало незаурядными качествами, чтобы <...> вдумчивость, соединялась с большой выдержкой характера. Такие редкие качества достигаются жизненным опытом *и то не каждым человеком*; а тем более их трудно встретить в 25-летнем юноше»².

Помимо прямых обязанностей и прав, земские начальники получили широкие права в отношении волостных судов. Государственным советом признавались их действительные недостатки: полное отсутствие надзора за его действиями, неудовлетворительный состав, безапелляционность решений. Существовала не лишняя оснований убежденность, что волостные суды находились под влиянием волостных старшин и даже писарей. Преобразование волостного суда было признано необходимым, но на коренные изменения не было времени, поэтому вводились временные

---

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IX. № 6196. С. 515.

² Б.Ж. О земских начальниках... С.4-5.

правила, ставящие целью хотя бы ненадолго улучшить состав волостных судов и установить контроль над ними¹. По этим правилам волостной суд устраивался следующим образом.

Волостные суды состояли из четырех судей, председатель назначался уездным съездом, а сами волостные судьи – земским начальником на три года. На должность избирались те, кому исполнилось 35 лет, несудимые, пользовавшиеся уважением односельчан (ст. 1–3).

Предметы ведения волостных судов: а) все споры и тяжбы между крестьянами о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; б) споры и тяжбы между лицами, подведомственными волостным судам, ценой до 300 рублей; дела по наследованию и разделам крестьянского имущества без ограничения суммы, если наследуемое входит в состав крестьянского надела, а движимое составляет принадлежность того же наследства, и на сумму до 500 рублей, если наследство не входит в состав крестьянского надела (ст. 14)².

По уголовным делам волостному суду было дано право подвергать виновных следующим наказаниям: а) выговор, б) денежный штраф от 25 коп. до 30 руб., в) арест простой или строгий (на хлеб и воду) до 30 дней; 4) наказание розгами до 20 ударов (ст. 33). При этом телесные наказания могли исполняться только с разрешения земского начальника (ст. 29)³. Полномочия волостных судов были расширены по сравнению с предыдущим законом. Одновременно они теряли самостоятельность, так как ранее они были независимы от администрации, а теперь же волостной суд был поставлен под контроль земского начальника, получившего право назначать волостных судей (ст. 2)⁴. С одной стороны, это было необходимо, так как волостные суды вызвали обоснованные нарекания. Но на практике контроль в лице одного земского начальника не мог быть гарантированно действенным. По

---

¹ Отчет по Госсовету за 1889 г. С. 50-52.

² ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IX. № 6196. С. 528-529.

³ Там же. С. 531.

⁴ Там же. С. 528.

этой же причине не обеспечивался и контроль за составом судей. Фактически произошло расширение полномочий волостного суда при полном сохранении его недостатков.

Второй инстанцией института земских начальников был их уездный съезд. В него обжаловались их решения, съезд передавал в губернское присутствие дела об окончательном устранении от должности лиц волостного и сельского управления, а также пересматривал, как говорилось решения волостных судов. Земские начальники и съезд были подотчетны губернскому присутствию. Последнее ревизовало деятельность начальников, ему принадлежало право устранять их временно от должности и делать перед министром внутренних дел представления об окончательном их удалении. Губернское присутствие было также апелляционной инстанцией, куда поступали жалобы на решения земских начальников и уездных съездов¹.

Проверять деятельность земских начальников мог уездный предводитель дворянства или председатель уездного съезда, а также губернатор, который ревизовал как начальников, так и уездные съезды.

Об ответственности непрременных членов губернских присутствий, председателей съездов земских начальников и лично последних закон (ст. 136) гласил следующее: а) в порядке дисциплинарной ответственности <...> земские начальники могли быть подвергнуты 1) замечаниям или выговорам без внесения в послужной список, 2) временному удалению от должности и 3) удалению от должности (первые две по постановлению губернского присутствия, третья – по решению министра внутренних дел)².

Ст. 139 перечисляла случаи, по которым сам земский начальник должен был отстраняться от должности: 1) если земский начальник, несмотря на взыскания, которым он подвергся по постановлениям присутствия за упущения по службе, обнаруживает явное нерадение по службе или неспособность к успешному исполнению возложенных на него законом

---

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IX. № 6196. С. 520, 522-523.

² Там же. С. 523-524.

служебных обязанностей; 2) если земский начальник дозволит себе, вне службы, такие противные нравственности или предосудительные поступки, которые, хотя и не имели последствием привлечения его к уголовной ответственности, но, будучи несовместимы с достоинством его звания и получив огласку, лишают совершившего их земского начальника необходимых для сего звания доверия и уважения; 3) если земский начальник за преступление или проступок, не относящиеся к службе, будет, в уголовном порядке, подвергнут какому-либо взысканию или наказанию, хотя бы и не соединенному с потерей права на службу; и 4) если земский начальник будет объявлен несостоятельным должником или подвергнется личному задержанию за долги¹.

Закон о земских начальниках при всей его широте не вносил существенных изменений в качество системы крестьянского управления. Как писал граф И.И. Воронцов-Дашков в своих критических замечаниях к проекту Положения о земских начальниках, проблемы крестьянского управления крылись в самой системе ее организации. Главнейшим недостатком системы уездного управления он назвал чрезмерное обилие властей, создающих «безвластие при многоначалии». Вместо же устранения несогласованности между собой и с другими органами, правительство остановилось на варианте введения института земских начальников, не решающего проблему в принципе². Фактически он еще более усиливал несогласованность действий различных ведомств и дублировал функции некоторых ведомств, как, например, полиции и даже обязанностей сельских должностных лиц.

Позднее в Положение о земских начальниках вносились новые положения, существенно изменявшие и дополнявшие первоначальные установления, которые не только не устраняли, но усиливали

---

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IX. № 6196. С. 524.

² Воронцов-Дашков И.И. Указ. соч. С. 1, 3.

многоплановость должностных обязанностей земского начальника и межведомственные накладки¹.

Вследствие признания властью проблем в деятельности института, законом 19 апреля 1904 г. было изменено и дополнено положение о земских начальниках с целью устранения: 1) неудовлетворительной подготовки лиц, назначаемых на эти должности; 2) недостаточности содержания земских начальников и 3) отсутствия для большинства земских начальников дальнейшего служебного движения. Фактически же закон 19 апреля не повышал, а ослаблял требования, предъявляемые к лицам, желающим занять должность земского начальника. Был снижен имущественный ценз для кандидатов из местных дворян, получивших среднее образование (простой ценз вместо двойного). Понижен возрастной ценз (до 21 г.) для местных дворян, получивших высшее образование, имеющих имущественный ценз и состоявших не менее года кандидатами на должность земского начальника или занимавших не менее года должности мирового или городского судьи, председателя земской управы и т. п. Допущенное законом 29 декабря 1889 г. временное назначение лиц без образовательного ценза получило характер постоянной меры и новую формулировку (от кандидатов требовалось «достижение на государственной службе положения, свидетельствующего о достаточной подготовке их для исполнения обязанностей земского начальника»). Был понижен и служебный ценз (для предводителей

---

¹ Законом 30 мая 1894 г. к предметам ведения земских начальников и городских судей были отнесены дела о нарушениях акцизных уставов (ст. 969 и 970 Уст. об акц. сбор.). Законами 7 февраля 1894 г., 13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г. на земских начальников были возложены проблемы льгот по уплате выкупных недоимок и выкупного долга. Законом 11 декабря 1895 г. земские начальники были включены в состав уездных училищных советов. Положением 23 июня 1899 г. о взимании окладных сборов с надельных земель земские начальники были привлечены к ближайшему участию в податном деле. Законом 12 февраля 1900 г. они были включены в состав уездных попечительств детских приютов. Временными правилами 12 июня 1900 г. на крестьянские учреждения и, главным образом, на земских начальников было возложено заведование делами по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей, законом 16 апреля 1901 г. — наблюдение за ходом мобилизации на местах. Законом 8 декабря 1903 г. были изменены правила о заочном разбирательстве земскими начальниками и городскими судьями: они могли требовать явки ответчика лично или через поверенного, если по обстоятельствам дела в этом была необходимость. Законом 31 мая 1904 г. губернским присутствиям было предоставлено право отменять своей властью те из окончательных решений земских начальников, которые, касаясь маловажных вопросов, носят характер распорядительных действий. Законом 6 июня 1904 года подобное право предоставлено губернским установлениям относительно решений уездных крестьянских учреждений, земских начальников и мировых посредников по жалобам на приговоры сельских сходов по делам о семейных разделах крестьян.

дворянства — без срока, для прочих должностей — 1 год вместо 3 лет), причем в число должностей, дающих право на назначение земским начальником, были включены должности городского судьи, председателя земской управы, председателя уездного съезда, комиссара и чиновника по крестьянским делам, крестьянского начальника и кандидата на должность земского начальника. Для кандидатов из местных дворян было отменено требование состоять в гражданских или военных чинах. Для подготовки к должности земского начальника при губернских присутствиях и уездных съездах были установлены кандидаты на должность земского начальника, определяемые из лиц, получивших высшее или среднее образование; эти лица должны были иметь сословный и имущественный ценз, установленный для земских начальников. Кандидаты назначались губернатором по соглашению с губернским и уездным предводителями дворянства и состояли на государственной службе.

11 августа 1905 г. министром внутренних дел была утверждена первая часть «Наказа земским начальникам»: «О порядке действий земских начальников по делам административным». В наказе были точнее определены те условия, при которых приговоры крестьянских сходов могут быть обжалуемы земскими начальниками, и ограничена их административно-карательная власть (например, взыскания за неисполнение «законных требований и распоряжений» могли быть применены только к отдельным крестьянам, а не к целому крестьянскому сходу или его части); о каждом карательном определении должно было составляться особое постановление.

Наконец, в 1912 г. был принят закон о преобразовании местного суда, заменивший земских начальников и городских судей мировыми судьями, чем был положен конец изначально подвергавшемуся критике принципу соединения в одних руках административных и судебных полномочий.

Отдельно необходимо выделить законы, касающиеся реформ П.А. Столыпина, в которых земским начальникам отводилась одна из

существенных ролей. В частности, реализация важнейшего закона 9 ноября 1906 г. возлагалась, по большей части, именно на представителей этого института.

Даже простое перечисление законов, касающихся земских начальников, отражает многие изменения в политическом и экономическом развитии России конца XIX-начала XX века.

Введение института земских начальников как дворянско-сословного органа, обладающего широкими полномочиями в отношении крестьян, поставленных в правовом и хозяйственном отношении в зависимость от него, является органичным развитием системы управления крестьянскими учреждениями, только не в сторону либерализации, а в обратном направлении. Явление это лишь на первый взгляд кажется нелогичным и противоестественным. Изначальный институт мировых посредников был единоличной инстанцией, фактически независимой от властей, наделенной широчайшими полномочиями, относящимися как к крестьянам, так и к их бывшим хозяевам-дворянам. Такая широта и свобода полностью соответствовали сверх либеральному курсу преобразований 60-х годов XIX века. Но осуществлялись они усилиями «сверху», не только не имея широкой поддержки элиты, но и при ее жестком сопротивлении. Более того, не соответствовали они и характеру и взглядам самого Александра II, вынужденного форсировать развитие страны в силу явных угроз существующему государственному строю. Догоняющие Европу реформы в итоге не были осуществлены в полном объеме в силу неготовности российского общества к тому состоянию, которого Европа достигала естественным путем в течение десятков и даже сотен лет. Но одним из последствий совершенных преобразований стало возникновение движения немногочисленной контрэлиты, поставившего целью путем террора заставить царское правительство к более радикальным реформам в соответствии с либеральными идеями европейских философов. Не учитывая уровень развития российского общества, его фактическую неготовность к

этим идеям, радикальная интеллигенция добилась как реакции на террор лишь отката даже от совершенных преобразований. Потому следующим шагом в крестьянском законодательстве (в рамках «поправения» правительственного курса) стало введение уездных по крестьянским делам присутствий. Этот орган уже стал коллегиальным, поставленным под контроль МВД и касался лишь крестьянского сословия. После убийства Александра II правительство его преемника — Александра III — взяло курс на пересмотр преобразований предыдущего царствования («контрреформы»), полностью сконцентрировавшись на карательной политике и жестком административном контроле. Это было предсказуемой реакцией на террористические методы контрэлиты в условиях невозможности диалога с оппозицией в силу сложившейся в России исторической традиции, когда компромисс воспринимается как слабость. В поисках социальной опоры Александр III сделал ставку на дворянство, несмотря на то, что оно к тому времени уже показало свою экономическую несостоятельность и неспособность к модернизационному потенциалу. Причин у этого несколько. Российская империя представляла собой империю «реликтового» типа, политический кризис которой оказался связан с социокультурной несовместимостью европейски образованных «верхов» и традиционалистских «низов» на решающем этапе модернизации¹. При этом сами «верхи» разделились на бюрократию и оппозицию (контрэлиту), показав политическую неоднородность и нестабильность правящей элиты. У Александра III не было иного выхода, кроме ставки на дворянство со всеми его недостатками и усиление контроля за другими слоями населения. Буржуазные по сути реформы 60-х годов не создали в России буржуазии как самостоятельной экономической и политической силы. Единственным поставщиком кадров для правительства могло быть в первую очередь только дворянство. И это был союз не ради возвышения *сословия вообще*, но ради

---

¹ Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция. Новые подходы к изучению // Вопросы истории, 1996, № 5-6. С. 30.

привлечения его на правительственную службу, поставщика кадров для бюрократии. В рамках этого курса и вводится институт земских начальников. Завершая трансформацию органов крестьянского управления, он вновь стал единоличным органом, но уже полностью контролируемым администрацией и с полномочиями, поставившими крестьянское сословие в обособленное правовое поле. Воспринимаемый многие десятилетия как ретроградная мера, этот орган органично соответствовал уровню развития российской политической системы рассматриваемого периода.

Развитие общества и появление у него возможности перехода к устойчивой демократии тесно связаны с эволюционным изменением системы базовых ценностей данного общества, с эволюцией системы мобилизации и распределения ресурсов, психологии и поведения политической элиты и массовых групп населения. Эволюция всех этих подсистем общества не может быть линейно-поступательной, поскольку она сопряжена с внутренними противоречиями, конфликтами, периодическим исчерпанием и новым накоплением сил и ресурсов для дальнейшего поступательного развития. Поэтому эволюция общества в целом носит ярко выраженный нелинейный, пульсирующий, циклически-волновой характер. Возникновение ритмов и волн в развитии человека и общества является, таким образом, не «отклонением от нормы», а внутренним механизмом эволюции¹.

Согласно теории В.И. Пантина и В.В. Лапкина, контрреформы в России — это не «реформы со знаком минус», это своеобразное следствие реформ в том виде, как они проведены, и одновременно способ разрешения общественных противоречий, реформами порожденных. Это продолжение начавшегося витка модернизации государственной административной, военной и хозяйственной системы, но уже средствами, которые используют жесткие авторитарные или тоталитарные режимы. Путем удушения ранее «дарованных» государством свобод и послаблений частному хозяйственному

---

¹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Указ. соч. С. 120.

интересу, посредством хищнического использования людских и природных ресурсов эти режимы добиваются успеха в осуществлении краткосрочных целей модернизации внутри и вовне, но, увы, через какое-то время с неизбежностью обнаруживается историческая недолговечность успехов такой модернизации. И после фазы застоя страна вновь вступает в эпоху подготовки к новым реформам.

Контрреформы Александра III не зачеркивали предшествующие реформы, но существенно ограничивали и модифицировали их действие. Одной из таких мер стало введение института земских начальников. Но одновременно при Александре III проводилась политика, направленная на привлечение иностранного капитала и на развитие отечественной крупной тяжелой индустрии, что являлось важнейшим этапом модернизации. Индустриализация России реально началась лишь после утверждения жесткого режима Александра III и проведения контрреформ, усиливших налоговое и иное давление на крестьянство. Модернизация России пошла совсем не тем путем, как это происходило на Западе: вместо индустриализации как логического продолжения развития частного предпринимательства на основе частной собственности, политических прав и свобод граждан в России началась индустриализация, основанная на опеке и контроле со стороны государства во всех сферах. По сути государство продолжало относиться к обществу — и прежде всего к не имевшему почти никаких прав крестьянству, составлявшему более 80 % населения, — как к ребенку, которого нужно во всем опекать и контролировать. А это, в свою очередь, лишало самые широкие слои общества самостоятельности, инициативы, привычки бороться за свои права, т.е. обрекало их на действительную незрелость — культурную, экономическую, политическую. Всё это и сыграло свою роковую роль в начале XX в¹.

1.2 Формирование института земских начальников в Самарской и

---

¹ Пантин В.И., Лапкин В.В. Указ. соч. С. 179.

Уфимской губерниях и их взаимодействие с региональными властями

Россия на протяжении всего XIX века оставалась аграрной страной. Около 90% населения империи проживало в сельской местности и, в большинстве своем, было связано с сельским хозяйством. При этом в России оставался нерешенным целый комплекс проблем в аграрном секторе, что тормозило дальнейшее развитие страны и препятствовало модернизации социально-политической и экономической системы империи.

Основой организации крестьянского хозяйства оставалась община. Община была реальной формой организации традиционного уклада крестьянского мира. Все самые насущные дела решал сельский сход, меж-общинные трения устранялись на волостном сходе. Главными фигурами на селе были староста и волостной старшина. Крестьянство было социально (а не просто сословно) оформленной средой, со своим микрокосмом и аграрной цивилизацией. При этом к середине 80-х годов XIX века сельское хозяйство начало вступать в стадию перехода к капиталистическому хозяйству, крестьянство все более дифференцировалось по имущественному признаку. Эти процессы не могли не затронуть как мировоззрение, так и экономическую сторону крестьянской жизни. Для развития крестьянского хозяйства и максимального смягчения болезненной ломки традиций при ускоряющихся модернизационных процессах была необходима серьезная вдумчивая политика со стороны государства.

Не меньшие проблемы для имперского правительства создавало дворянское землевладение. Поместное дворянство стремительно теряло свои земли, да и сохранявшиеся имения зачастую были обременены огромными долгами. Экономически эффективными были в основном только поместья, ведущие хозяйства на новой капиталистической основе.

Таким образом, перед царским правительством стояла сложная задача. Была необходима комплексная реформа сельского (не только крестьянского)

хозяйства, отвечающая требованиям капиталистического развития сельского хозяйства для успешной конкуренции на мировом рынке.

Основной спор по реформе в аграрном секторе сосредоточился вокруг вопроса о сохранении общины. После убийства своего отца император Александр III начал пересматривать состав министерского кабинета, но министр финансов Н.Х. Бунге, убежденный либерал по убеждениям, уволен не был. Бунге был противником искусственной консервации общины, предлагал отменить круговую поруку в деревне, но Государственный совет не согласился с этим. Деятельность Бунге вызывала непрерывную критику со стороны правого лагеря, требовавшего устранить иностранца, якобы не понимающего национальных традиций и находящегося под влиянием тлетворных западных идей. В 1887 г. министром финансов России стал близкий к влиятельному князю Мещерскому консерватор И.А. Вышнеградский. Им был принят курс на развитие отечественной промышленности, но за счет ущемления аграрного сектора. В связи с тем, что основной статьей дохода бюджета был экспорт хлеба, Вышнеградский всячески его поощрял и в 80-е годы XIX века экспорт хлеба достиг 301 млн. пудов против 80 млн. пудов в 1861-65 гг. Для пополнения бюджета в 1887 году также была проведена масштабная компания по взысканию недоимок с крестьян, вплоть до описи имущества. Бюджет был пополнен 16 миллионами рублей. В результате таких жестких мер правительство достигло бездефицитного бюджета, однако жизнь крестьян ухудшилась.

Засуха 1891-92 гг. в Поволжье и ряде губерний Черноземья вызвала неурожай и, вследствие этого, голод, к которому добавилась эпидемия холеры.

В области аграрной политики Витте изначально придерживался поддерживаемого Александром III курса на сохранение общины. Законом от 8 июля 1893 года было определено, что передел общинных земель может производиться не чаще, чем раз в 12 лет и при обязательном одобрении двух третей общины.

Правительство же фактически устранилось от проведения действенных мероприятий в отношении крестьянского хозяйства, сосредоточившись на обеспечении видимого спокойствия и порядка в деревне, в основном за счет применения административного ресурса, обвиняя во всех бедах крестьян распад сословных отношений в деревне, выделение «кулаков» и «мироедов», эксплуатирующих неграмотное население, произвол должностных лиц крестьянского самоуправления, что должна была исправить административная опека со стороны «лучших» людей в лице земских начальников, первая очередь которых начала свою деятельность в шести губерниях с 1889 года.

Земские начальники, которых либеральная пресса обвиняла во всевозможных злоупотреблениях (иногда вполне справедливо), были лишь послушными проводниками правительственной политики в отношении крестьян. Как мы видим, в 80-90-е годы никаких преобразований в сфере крестьянского землеустройства не проводилось, вся политика была направлена на поддержание общины, потому деятельность земских начальников была сконцентрирована на решении крестьянских проблем, касающихся частных вопросов и никак не влияющих на положение крестьянства в целом.

Витте в своих воспоминаниях рисует себя противником общины, однако фактически, кроме отмены круговой поруки в 1903 году, им в итоге ничего не было сделано для ее реформирования. В.И. Гурко в своих критических заметках, касающихся «Воспоминаний» С.Ю. Витте отмечал, что в экономической комиссии совещания по нуждам дворянства единодушно пришли к выводу, что единственной помощью помещику сословию могут быть меры *по повышению уровня сельского хозяйства вообще*. Витте же приложил все усилия для закрытия комиссии, так как ему нужны были дешевые рабочие руки для развития фабрично-заводской промышленности. Касаясь работы комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности Гурко, признавая правдивость

воспоминаний Витте о том, что, прежде всего они высказались за обеспечение интересов крестьянства, упразднение их сословной обособленности и вообще обратили внимание на удовлетворение народных нужд, язвительно замечал: «Но из кого же состояли эти комитеты? Председателями их были уездные предводители, а членами в подавляющем большинстве дворяне землевладельцы и в том числе – *horribile dictu*- земские начальники. Таким образом оказывается, что с одной стороны земельное дворянство — враг народа, а с другой — что оно заботится прежде всего о народных нуждах, презирая собственные выгоды¹.

Тревожное положение в деревне вызывало беспокойство верховной власти, в связи с чем роль земских начальников все больше приобретает полицейско-карательные функции.

В 1902 г. волна крестьянских выступлений прокатилась по многим губерниям. Всюду отмечались небывалые раньше решимость в поведении крестьян и радикализм их требований.

Правительство Витте было вынуждено немедленно отменить выкупные платежи (5 ноября 1905 года). Обстановка в правительстве, искавшем выход из сложившейся революционной ситуации, не позволяла заниматься разработкой долговременных реформ и вынуждала ограничиваться одномоментными мерами.

Захваты помещичьих земель стали сопровождаться разгромами усадеб, чаще всего сожжением строений и уничтожением хозяйственного имущества.

П. А. Столыпин решил принимать все необходимые законы, не дожидаясь созыва II Думы, по статье 87 Основных законов. Данная статья позволяла правительству принимать неотложные законы без утверждения Думой в перерыве между роспуском одной Думы и созывом новой (а также

---

¹ Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа С.Ю. Витте» // Русская летопись. Книга вторая. Издание «Русского очага» в Париже, Париж, 1922. С. 81-82.

во время думских каникул), с обязательством внести эти законы в Думу в двухмесячный срок со дня её открытия.

27 августа вышел указ о продаже крестьянам государственных земель. 5 октября 1906 года был издан указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний», посвящённый улучшению гражданско-правового статуса крестьян. 14 и 15 октября вышли указы, расширявшие деятельность Крестьянского земельного банка и облегчавшие условия покупки земли крестьянами в кредит. Наконец, 9 ноября 1906 года был издан главный законодательный акт реформы — указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», провозглашающий право крестьян на закрепление в собственность их наделных земель.

В условиях военного времени противодействие крестьян землеустройству резко возросло. Солдаты действующей армии, набранные в массе из крестьян, требовали приостановить землеустроительные работы. Их недовольство объяснялось тем, что за время их отсутствия оставшиеся на месте односельчане переделают землю и укрепят ее себе в собственность, «обворовав» отсутствующих. Учитывая их многочисленные жалобы и заявления, министр земледелия был вынужден 4 апреля 1916 г. подписать циркуляр, прекращающий производство землеустроительных работ до окончания войны.

Теперь рассмотрим социально-демографическую ситуацию в Самарской и Уфимской губерниях. Созданная в 1850 году, Самарская губерния состояла из семи уездов: Самарского, Ставропольского, Бугульминского, Бугурусланского, Бузулукского, Николаевского и Новоузенского и по площади занимала седьмое место в России. Размер уездов был неравномерным: если Новоузенский занимал почти 30% губернии, то Ставропольский меньше 7% от общей площади губернии. Площадь ее составляла 14 621 903 десятин. По данным переписи 1897 года

население губернии составляло 2.751.336 человек. Население увеличивалось очень быстрыми темпами: с 1858 года оно увеличилось в 1,56 раза, не в последнюю очередь за счет переселенцев.

Плотность населения составляла 20,1 человека на версту, то есть губерния была малозаселенной. Городскими жителями были 5,7% населения, что свидетельствовало о слабой развитости фабрично-заводской промышленности в регионе и преобладании сельского хозяйства, в котором трудилось 85% населения. Подавляющее количество составляли родственные хозяйства, которых было 96,5%, из которых 42,1% составляли семьи из 6-10 человек. Что касается хозяйств с прислугой, то таковых было всего 6,5%, из которых 69,9% составляли хозяйства с прислугой в количестве одного человека, а 23,1 — с двумя-тремя.

По вероисповеданию преобладали православные, около 77%; 10% составляли мусульмане и около 8% — другие христианские конфессии, в том числе лютеране, баптисты, англикане, римско-католики и прочие. Основными национальными группами были русские — 68%; немцы — 8,3%, финно-угорские народы — 8,3%, татары и башкиры — 14%.

Потомственные и личные дворяне составляли всего 0,4% населения. 92,8% населения составляли сельские жители, в основном крестьяне.

Очень интересными являются показатели грамотности по губернии. Если общими средними показателями грамотности по русскому языку были 27,3% среди мужчин и 7,3 — среди женщин, на других языках — 6,1 и 6,5 соответственно, то по национальным группам эти показатели совершенно иные. Если среди православных эти цифры соответствуют средним значениям, то среди лютеран грамотными были уже 68,8% населения обоего пола, католиков — 42,8% мужчин и 44,3% женщин, иудеев — 66% и 42% соответственно, мусульман — 26,3% и 23,3%. Даже среди старообрядцев процент грамотности был выше, чем у православных: 33,5% у мужчин и 13,4 у женщин.

Эти данные красноречиво свидетельствуют о различиях в уровне развития среди групп местного населения.

Институт земских начальников начал складываться на территории Самарской губернии в конце 1890 года, когда на имя самарского губернатора А. Д. Свербеева начали поступать прошения заинтересованных лиц, желавших занять должность земского начальника в одном из уездов Самарской губернии. Параллельно губернская администрация стала составлять списки дворян, удовлетворяющих должности земского начальника по закону 12 июля 1889 года. Первоначальные результаты обнадеживали. Кандидатов на должность номинально хватало. Например, рассмотрим данные по Бугурусланскому уезду. Здесь на 13 участков было: трое дворян, удовлетворяющих п. 1 ст. 6 ПЗН (то есть прослуживших не менее трех лет предводителями дворянства); 15 дворян, удовлетворяющих требованиям п. 2 ст. 6 ПЗН (то есть имеющих возрастной, служебный, образовательный и имущественный ценз), и 11 человек, подходящих под п. 1 ст. 7 ПЗН (имеющих среднее образование и владеющих имуществом на сумму не ниже 15 тыс. руб.)¹.

Но власти изначально столкнулись с проблемой реальной нехватки земских начальников. В марте 1891 года губернатор писал министру внутренних дел, что «вследствие недостаточного числа в Самарской губернии потомственных дворян, обладающих установленным законом образовательным, служебным и имущественным цензом и по не изъявлению большинством из них желания занять должности земских начальников, оказалось возможным избрать кандидатами в десять участков Ставропольского уезда только семь лиц, в 13 участков Бугурусланского уезда – восемь лиц, в девять участков Бугульминского уезда – восемь лиц, и в 14 участков Бузулукского уезда – 10 лиц»². Далее губернатор просил о назначении «достойных людей», не подходивших под 6–9 статьи Положения.

---

¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Л. 48-48об.

² Там же. Д. 53. Л. 79–79об.

Как мы видим, в том же Бугульминском уезде из 29 потенциальных начальников согласились ими стать только восемь человек, то есть 27,6%. Получается, что оставшиеся 72,4% земских начальника должны были быть набраны из дворян, практически не соответствующих должности ни по образовательному, ни по имущественному цензу. В конечном итоге в рядах самарских земских начальников встречались даже не дворяне, которых к 1903 году было трое.

В первоначальном составе земских начальников лиц недворянского происхождения нами не выявлено, но то, что в земские начальники попали и люди достаточно случайные – несомненно. Состав института земских начальников Самарской губернии полностью сформировался уже после 1 июля 1891 года. У нас нет полных сведений о дате назначения последнего начальника, но, по имеющимся сведениям, один из земских начальников был утвержден в должности уже 2 июля, а двое – незадолго до этого, но выбрали их из отвергнутых ранее кандидатов.

Официально земские начальники начали свою деятельность в Самарской губернии с первого июля 1891 года в порядке третьей очереди согласно законоположению 1889 года¹. Каждый из семи уездов губернии был разделен на участки, количество которых колебалось от девяти до тринадцати. Всего в Самарской губернии было образовано 79 земских участков. В участке в среднем насчитывалось три–пять волостей, население колебалось в размерах от 30 до 50 тысяч человек. Села находились очень неравномерно от камеры начальника: от двух до ста и более верст.

Уже за первые полтора года своего существования земские начальники получили на рассмотрение 6997 гражданских, 14616 уголовных, а только четыре участка (за этот период) – 7783 административных² дела. Однако

---

¹ ПСЗ, № 6195. Описание торжеств, посвященных этому событию, содержится: ГАСО. Ф. 3. Оп. 106. Д. 39. Л. 1–4.

² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 281. Л. 9об–12, 32об–33, 40–42, 51–54; Д. 310. Л. 9об–10.

нерешенными из них остались соответственно 1136, 4636 и 2089 дел. Если провести расчет, то в среднем один начальник получил в год около 464,4 дел, но не разрешил в среднем 102,1 дела, то есть около 22%.

Касаясь статистических сведений, необходимо заранее сделать оговорку, что делопроизводство зачастую велось земскими начальниками очень небрежно, а также встречалась подтасовка сведений. Так, в Самарской губернии земский начальник 2 участка Новоузенского уезда К. К. Гуржия писал, что получил в 1896 году 1148 административных дел, а решил – 2234, в 1897 – получил 1832, а решил – 1823 дела. Проведенная же ревизия показала, что в производстве за эти годы было не более 100 дел и решено около 29¹. Начальник 10 участка того же уезда при ревизии вообще не мог ответить, откуда взялись цифры из его отчета². Конечно, приведенные случаи являются наиболее злостными и нетипичными, но, тем не менее, свидетельствуют о тенденции к искажению статистических данных, которая присутствует в отчетах многих начальников. Причина этого, как нам представляется, не только в злом умысле, но и в том, что начальник иногда не имел понятия о том, как правильно вести делопроизводство, – в том числе оформление рассматриваемых дел. В материалах 16 ревизий делопроизводства различных уездов Самарской губернии у семи земских начальников были отмечены явные нарушения делопроизводства. У двух – небольшие недочеты. У семи (из 16) – делопроизводство в полном порядке.

В Уфимской губернии земские начальники начали свою деятельность с 1 октября 1894 года. В губернии насчитывалось 69 участков. Самым малозаселенным, но большим по площади был Златоустовский уезд. Самым заселенным - Белебеевский. Также, как и в Самарской губернии, неравномерно распределялись камеры земских начальников и отличалось количество населения.

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 4.

² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 19об.

Должность земского начальника требовала постоянных объездов территории, что ими выполнялось не всегда. Бывало, что земский начальник вообще не появлялся в участке, требуя крестьян к себе.

Земские начальники играли в реализации столыпинской реформы очень важную роль. Проблема успешного проведения задуманных преобразований сразу же натолкнулось на противодействие со стороны сельской общины; 33% волостей отказались от участия в выборах членов землеустроительных комиссий. Указ 9 ноября 1906 г. в не приняли ни молодые, ни старые крестьяне —эти извечные антагонисты. Отрицательное отношение к реформе в какой-то степени было запрограммировано в крестьянском менталитете. Указ 9 ноября 1906 г. принуждал отказаться от старого, привычного уклада жизни, что явно противоречило их патриархальной психологии. К тому же столыпинское земельное законодательство затрагивало коренные интересы общины, так как выделенцы могли свести свои полосы в один участок в лучшем поле. Поэтому крестьяне отказывались утверждать на сельском сходе приговоры об укреплении земли в личную собственность, нередко подавали апелляции в судебные инстанции, что замедляло проведение землеустроительных работ.

Мемуары С.Т. Семенова красноречиво показывают всю гамму чувств и отношений, возникавших среди крестьян при возникновении вопроса о выделении земли из общины.

Ненависть и противодействие односельчан, угрозы, поджоги домов желающих выделиться, судебные тяжбы – все это прошел Семенов со своими единомышленниками. «Как жили, так и жить будете, и нечего вам затеи затевать» - вот краткий вердикт мира, который они получили¹. «Мир» отказался писать приговор об их выходе их общины, несмотря на поданное заявление. Это явление было массовым и характерным для всей России. В таком случае роль устроителя играл земский начальник, к которому Семенов

---

¹ Семенов С.Т. Указ., соч. С. 279.

и обратился за помощью. В конечном итоге, все закончилось выделом земли, но времени процесс занял очень много.

Землеустроительные работы повсеместно проходили в присутствии земских начальников, уездных исправников и полицейской стражи. Это было вызвано объективными причинами. В случае С.Т. Семенова, например, крестьяне хотели избить прибывших землемеров и не дать им делать свою работу.

Всего с июня 1907 г. по 1 января 1916 г. из общины вышло 167 199 домохозяев, укрепивших в личную собственность 2 075 863 дес. земли, что составляло 30,9% всего общинного землевладения. По данным К.Я.Наякшина, наиболее реформированными в Самарском уезде оказались сельские общины в Новоузенском (вышло из общины 86,4% крестьян) и Николаевском (32,1%) уездах. Обращает на себя внимание то, что именно в этих уездах концентрировалось немецкое население. Меньше было выделенцев в Бугульминском (4,7%), Ставропольском (7,5%), Самарском (10,2%), Бугурусланском (11,8%) и Бузулукском (13,8%) уездах. То есть 69,1% наделной земли продолжало находиться в распоряжении общины¹.

Не завершился и процесс создания хуторских хозяйств. По подсчетам С.М. Сидельникова, к концу 1915 г. в Самарской губернии хутора и отруба составляли 88,5% землеустроенных хозяйств. Всего в губернии было 91 044 хутора на площади 2 011 515 дес. На хутора и отруба переходили, как правило, многоземельные крестьяне, имевшие, помимо наделной, купленную землю. Но из общины шла и большая группа крестьян, не обеспеченных землей, так называемых малоземельных, в надежде с помощью ссуды Крестьянского поземельного банка поправить свое хозяйство. Это были однолошадные крестьяне, обрабатывавшие землю примитивным сельскохозяйственным инвентарем. Также стремились выйти из общины те, кто при ближайшем переделе мог землю потерять: вдовы, старики и т. п. Также стремились получить землю и продать ее те крестьяне, которые

---

¹ Самарская летопись. Т. 2. С. 172.

постоянно проживали и работали в городе. Такими лицами участки выделялись только с целью дальнейшей продажи. Соответственно, реформа усилила процесс мобилизации наделных земель в руках зажиточных верхов деревни. В 1907-1914 гг. на земельный рынок в Самарской губернии поступила 511 961 дес. наделной земли. Более 926 тыс. дес. земли продал Крестьянский поземельный банк зажиточным крестьянам.

В 1907-1914 гг. в самарской деревне произошло несколько десятков выступлений против хуторян и отрубников и в связи с землеустроительными работами. В 1906-1907 гг. крестьяне бойкотировали выборы в землеустроительные комиссии. В 1908-1909 гг. сопротивление крестьян резко возросло. Одной из основных форм борьбы становятся отказы сельских сходов утвердить заявление о выходе из общины и укреплении земли в личную собственность («приговорное движение»). Борьба крестьян против помещичьего землевладения носила стихийный характер и просто выражала крайнюю озлобленность и ненависть к ним.

В 1910-1914 гг. оформилась и борьба уже и с "новыми помещиками" – земле-устроенными хозяевами. Община запрещала выделенцам использовать свои луга, выпасы, леса и водоемы, лишала хуторян и отрубников права принимать участие в сельских сходах, они не могли быть избранными в органы местного самоуправления. Крупнейшее выступление крестьян против столыпинского землеустройства произошло в с. Домашка Бузулукского уезда в августе 1911 г. Накануне крестьяне, не согласные с выделом на отруба, подали жалобу в губернскую землеустроительную комиссию и в Правительствующий сенат. Но жалоба осталась без последствий. 18 августа землемер приступил к выполнению землеустроительных работ, но ему помешала большая толпа крестьян-общинников. Вместе с выделенцами он бежал в волостное правление, пытаясь укрыться. Волостному старшине удалось в этот день уговорить крестьян разойтись по домам. 19 августа приехал земский начальник. Собравшаяся вновь толпа была разогнана полицией. Рассчитывая, что

крестьяне успокоились, земский начальник приказал землемеру продолжать работы. Но как только 21 августа он приступил к их производству, раздался церковный набат. Быстро собралась толпа: мужчины, женщины, дети (около 3 тыс. человек), вооруженные кольями, топорами и лопатами. Стражники открыли стрельбу. Крестьяне отступили, оставив на месте столкновения много раненых.

В период 1912 года крестьяне надеялись, что в связи со столетием Отечественной войны 1812 г. и приближающимся трехсотлетием династии Романовых их наделят землей за счет помещиков и казны. Но распространявшиеся слухи не имели под собой никакой реальной почвы, что в итоге еще сильнее обострило ненависть крестьян¹.

В Уфимской губернии специфика проведения аграрной реформы заключалась в том, что здесь сохранялось много земли, принадлежащей башкирам-вотчинникам, а вывод ее в частную собственность осуществлялся по особым правилам, изложенным в ст. 16 Положения о башкирах от 1902 г. или крестьянам, купившим землю через Крестьянский банк. За 1906-1915 гг. крестьянам Уфимской губернии было продано 125 036 дес. банковской земли².

В связи с тем, что в Российской империи была четко выстроенная вертикаль власти, соответственно присутствовала система иерархии отношений между ее звеньями на различных уровнях. Из этого проистекает и то, что система продвижения по службе в царской России была тесно связана с последовательным прохождением служебной лестницы через определенные карьерные ступени. В частности, должность земского начальника позволяла продвинуться по административной линии через губернское присутствие вверх по служебной лестнице вплоть до губернатора (разумеется, большое влияние при этом имели и связи). Так, опыт службы земским начальником имели самарский губернатор Л.Л. Голицын, вятский

---

¹ Самарская летопись. Т. 2. Самара, 1993. С. 175.

² Усманов Х.Ф. Столыпинская реформа в Башкирии. Уфа, 1958. С. 178-179.

губернатор князь С.Д. Горчаков, самарский вице-губернатор, затем пензенский губернатор И.Ф. Кошко, губернатор полтавский, виленский, затем курский А.К. фон Багговут и множество других чиновников равного или меньшего ранга, ряд депутатов Государственной Думы всех созывов и так далее.

Сами по себе земские начальники не были однородной массой, и, напротив, даже в их среде отчетливо проявляется неприязненное отношение между местными дворянами и «пришлыми варягами». Однако в служебной деятельности им приходилось соблюдать нейтралитет в отношении служебных недостатков друг друга, так как второй инстанцией, куда могли быть обжалованы решения земского начальника, был уездный съезд, состоящий из его же коллег, которые сами могли в следующий раз оказаться на таком же месте.

Земские начальники и съезд были подотчетны губернскому присутствию. Последнее ревизовало деятельность начальников, ему принадлежало право устранять их временно от должности и делать перед министром внутренних дел представления об окончательном их удалении. Губернское присутствие было также апелляционной инстанцией, куда поступали жалобы на решения земских начальников и уездных съездов.

Проверять деятельность земских начальников мог также уездный предводитель дворянства или председатель уездного съезда, а также губернатор, который ревизовал как начальников, так и уездные съезды.

Отношение к земским начальникам со стороны вышестоящей власти со временем претерпевало изменение. Изначально они, вплоть до губернских, относились к земским начальникам как к «своим» братьям-дворянам, ревизовали их изредка, формально и закрывали глаза на многие проступки. А. Наумов вспоминал, что за четыре года его работы ревизию у него провели только один раз. К его удивлению, заключалась она в том, что к нему на несколько часов заехал член Губернского присутствия Попов, полиставший книги, посчитавший марки и напоследок Наумова похваливший. Ни в одно

волостное правление он не заглянул. Однако после 1905 года ревизии работы земских начальников стали носить гораздо более серьезный характер, и по результатам проверок основной мерой наказания стало увольнение. Таким образом, ряды земских начальников существенно очистили от нерадивых работников, требуя реальной работы и перестав покрывать тех, кто не соответствовал требованиям к квалификации правительственного чиновника, что связано, как мы считаем, с изменением статуса земских начальников.

За совершенные злоупотребления безнаказанными земские начальники не оставались, но наказание настигало нерадивого начальника слишком долго и при этом сначала применялись самые щадящие методы.

Так, в 1908 году ревизия выявила существенные нарушения в работе земского начальника Уфимской губернии Лейдекера. Однако Губернское присутствие решило лишь потребовать от него принять меры к устранению недостатков. Могли в качестве наказания применяться выговоры, строгие выговоры с занесением (или не занесением) в формулярный список о службе. Так, земский начальник 13 участка Бугурусланского уезда М. Ф. Дурасов получил за нанесение оскорбления действием полицейскому служителю Мещерякову строгий выговор. Земский начальник из Уфимской губернии Левашов с 1898 по 1907 год получил следующие дисциплинарные взыскания: 3 замечания, 4 указания, 1 выговор.

В целом необходимо отметить, что власти чаще мягко судили проступки земских начальников, но особенно не спешили устранить провинившегося от должности. Например, земский начальник Самарской губернии Повало-Швыйковский был представлен к увольнению от должности, но прослужил после этого еще полтора года. За злостное нарушение законов был уволен в отставку земский начальник 2 участка того же уезда Н. Шидловский. Власть вовсе не покрывала проступки земских начальников. Наоборот, в случае того же Шидловского прямо писалось, что он «дискредитирует власть,

выразителем которой является земский начальник», а, следовательно, его необходимо уволить.

В схожей ситуации по результатам ревизии «за преступное бездействие» земскому начальнику Уфимской губернии Постникову предложено было подать в отставку, чего им сделано не было. Губернатор писал, что «созданное по делу Постникова положение, подрывая авторитет власти, вместе с тем может укоренить у земских начальников крайне нежелательную мысль о безнаказанности за бездеятельность и полном бессилии губернской администрации в борьбе с нею»¹.

Подводя итог, мы видим, что роль земских начальников в аграрной политике самодержавия меняла значимость в разный период времени. На момент введения в действие Положения о земских начальниках главным в аграрной политике самодержавия было поддержание статус-кво в деревне, а основным приоритетом являлось развитие фабрично-заводской промышленности за счет ресурсов аграрного сектора. При курсе на сохранение общины роль земского начальника сводилась к администратору и мелкому судье, позднее — полицейскому. Лишь при проведении реформ П.А. Столыпина земскому начальнику отводится важная роль. Однако мы не можем согласиться с мнением, что институт земских начальников можно назвать «адаптационным механизмом» в деревне в условиях сложной модернизации хозяйства, как считает, например, А.В. Звонцова².

Напротив, мы приходим к выводу, что институт земских начальников играет в данном случае не адаптационную, а жесткую административную роль, насильственно и ускоренно ломая традиционный порядок в сельских поземельных отношениях. Несомненно, что для царской администрации было очевидно возможное сопротивление общины, потому на земских начальников, как на ближайший к крестьянам властный административный

---

¹ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 390. Л.81-81об.

² Звонцова А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX в. - начале XX в.: по материалам Тульской губернии. Автореф. дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. Тула. 2006.

ресурс, была возложена эта обязанность. О том, что царская администрация придавала этой работе земских начальников наиважнейшее значение, можно сделать вывод из материалов ревизий, когда не совсем удовлетворительная деятельность земского начальника получала снисходительную оценку при условии активной занятости по землеустройству крестьян.

Земские же начальники, от которых требовался быстрый и успешный результат «укрепления», принялись выделять землю в насильственном порядке, применяя угрозы и силу. Такие примеры приводил в своих воспоминаниях В. Поливанов. Также отмечал всевозможные приписки в этом вопросе С. Р. Минцлов. Бесспорно, реформы в аграрном секторе, предпринятые П.А. Столыпиным, были необходимы и обоснованы. Но нельзя облагодетельствовать людей насильно, потому результаты преобразований остались двойственными, и в массе не решились аграрные проблемы в деревне. Земские же начальники сработали больше не на результат, а на цифровые показатели. Причиной этого стал парадокс, что этот институт в первую очередь стал именно чиновнически-бюрократической инстанцией и действовал в корпоративном духе, направленном на удовлетворение цифр. Но именно в тот момент, когда от него потребовался реальный результат, они объективно не могли изменить сложившуюся традицию.

Таким образом, всю полноту ответственности за деятельность земских начальников несли на себе власти, которым и принадлежало исключительное право давать им указания и распоряжения и требовать ответа. Но необходимо иметь в виду, что и председательствование в съездах как форма участия в надзоре за земскими начальниками предоставлялось предводителям в качестве органов правительственной, а отнюдь не сословной власти.

Глава 2. Земские начальники и крестьянский мир

2.1. Контроль земских начальников за органами крестьянского самоуправления

Многонациональный состав населения, различные религиозные конфессии, многочисленные казачьи станицы, специфический характер экономики, – все это изначально отличает условия деятельности земских начальников окраинных губерний от регионов, например, Центральной России. Соответственно отличаются от других регионов России приоритеты деятельности земских начальников

А. Новиков отмечал отличия в деятельности земских начальников Московской губернии от прочих даже в связи с иным культурным уровнем населения¹. В Уфимской и Самарской губерниях одним из важнейших вопросов было взаимоотношение властей с местным мусульманским населением, в первую очередь башкирами. В брошюре, изданной Губернским присутствием Уфимской губернии к 50-летию отмены крепостного права приоритетными направлениями деятельности местных земских начальников выделяются межевание башкирских земель, надзор за обеспечением продовольственных потребностей сельских жителей, и только потом, мероприятия по насущным потребностям времени – обеспечением выхода крестьян из общины, оформлением единоличного владения землей². Также на важность башкирского вопроса указывает и то, что в Губернском присутствии было три отделения: административное, судебное и по делам башкир³. Последний позднее преобразовали в отдельную Межевую комиссию, деятельность которой была полностью посвящена межеванию башкирских вотчин. Эта политика являлась проявлением одной из важных особенностей исторического развития Российского государства, которая

---

¹ Новиков А. Н. Указ., соч. С. 42.

² Празднование уфимским губернским присутствием 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Уфа, Губернская электрическая типография, 1911. С. 35.

³ Там же. С. 35–36.

выражалась в постоянном расширении и освоении территории страны. Вместе с тем, она была направлена на решение актуальной проблемы недостатка земли и перенаселения в центральных районах. Таким образом, земские начальники становились проводниками и непосредственными участниками самых болезненных для коренного населения правительственных мероприятий, что не могло добавить им популярности при сохранении всего комплекса недостатков, и так присущего данному институту.

Одной из важных особенностей национального состава региона является значительный процент не только неславянского населения, но и не православного. Так, в Самарской губернии в значительном количестве проживали немцы (в основном, лютеране), татары (мусульмане), неславянские народы (мордва, чуваш и т.д.), не говоря уже про Уфимскую губернию, где более половины населения составляли башкиры и татары – мусульмане по вероисповеданию.

Показательно, что по итогам первого года работы земских начальников Предводитель Белебеевского дворянства просил у губернатора Уфимской губернии ассигнования 500 руб. на улучшение содержания канцелярии и на введение в штат должности переводчика, отсутствие которого было очень ощутимо, так как съезд имел дело почти исключительно с инородцами, не знающими русского языка¹.

В религиозном отношении состав губерний был также неоднороден. Кроме православных, здесь жили католики, лютеране, старообрядцы и даже язычники. С 80-х годов XIX века империя стала активно проводить политику русификации, насаждая православие по мере возможности. Такая позиция властей не могла не влиять на отношения правительственных чиновников и местного населения. Тем не менее, грамотные представители администрации понимали, насколько важно наличие земских начальников, способных не третировать население по национальному и, особенно, религиозному

---

¹ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1 Д. 436. Л.3об.

признаку. Например, при характеристике земского начальника Самарской губернии К.К. Гуржиа, разъяснявшего населению, что не православный человек не может быть верным слугой православного царя, ревизор отметил, что подобные высказывания в участке, состоящем из немецкого, татарского и русского населения, — нежелательны, также как и высказывания против раскольников¹.

Что касается Уфимской губернии, то факты религиозного рвения со стороны местных земских начальников нами не выявлены. Возможно, это проистекало из их национального состава, так как по религиозному и национальному составу местные чиновники полностью отражали характер региона. Среди земских начальников Уфимской губернии были православные, мусульмане и католики, которые, не так уж и редко, состояли в браке с представителями иных конфессий и национальностей. Тем не менее, позиция мусульманского населения в регионе стала со временем еще более активна. В 1905 году была создана мусульманская партия, представители которой были избраны в Государственную Думу (впоследствии, после февральской революции, ее активные члены планировали образование самостоятельного мусульманского государства).

Одной из основных целей правительства в Уфимской губернии было увеличение казенных земель за счет фактического изъятия их у местного населения, что не могло не вызывать недовольства башкир. Проводимое по закону 1898 года размежевание башкирских дач между деревенскими общинами, в 1900–1906 гг. вызвало крупные столкновения с властями в нескольких уездах Уфимской губернии.

Наряду с движением, направленным на возвращение казенных и дворянских земель в свою собственность, башкиры активно противодействовали аграрной политике властей, направленной на дальнейшее отчуждение их вотчинных угодий. Они оказывали упорное сопротивление проведению в жизнь закона от 6 июня 1894 г. «О принятии в

---

¹ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 2об.

казенное заведование башкирских лесов Уфимской и Оренбургской губерний». По нему леса, находящиеся на «свободных сверх душевого надела землях», из состава башкирских дач переходили под контроль государства.

Новое обострение аграрных отношений в регионе было связано с реформами правительства П.А.Столыпина. Основу реформы – разрушение общины, выделение на хутора и отруба – отвергло подавляющее большинство многонационального крестьянства края. Известный писатель и историк С.Р. Минцлов, который в 1910–1911 гг. был земским начальником в Уфимской губернии писал: «... не то, чтобы громадное большинство крестьян, а почти все они к ...закону относились враждебно; башкиры же и слышать не хотели о нем»¹.

Проблемные взаимоотношения властей с мусульманским населением очень ярко проявились во время всеобщей переписи 1897 г., в проведении которой земские начальники были обязаны принимать самое активное участие.

Перепись повлекла за собой целую серию бунтов в разных регионах России (что показательно, национальных). Доходило до того, что земским начальникам приходилось спасаться бегством от толпы местных жителей. Губернаторы Уфимской, Самарской и Казанской губернии были вынуждены просить вмешательство войск для усмирения выступлений. Так, один из земских начальников Уфимской губернии, В. Постников, связывал эти волнения с «деятельностью каких-то нафанатизированных мулл» и выделял факт отсутствия волнения башкир в его участке во время переписи в свои личные заслуги, как пользующегося авторитетом среди населения².

Причины столь бурной реакции кроются в том, что в переписи местное население видело покушение на свою автономию и национальную идентичность. Восстания против переписи были реакцией на имперскую

---

¹ Минцлов С.Р. Указ., соч. С. 52.

² НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 390. Л. 80об.

политику интеграции и ассимиляции не-русского и не-православного населения окраин, проводимую в конце XIX века¹.

Сложные социально-экономические отношения внутри башкирского общества, неприятие местного русского чиновничества, по старой привычке желавшего эксплуатировать башкир, энергичное сопротивление, ярко отражаются на страницах местной периодики, особенно газеты «Голос Приуралья». Общинно-волостная верхушка башкир шла на открытую конфронтацию с земскими начальниками, и пресса была одним из средств этой борьбы².

Одновременно интересным фактом является то, что в среде самих земских начальников встречались активные представители местного населения. Несомненно, наиболее известен из них потомок казанских ханов С.С. Джантюрин, депутат 1-й Государственной думы. Будучи крупнейшим землевладельцем, С.С. Джантюрин активно участвовал в политической жизни региона, направленной на либерализацию мусульманского общества, в первую очередь через систему религиозного образования, выдвигал идею национальной автономии мусульман. Он активно жертвовал деньги на устройство медресе «Галлия», был одним из инициаторов и организаторов общероссийских политических организаций мусульман (партии «Иттифак аль-муслимин», мусульманской фракции Государственной думы).

Административная практика земских начальников была весьма широка и охватывала самые разнообразные стороны крестьянского быта. В связи с тем, что все главные решения в жизни сельского общества принимались на сельских сходах, начнем с анализа их взаимоотношений с земскими начальниками. Согласно ст. 31 ПЗН участковые начальники должны были проверять их решения и, если они казались противоречащими закону, представлять их уездному съезду на решение.

---

¹ Cadot J. Le recensement de 1897//Cahiers du monde russe et soviétique. 2004, № 45/3-4. С. 450-451.

² Роднов М. Башкиры на страницах уральской прессы начала XX века // Бельские просторы, 2008, № 6.

Еще в дореволюционной литературе приводились примеры злоупотреблений земских начальников в этой области, однако невозможно однозначно оценить их степень, как и угнетенность сельского общества именно фактом вмешательства чиновника по причине субъективности каждого случая и неоднозначности ситуации с сельскими сходами вообще.

Даже по свидетельству негативно настроенного по отношению к земским начальникам Д. Д. Протопопова (будущего кадета), сходы представляли собой пассивное орудие начальства и богатеев¹. Этнограф же П. С. Ефименко писал, что крестьян отталкивал принудительный характер общественного служения. Оно отрывало домохозяина от сельских работ, и здесь интересы двора и мира расходились. Вместе с тем он подчеркивал, что зажиточные крестьяне откупались от любой выборной должности, но тем не менее реально влияли на дела общины. Деревенские богатеи до схода подготавливали общественное мнение для решения того или иного вопроса в своих интересах. Поддерживая кандидата на должность сельского старосты из незажиточной среды, более влиятельные домохозяева тем самым ставили его в положение, открытое для психологического и экономического давления². Кроме того, он отмечал, что накануне введения института земских начальников единодушного признания эффективности совета старейшин уже не было, а крестьяне отмечали что более уважается голос имущественной состоятельности. Меньше внимания уделялось возрастному цензу. Шел процесс омоложения «советов старейшин», в которых заседали домохозяева моложе 35 лет. Независимые в прошлом, советы стали вырождаться в сходы отдельных группировок зажиточных крестьян, боровшихся между собой за подчинение общественного мнения общины интересам собственного обогащения³.

---

¹ Труды... С. 117.

² Кучумова Л. И. Сельская община в России. М., «Знание», 1992. С. 37.

³ Там же. С. 49.

В 1891-92 годах Самарским уездным съездом из поступивших на утверждение съезда по представлениям земских начальников приговоров было отменено 71 решение начальника, а утверждено – 264¹.

В Уфимской же губернии за первый год работы по одноименному уезду жалоб на административные постановления земских начальников за год поступило не более 8, и все они были признаны необоснованными².

Рассмотрим в качестве примеров несколько приговоров, поданных земскими начальниками в съезд на отмену. Например, в 1905 году одно из Елховских сельских обществ избрало двух уполномоченных ходатайствовать перед удельным ведомством о нарезке земли в надел не имеющим таковой крестьянам из удельных участков. Земский начальник приговор отменил, так как по закону им ничего не полагалось, а потому крестьяне напрасно потратили бы время и деньги. Съезд отмену подтвердил³, но формально закон в данном случае нарушался, так как посылать ходяков закон не запрещал.

В другом деле общество приговорило сдать 16 сажень земли, принадлежащей крестьянину Жукову, сроком на один яровой посев, за неуплату окладных сборов. Земский начальник просил приговор отменить как несоответствующий закону (в чем он был прав). И съезд опять же подтвердил отмену приговора⁴. Отметим, что речь тут идет о законе 1903 года об отмене круговой поруки. Практика «управления» имуществом должников была широко распространена среди крестьянских общин и искоренить ее было не менее трудно. Земский начальник, отменяя такие приговора, лишь исполнял решение правительства.

Нельзя отрицать тот факт, что крестьяне действительно составляли и заведомо неправильные приговоры. Например, в декабре 1891 года сельское общество приговорило сдать в аренду на 12 лет безымянное усадебное место, которое вообще не подходило под постройку здания. Земский начальник

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 281. Л. 8.

² НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 436. Л. 9об.

³ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 222. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 300. Л. 1–1об.

выяснил, что это место и раньше пытались сдать другому человеку «которого ввело только лишь в убыток сносом построек по распоряжению мирового судьи»¹.

Современный исследователь М.А. Виноградов в работе, посвященной крестьянскому самоуправлению в числе прочего пришел к выводу, что многоуровневая система управления крестьянами была основана на положениях законодательства, пусть и не всегда совершенных. Отмена крестьянских приговоров касалась не притеснения, а защиты крестьян от возможного произвола других крестьян или всего общества в целом. Таким образом, дворянская надстройка могла и ограничивать самоуправление и контролировать его, охраняя закон как регулятор общественных отношений².

Мы не можем полностью согласиться с таким выводом. В приведенных выше случаях земский начальник представлял приговоры в съезд, как и положено. Но нарекание и неприятие вызывала такая форма нарушения закона, как самоличная отмена начальником решения схода. В трудах местных комитетов встречаются примеры того, что даже «на наем пастуха и конюха» требуется «санкция участкового начальника»³. Кроме того, иногда начальник навязывал крестьянам свои решения. Так, земский начальник 2 участка Николаевского уезда Н. Шидловский заставлял сход, несмотря на отсутствие у крестьян средств, составлять приговоры на покупку заводских жеребцов для улучшения породы местной лошади и для разъездов по делам службы; не разрешал ремонтировать церковные и школьные здания, несмотря на желание прихожан, и т. д.⁴

Другой начальник того же уезда, но из 8 участка, М. Пополутов не только самовольно отменял приговоры сельских сходов, а также своей

¹ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1об.

² Виноградов М.А. Крестьянское самоуправление в России 1889-1914 (по материалам московской губернии). Дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 2009. С. 136

³ Труды местных комитетов по нуждам сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXV. Самарская губерния. СПб., 1903. С. 482.

⁴ ГАСО. Ф. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

властью приказывал волостным старшинам вопреки приговорам сельских обществ, отвести для надобностей земских школ известное количество наделной земли¹.

У некоторых земских начальников была крайне своеобразная форма контроля за явкой крестьян на сход. Так, земский начальник 12 участка Новоузенского уезда И. Троицкий выдавал всем домохозяевам особый картонный билет. Если домохозяин был в отлучке, то вместо него на сход билет приносил кто-нибудь из семьи и объяснял причину неявки. Отсутствие на сходе влекло за собой наказание. Был случай ареста шестидесяти человек за неявку на сход². Уже упоминавшийся К. Гуржия приказал созывать крестьян на сход обязательно трещотками и никак иначе.

Показательно отношение некоторых земских начальников к крестьянам и поведение на их сходах. Крестьянин Вино-банного хутора Бугурусланского уезда Василий Ржевский 5 февраля 1894 г. жаловался в МВД: «Явился к нам на сходку местный наш земский начальник 3 участка Бугурусланского уезда, который без всякого повода потребовал меня к себе, а как только подошел я к нему, то земский начальник называл меня сукиным сыном, схватил за бороду мою и ударил меня кулаком по уху», а потом отправил под арест на 7 дней³.

Разумеется, эти случаи являются единичными и показательными в части абсурдности поведения отдельных чиновников. Практика показывает, что основная масса земских начальников совершенно не обращала внимания, сколько человек присутствовало на сходе и насколько принятое решение отвечает интересам общества, относясь к делу поверхностно и формально. Так, один земский начальник приказал удалить от должности сельского старосту, отказавшегося приложить печать к приговору схода, что было серьезным нарушением его обязанностей. Земский начальник не разбирался

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 313. Л. 18об–19.

² Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 12об.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 207

в ситуации и вынес указанное решение. Лишь судебное разбирательство (а земский начальник даже требовал предать старосту суду) показало, что на сход пришли все домохозяева, потолковали и разошлись. Решался же сходом важный вопрос об учреждении общественной запашки. Запашку решили не заводить, но когда оставшиеся на сходе проголосовали, то решение получилось положительным. Сельский староста знал о решении большинства и не хотел подтверждать неправильный приговор¹. Преследование старосты прекратили, но сама ситуация не возникла бы вообще, относись земский начальник внимательнее к своим обязанностям. При этом сам начальник искренне мотивировал свое решение заботой о правах бедных крестьян, нарушаемых зажиточным старостой².

Учитывая все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что отношения земских начальников со сходами, бывшими теоретически выражением воли крестьянского мира, были весьма неоднозначны. В условиях вырождения сходов регулирующая роль извне была необходима. Но не в такой форме, как исполняли ее земские начальники. В какой-то мере они действительно оказывали внешне регулирующее влияние на сельское общество. При этом особо ретивые земские начальники грубо вмешивались в жизнь и так замученного внутренними проблемами крестьянского общества, чем делали его существование еще более тяжелым. Доходило до того, что земский начальник издавал циркуляры своим крестьянам³. Другой земский начальник так подчинил себе крестьян, что когда его сестра приказала арестовать нескольких крестьян, общество беспрекословно выполнило приказ⁴. Открытого сопротивления таким земским начальникам не наблюдается, но неприятие их прослеживается. Так, крестьяне 12 участка Новоузенского уезда Самарской губернии отдавали своему начальнику вместо реальных приговоров схода заполненные по форме бланки без каких-либо решений.

---

¹ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 76. Л. 3, 7–11.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 2об.

⁴ Там же. Л. 7об.

Примечателен тот факт, что земский начальник этого не понимал и воспринимал эти бумаги как должное¹. Крестьяне могли отказаться выполнять какие-либо работы, возложенные на них земским начальником. Так, крестьяне 3 участка того же уезда отказались идти строить казенную плотину², а двое крестьян из другого уезда – пахать общественную запашку³. Наконец, крестьяне могли подавать жалобы, как в случае с попыткой подать таковую проезжавшему по селению камергеру⁴. Самые настойчивые писали многочисленные жалобы в Министерство внутренних дел, хотя с учетом общего количества рассмотренных в губерниях дел процент таких жалоб приходится признать незначительным.

Отдельно следует рассмотреть практику взаимоотношения земских начальников с должностными лицами крестьянского самоуправления. Не стоит забывать, что попытки контроля их деятельности со стороны земских начальников традиционно оцениваются отрицательно. Тем не менее, изучая данный вопрос, нельзя забывать об уровне элементарной грамотности сельских обывателей. Как писал А. Новиков: «С какими случаями в крестьянской жизни ни приходится встречаться земскому начальнику, против какого зла ни приходится бороться, каждый раз убеждаешься, что главный враг русского крестьянина - невежество».⁵

Типичная волость Самарской губернии характеризуется следующим уровнем образования должностных лиц. Волостной старшина (58 лет) – неграмотный. Из 14 сельских старост (от 28 до 58 лет) - 12 неграмотных вообще и двое – малограмотных. Из 12 сборщиков податей - шесть неграмотных и шесть малограмотных⁶. Уфимская губерния представляла в отношении грамотности населения не менее удручающую картину. Ясно,

---

¹ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 13.

² Там же. Л. 4об.

³ Там же. Ф. 346. Оп. 1. Д. 8. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

⁵ Новиков А. Н. Записки земского начальника. СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 3.

⁶ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 66. Л. 5–6.

что такие ответственные лица в условиях все усложняющихся хозяйственных функций не обладали достаточной компетенцией для исполнения своих обязанностей. Тем не менее, именно такими были ближайшие начальники сельского обывателя.

Рассмотрим проблему удаления земскими начальниками сельского старосты, как одного из главных должностных лиц в крестьянском обществе. Под руководством сельского старосты функционировали сельские сходы и выборный аппарат управления. Староста подчинялся «спущенным сверху» различным указаниям губернских правлений. Помимо сельских сходов старосты выполняли множество общественных обязанностей, не отрывая крестьян ни от их домашних забот, ни от сельских работ. Наблюдали за сохранностью системы межевого деления полей по дворам и межевых знаков – собственности дворов, на территории общины контролировали исправность общественных дорог, мостов, гатей, перевозов. Они также были ответственны за исправное погашение общиной всех видов платежей. Староста следил за состоянием всех общественных заведений, если они были построены на общинные деньги или находились на земле общины. Он контролировал своевременное выполнение ревизских сказок, выдавал крестьянам билеты и паспорта на отлучку.

Вместе с тем сельский староста исполнял и часть полицейских функций в границах общины. Он осуществлял охрану порядка и безопасности крестьян, их имущества. Старосты организовывали первую помощь при пожарах, наводнениях, падеже скота и других происшествиях. Они же обязывались предупреждать потравы хлеба, порубки леса. Широкие полномочия старост создавали благоприятные условия для злоупотребления ими своими правами, а неудовлетворительный состав этих должностных лиц только усугублял положение.

А. Новиков писал о старостах: «Никто не мог бы так влиять на все сельские дела, как староста, если бы он был на стороне начальства: у него вся родня тут же, он все знает, все видит. Способных на активное

начальствование поэтому сход не избирает, а избирает любого, преимущественно из многосемейных. Некоторые старосты считают свою службу чуть не за наказание и откупаются водкой, только бы их оставили в покое; другие, наоборот, домогаются этого места, потому что все-таки делаются начальниками, и даже подносят водки после выборов. В некоторых деревнях выбирают недоимщиков, чтобы жалованьем их покрыть недоимку»¹.

Похожие высказывания мы видим и у бывшего земского начальника В.А. Шомпулева: «Крестьяне выбирали только таких старост и волостных старшин, которые были у них в полном подчинении, и общества держали кабаки или, сдавая их посторонним лицам, пропивали их выручку, делаясь недоимщиками различных податей, которые, не без разорения для них, при бездействии этих должностных лиц, выбивались уездной полицией»².

Некоторые земские начальники считали своим правом вмешиваться в избрание старост. Например, земский начальник Златоустовского уезда Уфимской губернии Гончаров не утвердил постановление схода о выборе старосты башкира Кулбакова, так как посчитал, что тот «по слабости своего характера не имеет достаточной нравственной силы для управления населением».³ Съезд с начальником не согласился и приговор утвердил⁴.

Вторым по значению в селе лицом был сборщик податей, а третьим – сельский писарь, на котором лежала вся отчетная документация.

Традиция подношений и угощений старосты по любому поводу была широка и неистребима. Об этом упоминают как непосредственно земские начальники, так и архивные документы. В августе 1891 года по рапорту волостного старшины было заявлено, что крестьянин Старостин видел, как в селе Кривой Луке пьянствует с какими-то арестантами сельский староста д.

¹ Новиков А.Н. Записки земского начальника». СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 29

² Шомпулев В. А. Указ. соч. С. 195.

³ МУ Архив г. Златоуст. Ф. 5. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 9-9об.

Путиловки Климин. Волостной старшина в сопровождении полицейского сотника и писаря поехал проверить сведения и «в доме <...> нашел Климина, сидящего за столом, в пьяном виде, <...> с ним сидело около восьми человек крестьян и хотя арестантов с ними не было, но впоследствии они были разысканы старшиной, валявшимися в пьяном виде, без караульного, один Баканов – в доме, другой, Валк – на улице. <...> Упомянутые арестанты <...> были приговорены земским начальником один к тюремному заключению, другой к аресту и следовали в распоряжение пристава под присмотром старосты Климина, но последний <...> свернул в Кривую Луку где и пьянствовал целый день вместе с арестантами»¹. Земский начальник удалил Климина от должности по ст.62, а съезд подтвердил его решение².

В другом случае обществом крестьян д. Оксеновки были пойманы воры из числа их же обывателей, укравшие хлеб у жителя с. Кошки И. Вершинина. Тот прибыл в Оксеновку и «учинил с ворами любовную сделку», по которой он получил 8 руб., а 2 руб. получил сельский староста Оксеновки. На радостях все общество собралось на дворе у старосты и все пили вместе с ворами. На следующее утро трое «праздновавших» встретили пахавшего крестьянина Леонтьева, арендующего землю рядом с Оксеновкой и, будучи пьяными, стали его ругать «всякими скверными словами, а потом начали бить <...> кулаками, кнутом и рычагом»³. Потерпевший просил земского начальника «внушить сельскому старосте ...чтобы он не допускал попоек и не скрывал бы воров»⁴. Примечательно, что некий Афанасий Вершинин (возможно, родственник вышеуказанного) был сельским старостой с. Кошки, которого земский начальник удалил от должности в 1891 г. в связи с тем, что староста «в исполнении своих обязанностей проявлял всегда крайнюю небрежность, а иногда даже уклонялся от исполнения их, как например во время пожара, бывшего в с. Кошках 27 <...> сентября. Вершинин не только

¹ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–2об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Ф. 344. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 7об.

не принимал необходимых мер к тушению, но даже удалился от пожара. Кроме того, <...> не раз было замечено, что староста Вершинин тратит мирские деньги совершенно не производительно, что также показывает его неблагонадежность»¹.

В Уфимской губернии в 1909 г. земский начальник посчитал старосту не соответствующим должности за то, что тот не сдал в казначейство собранный лесной налог, а просто хранил его у себя, а также потому, что тот человек сам по себе неграмотный и небрежный².

Иные сельские старосты занимались рукоприкладством. Так, крестьянин Е. Евдокимов жаловался земскому начальнику на то, что сельский староста Линева нанес ему жестокие побои палкой за то, что Евдокимов начал строить усадьбу, которую ему выделило общество³. Земский начальник приказал начать расследование, но Евдокимов попросил прекратить дело⁴. Интересно, что просьбы о прекращении дел со стороны пострадавших достаточно часто встречаются, но причины этого не совсем понятны. Возможно, дело решалось «полюбовно», но нельзя отрицать вероятность запугивания пострадавшего крестьянина со стороны сельского начальства или давления общества, редко желавшего вмешиваться в свои дела чиновников.

Встречались среди старост и откровенно преступные персоны, даже с учетом грубых нравов, царивших в тогдашней деревне. Так, из жалобы одного крестьянина следует, что староста Анц Тюльба нанес телесное повреждение 12-летней девочке Молли Рясса (повредил нос) и попытался ее изнасиловать, но не успел, так как на ее крики прибежали подруги⁵.

А. Новиков считал, что староста якобы начальство в большинстве случаев для мужика не страшное; злоупотребления его мелкие; ни большой

---

¹ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

² МУ Архив г. Златоуст. Ф. 5. Оп. 1. Д. 64. Л. 10.

³ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 59–60.

пользы, ни большого вреда от него нет и на фоне влияния вышестоящего начальства действия старост выглядят для земского начальника просто незначительно. Мы не можем согласиться с такой позицией, поскольку считаем, что роль пусть небольших злоупотреблений, но совершаемых на глазах населения ближайшими к нему должностными лицами, играет гораздо большую в психологическом отношении роль, чем те, которые происходят удаленно. Возможно, сравнение покажется некорректным, но на современного обывателя, подвергшегося, к примеру, мелкому грабежу, факт совершения преступления в отношении лично него повлечет гораздо большие психологические последствия и возмущение о повышенной преступности в государстве, чем самые громкие газетные репортажи о хищении миллионных сумм каким-либо коррупционером. Примечательно, что подобное отношение к «копеечной несправедливости» и ее влиянию на крестьянина высказывал бывший предводителем дворянства в одной из губерний барон Жомини, написавший небольшую по объему, но очень интересную брошюру, в которой рассуждал об институте земских начальников и его влиянии на общество.¹

Таким образом, при сложившемся порядке избрания старост, которыми, в теории, должны были быть наиболее авторитетные и уважаемые лица, реальное значение этого лица было не слишком велико и полезно. При этом доходило до того, что сами старосты жаловались на подведомственных лиц, которые их не слушаются².

Иначе обстояло дело с волостными старшинами. По свидетельству А. Новикова «в противность старосте, обычно мало влияющему на жизнь крестьянина, волостной старшина в большинстве случаев играет в волости главную роль. Если старшина хорош, то волость в порядке; подати собираются исправно, мужики арендных статей не пропивают, волостные

---

¹ Б.Ж. (барон Жомини). О земских начальниках, их съездах и о деятельности сих учреждений. СПб., Типография высочайше утвержденного товарищества М.О. Вольф, 1898.

² ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

судьи опасаются пьянствовать и брать взятки, волостное правление похоже на присутственное место, мужики могут добиться правды. Но зато горе им при старшине-пьянице и взяточнике: тогда силу забирает кабатчик и кулак, — приятели старшины, подати взыскивают или отсрочивают не по состоятельности крестьянина, а за угощения и поднесения, все распускается, всякий — будь то писарь, судья, староста, попечитель, сборщик — тащит что хочет, злоупотреблений не перечесть. При этом еще хуже, если старшина опытный и умеет скрывать концы»¹.

Тем не менее, не обойдется без отрицательных примеров. Так, земский начальник А. П. Алабин (между прочим, сын известного самарского головы П. В. Алабина) открыл уголовное дело в отношении волостного старшины и сельского писаря за подлог в документах на получение денежного пособия. В конечном итоге оказалось, что они ни в чем не виноваты, и что их самих ввели в заблуждение. Но это произошло в ходе уголовного разбирательства. Обвинения сняли, но, прошло много времени и должностей они лишились.

Интересным является мнение крестьянина С.Т. Семенова, который писал о старостах, что они в силу неграмотности даже не знают пределов своей власти, как и волостные старшины не представляют пределов своей компетенции, в силу чего творилось много несправедливости. Так, он приводит несколько примеров, когда старики, недовольные своими детьми, шли к старшине и просили их наказать, что и было исполнено. В одном случае речь шла о молодом человеке, развитом, начитанном, хорошем хозяине, но недовольном своим часто пьющим отцом. Отец потащил сына в волостное правление и попросил сына выпороть. Старшина это исполнил, хотя не имел никакого права. В другом случае отец попросил посадить сына «в холодную» за то, что сын защитил от него свою жену. Также волостные

---

¹ Новиков А. Н. Записки земского начальника. СПб., Типография М.М. Стасюлевича, 1899. С. 31-32.

власти особенно много путаницы и несправедливости творили при наделении землей¹.

А. Новиков так описывает влияние волостного старшины: «Недостаточно близкий к мужикам, чтобы их бояться, старшина и не так далек от них, чтобы не знать всю их подноготную. Поэтому он является ближайшим советником земского начальника. Земский начальник большинство жалоб не судебных разбирает словесно при старшине. К кому же, как не к старшине, обратиться за разъяснениями? Тут дело старшины придать любому делу ту или другую окраску: про Ивана он скажет, что сидел в тюрьме, а про Петра скроет; <...> одним словом, всегда можно незаметно расположить земского начальника в пользу той или другой стороны. <...> Как после этого крестьянам не бояться старшины? И действительно, власть его, влияние его громадны. На сходе что хочет, то и делает: захочет прибавки жалованья, награды — получит единогласно; <...>. Донести все боятся, а донесут — так у ловкого старшины ничего не докажут, сами виноваты останутся. Кое-где можно такого кляузника и под волостной суд подвести, да 19 ударами проучить, чем и отобьет охоту жаловаться. Бывают старшины честные, смирные, Бога боящиеся и людей стыдящиеся. Но влияние их небольшое. Такой редко прослужит более трех лет; интриговать он не умеет, <...>, да большею частью такие и сами отказываются от дальнейшей службы; на них ведь жалоб больше бывает, чем на прежде описанных, да и начальство не особенно любит <...> Между этими двумя крайностями есть целый ряд старшин различных свойств, есть старшины пьяницы, старшины взяточники, старшины вялые, глупые, изредка старшины-молодцы и вместе с тем честные.

К концу моей службы у меня в участке собрались старшинами люди достойные. Не могу не помянуть их добрым словом. Увы, года не прошло, и трех из них уже нет»².

---

¹ Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. С. 87.

² Новиков А. Указ. соч. . С. 32-34.

Такая исчерпывающая характеристика современника получает подтверждение и архивными свидетельствами. Так, например, при ревизии делопроизводства земского начальника Уфимской губернии Лейдекера прямо указывалось, что в основу своих решений по жалобам сельских обществ он кладет данные волостного правления, а не проводит расследование на месте.¹ Также в отношении земского начальника Уфимской губернии Кропачинского, который также не только не контролировал крестьянских должностях лиц, но и административные дела не разбирал, а пользовался результатами дознания волостного старшины.² Также действовал его коллега в Самарской губернии Мясоедов³ и многие другие.

В 1911 г. волостной старшина Гиляметдинов доводил до сведения земского начальника Гончарова, что волостной писарь Акимов выбыл в город Златоуст, никому не сказав, и не возвращается по неизвестным причинам. Старшина спрашивал у земского начальника распоряжение, что же ему теперь делать: ждать писаря или сдать кому-то другому дела, которые надо решать⁴. Земский начальник из Златоустовского уезда Уфимской губернии Гончаров отличался очень серьезным отношением к делу и исключительным порядком в ведении дел. Судя по аккуратным отчетам и четким распоряжениям, которые он давал старшинам, а также незамедлительным подробным ответам, волостные старшины в его участке находились под надежным контролем.

Жаловаться на старшину, которого защищал земский начальник, было чаще всего бессмысленно. Так, крестьянин Бузулукского уезда Самарской губернии Кузьма Андреев писал в МВД, что подавал жалобу на волостного старшину 6 раз, но все безрезультатно. Причина жалобы в том, что волостной старшина Агапов распахал общинный выгонный повыл, вырубив дубовые колья на шестнадцать возов. Потом старшина попал под следствие и был

---

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1837. Л. 2об.

² НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1837. Л. 84.

³ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 3об.

⁴ МУ Архив г. Златоуст. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 64. Л.109-109об.

удален от должности за поджог волостного кассового сундука, из которого растратил 1667 руб. Земский начальник же говорил, что если Андреев «будет писать прошения на Агапова, то он земский начальник накажет меня розгами, плетьюми и сошлет в Сибирь»¹. Далее жалобщик сообщил, что земский начальник прибыл на сход и стал требовать чтобы Андрееву запретили на три года право голоса, но сход не согласился и тогда земский начальник «начал собравшимся на сход жителям с выражением скверно матерных слов делать угрозы, что если они не согласятся на его предложение, то он сейчас же начнет взыскивать недоимки податей и сделает другие угрозы»².

Подтверждение этим фактам мы также можем найти в воспоминаниях крестьянина С.Т. Семенова. По его рассказу, волостной старшина в их селе был малограмотным, малознающим и абсолютно чуждым мужицким интересам. Привлекало его только жалование в 1000 руб. Держался он на должности только благодаря земскому начальнику, «глядевшему на мужиков не как на людей, а как на стадо, которое нужно пасти, оберегать от волков, главное же – заботиться, чтобы они не зазнавались»³.

Тем не менее, статистика показывает, что по представлению земских начальников съездами Самарской губернии, например, только в 1891–92 годах было удалено от должности по п. 1 ст. 98 ПЗН – 401 лицо, 375 – с преданием суду⁴.

Из числа жалоб на действия старшин земскому начальнику массово шли жалобы о препятствии в получении паспорта крестьянами. Паспортная система Российской империи и ее изменение отражает проблемы экономического развития России конца XIX века. Изначально она была направлена на удержание крестьянина в общине. После военной реформы 1874 г. и отмены подушной подати в 1883-1886 гг. вопрос о недостатках паспортной системы стал вновь обсуждаться в правительственных кругах.

---

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 184-184 об.

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 185

³ Семенов С.Т. Указ. соч. С. 139

⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 281. Л.8.

Подготовивший и проводивший политику отмены подушной подати Н.Х. Бунге выступил решительным противником как круговой поруки, так и существовавшей паспортной системы, которая затрудняла крестьянам отхожие промыслы. Подготовительная комиссия Г.М. Раевского нашла, что паспорт необходим для полицейских целей, а для податных целей он вреден.

Паспортная комиссия закончила свою работу в августе 1886 г., после чего выработанный ею проект был передан на рассмотрение учрежденной при министерстве финансов Общей паспортной комиссии под председательством товарища министра финансов П.Н. Николаева.

В деятельности комиссии Николаева отразились перемены в политике министерства финансов, связанные с отставкой Бунге и назначением И.А. Вышнеградского. Провозглашенный новым министром финансов политический курс шел в разрез с намерениями Бунге добиться отмены круговой поруки и следовать принципу всеобщности в податной политике.

Хотя комиссия Николаева продолжала подчеркивать, что главная цель нового закона – предоставление большей свободы передвижений, она заявила о необходимости способствовать укреплению «связи отдельных лиц с обществами и домохозяйствами». Основной спор в комиссии разгорелся в вопросе об отношении к общине и круговой поруке. Большинство считало, что в силу обычая общества не разрешают выдачу паспортов недоимщикам, хотя в законе про это не сказано. А также общества применяют иные меры взыскания, которые иначе как уголовными назвать нельзя.

Меньшинство считало, что хотя указания такого нет, но паспорта и билеты на отлучку выдаются только если нет препятствий со стороны общества, а оно обязано принимать меры к предупреждению взимания недоимок. Дело о паспортах затянулось еще на год.

В августе 1892 г. министром финансов стал С.Ю. Витте, который совместно с министром внутренних дел И.Н. Дурново разработал проект паспортного закона. Взяв курс на ускоренное промышленное развитие России, Витте, как и Бунге, выступил против круговой поруки. Подготовку

её отмены Витте начал с первых шагов своей деятельности в качестве министра финансов именно с паспортной реформы.

Витте и Дурново пытались представить своей проект как значительно облегчающий крестьянскому населению возможности свободного передвижения, но вместе с тем вынуждены были признать, что предусмотренная новыми правилами зависимость членов семьи от домохозяина является лишь логическим последствием, необходимым звеном в том ряде законодательных мер последнего времени, в которых выразилась осознанная правительством необходимость в особом попечении относительно экономического и нравственного «преуспеяния крестьянской семьи».

Это заявление свидетельствовало о том, что и Витте и Дурново в полной мере отдавали себе отчет о соответствии проекта с общим направлением правительственной политики в крестьянском вопросе, предусматривавшей укрепление общинного землевладения. Новые паспортные правила вводились с 1 января 1895 г.

В основе паспортной реформы лежало разделение населения на 2 части: привилегированную и податную. Дворяне, чиновники, почетные граждане, купцы и разночинцы не были ограничены в выборе постоянного места жительства. В ином положении находились мещане, ремесленники и крестьяне, приписанные к своим обществам. Любое лицо в месте своего жительства не обязано было иметь паспорт, если только речь шла не о городах и районах, находившихся на особом положении.

Основным нововведением стала пятилетняя паспортная книжка вместо ранее максимально трехлетней, а также то, что паспорт теперь можно было выдать недоимщикам по общественным сборам, но только с согласия общества. Все поступившие на работу на фабрики и заводы должны были иметь паспорта. Казалось бы, реформа должна была подорвать принцип круговой поруки, а на деле лишь чуть облегчила передвижение крестьян. Хотя нельзя не признать, что грамотный земский начальник мог играть в этом

вопросе очень важную роль, имея возможность увеличивать число лиц, легально отправляющихся на заработки в город и, таким образом, косвенно способствовать притоку новых рабочих рук на фабрики и заводы. Также земский начальник имел реальную возможность отслеживать выдачу паспортов неблагонадежным крестьянам, осуществляя непосредственный полицейский контроль за населением.

До 1900 года, когда были приняты соответствующие изменения закона, земский начальник не мог приказать выдать женщине паспорт без согласия мужа. Таким образом, женщина была фактически привязана к супругу, а о вдвойне тяжелом положении крестьянки в связи с ее зависимостью от мужчин в семье писал и А. Новиков.¹ Так, например, крестьянка Е. Сафронова, проживая в Астрахани, просила земского начальника приказать волостному правлению выдать ей паспорт, просимый еще с ноября 1900 года (дело происходит в марте 1901). Правление ей отказывало под предлогом несогласия ее мужа, с которым она не живет уже несколько лет из-за ежедневных с его стороны побоев². После приказа земского начальника паспорт выслали через неделю³.

Аналогичная ситуация сложилась у крестьянки А. Кревцовой, которая писала земскому начальнику, что голодает и терпит лишения, поскольку без паспорта не может поступить на работу. Правление не высылает паспорт под предлогом несогласия мужа, который «по слабоумию» дать его не может и она вообще не живет с ним 12 лет⁴. Земский начальник приказал немедленно выслать паспорт, что и было исполнено⁵. И таких случаев очень много. Можно с уверенностью сказать, что получение отдельного паспорта женщинами, по каким-либо причинам не живущими со своими мужьями, чаще всего происходило при вмешательстве земского начальника.

---

¹ Новиков А. Указ., соч. С. 14-15.

² ГАСО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 153. Л. 7об.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 15.

⁵ Там же. Л. 15об.

В конечном итоге роль земского начальника в паспортном вопросе потеряла важное значение лишь когда на основании указа 5 октября 1906 г., изданного в порядке ст. 87, представители бывших податных сословий получили, наконец, право свободного передвижения.

Касаясь вопросов отношений земского начальника и волостного начальства, следует рассмотреть контроль над волостными судами (также их деятельности мы коснемся в связи с судебной деятельностью земских начальников). Согласно закону, земский начальник наблюдал за их деятельностью. Земский начальник мог удалять от должности (временно) волостных судей за серьезные нарушения, а также должен был ревизовать деятельность волостных судов. Либеральная историография пришла к выводу, что начальники подчинили суды своему влиянию (например, К. Я. Кожухар приводит один такой факт по Самарской губернии¹). Тем не менее, имеющиеся у нас материалы не позволяют говорить о том, что такое явление в рассматриваемом регионе было массовым.

Напротив, преобладают сведения о том, что начальники участков совершенно не интересовались деятельностью волостных судов. Так, из ревизий по Самарской губернии следует, что в восьми случаях из 16-ти (как минимум), надзор за судами был крайне поверхностный, а в нескольких случаях ревизий не было вообще².

Рассматривая деятельность земских начальников окраинных регионов чаще можно найти факты того, что они проявляли полнейшее невнимание как к контролю за должностными лицами крестьянского управления, так и к делам своего участка вообще.

В Уфимской губернии, например, в 1902 г. при ревизии участка земского начальника Е.А. Листовского выявлено что он «совершенно не занимается участком», «абсолютное отсутствие надзора за подведомственными должностными лицами» и вообще оказалось, что

---

¹ Кожухар К. Я. Указ., соч. №8. С. 58.

² ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. ЛЛ. 1, 4.

«Листовский годами не бывал не только в селениях своего участка, но и в некоторых волостных правлениях онога»¹. Ревизия 1908 года выявила в Уфимской губернии не менее четырех земских начальников, которые также не занимались своими участками. Так, В. Постников, по словам ревизора, уже два года как прекратил свою деятельность; земский начальник Шнегас выказал полное бездействие в отправлении своей должности, как по административным, так и по судебным делам; Левашов обнаружил бездействие и медленность в разрешении подведомственных ему дел, а неудовлетворительная деятельность Попова объясняется болезненным пристрастием к спиртным напиткам².

В дошедшей до Министерства внутренних дел жалобе староста с. Александров Гай от лица общества пытался добиться внимания вышестоящей администрации к тому, что волостной писарь занимается взяточничеством и вымогательством, а земский начальник на их жалобы не реагирует³.

Доходило до того, что волостной старшина и староста полностью оттесняли участкового начальника от управления⁴.

Подводя краткий итог, мы можем определенно сказать, что земские начальники в массе своей не подчинили себе крестьянское общество. Отдельные примеры лишь подтверждают правило. В конечном итоге, царская администрация пусть не сразу, но избавлялась от наиболее одиозных фигур, служащих земскими начальниками.

Главными же на селе оставались староста, волостной старшина, волостной писарь и местные богачи. Они стояли ближе других к общине и имели реальные рычаги власти. Земский же начальник оставался силой чужой, «барином», которого крестьяне традиционно, на всякий случай, опасались. Вмешательство земского начальника можно скорее назвать

---

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 270. Л.Л. 42, 52.

² НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 390. Л. 84-84об.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 3

⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 317. Л. 11; д. 314. Л. 6об.

досадной помехой, к которой ловкие крестьяне со временем находили возможность приспособиться.

Однако, местные губернаторы и предводители дворянства долгие годы искренне были уверены, что почти все земские начальники работают добросовестно¹. Внешне казалось, что поставленная задача достигнута: пьянство и взятки среди крестьянских должностных лиц искоренены, крестьянская жизнь находится под надежной заботливой опекой.

Волна народных выступлений конца XIX века, начиная с холерных бунтов, национальных волнений во время переписи, неурожаяев и т.д. показала, что идиллия закончена. Изменились и приоритеты в деятельности земских начальников. Если изначально они были более ориентированы на решение проблем в крестьянском управлении и судебной деятельности, то к концу века отчетливо проявилась их роль как полицейско-карательной силы.

2.2 Судебная и полицейская деятельность земских начальников

Административная деятельность земского начальника, как мы видим, была весьма широка. Но, помимо административной, земским начальникам предоставлялась и судебная власть. По гражданским делам ведению земских начальников подлежали дела по спорам и искам на сумму до 500 руб. по найму сельских угодий и по личному найму на сельские работы; дела о восстановлении нарушенного владения; дела о потравах полей, лугов и других угодий, если ущерб составил не более 500 руб. Также земский начальник должен был разрешать другие дела по искам на сумму до 300 руб.²

Впоследствии законом 30 мая 1894 г. к предметам ведения земских начальников и городских судей были отнесены дела о нарушениях акцизных уставов.

---

¹ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 436. Л. Л.9об.

² ПСЗ. Собр. 3-е. Т. IX. № 6196. С. 515.

Законами 7 февраля 1894 г., 13 мая 1896 г. и 31 мая 1899 г. на земских начальников также были возложены сложные поручения относительно льгот по уплате выкупных недоимок и выкупного долга.

Положением 23 июня 1899 г. о взимании окладных сборов с надельных земель земские начальники были привлечены к ближайшему участию в податном деле.

Земский начальник, под предлогом заботы о нравственном благосостоянии крестьян (ст. 39), мог повлиять на их частную жизнь. И, прикрываясь заботой о хозяйственном и нравственном «преуспеянии» вверенного ему населения, земский начальник мог отдать любое приказание, не выполнить которое практически было невозможно, так как земскому начальнику на этот случай были даны широкие карательные полномочия.

Знаменита пресловутая статья 61 Положения о земских начальниках, по которой они получили право за неисполнение своих распоряжений подвергать подведомственных им лиц крестьянского общественного управления без формального производства аресту до трех дней или штрафу до шести рублей.

Не менее знаменита статья 62, позволявшая земскому начальнику после проверки жалоб на должностных лиц сельского и волостного управления подвергать их взысканиям: замечанию, выговору, штрафу до пяти рублей или аресту до семи дней. При очень серьезных нарушениях земский начальник мог представить провинившегося к полному отстранению от должности. Решения земского начальника по ст. 25, 29, 35, 61 и 62 были окончательными. На прочие существовал 30-дневный срок обжалования.

Ничто так не возмущало общественность, как соединение в руках земского начальника административных функций с судебными. Тем не менее, практика эта продолжалась вплоть до 1912 года, когда земские начальники судебных полномочий были лишены.

По воспоминаниям А.Н. Наумова, бывшего с 1893 года в течение четырех лет земским начальником в Самарской губернии, критика данного

института в том числе и за смешение судебной и административной власти со стороны как академической профессуры, так и публицистики того времени, имела под собой некоторые основания, но именно такая широта и неопределенность полномочий земского начальника давала широкий простор для творчества и оказания действительной и неотложной помощи темному малограмотному населению¹. Даже Н. Х. Бунге, бывший противником института земских начальников, в своей «Посмертной записке» писал, что соединение судебной и административной власти в одних руках оказалось «счастливой мыслью»².

При имеющейся в законе формулировке «прочие дела с ценой иска не превышающей 300 руб.», на деле ведомству земских начальников подлежали почти все насущные для крестьян вопросы, которые, тем не менее, были незначительны для более высоких судебных инстанций. Конокрадство, семейные ссоры, спорные земельные разделы, – с чем только не приходилось сталкиваться земскому начальнику при решении крестьянских жалоб. Одни только кражи скота, были настоящим бедствием для крестьян, и борьба с конокрадами требовала от земских начальников больших умственных и временных затрат. Насколько значительным был размер этого бедствия, можно видеть по этим цифрам: только за 1911 год по одному Уфимскому уезду пострадало от краж 173 селения (383 двора), украдено 305 голов лошадей и 143 головы крупного рогатого скота (найдено, соответственно, всего 143 и 4). В денежном выражении крестьянам причинен ущерб на сумму 13211 руб.³

Справедливый и грамотный начальник действительно мог бы способствовать значительному облегчению крестьянской жизни. На деле же получалось по-разному. Земские начальники не всегда разъезжали по

---

¹ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. Кн. 1. Нью-Йорк, издание А.К. Наумовой и О.А. Кусевицкой, 1954. С. 187.

² «Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге» // Источник, 1993, № 10. С. 29.

³ Хозяйственно-статистический обзор Уфимской губернии за 1911 год. Издание Уфимской губернской земской управы. Уфа, 1912. С. 714

участку, а чаще находились у себя в деревне. Тяжущимся приходилось ехать к нему за несколько десятков верст. Если добавить медленное рассмотрение дел, то получалось, что расходы на ведение дела иногда превышали его стоимость.

Усугубляло положение и то, что земские начальники часто сами не очень хорошо разбирались в правовых вопросах (даже несмотря на то, что им постоянно присылались подробные разъяснения о применении того или иного закона), а потому жители селений, относящихся к разным участкам, получали разнородные по однородным делам решения.

Крестьяне теоретически могли обжаловать решения начальников в вышестоящих инстанциях, вплоть до Сената, чего не делалось зачастую из-за незнания своих прав¹.

В судебной практике земских начальников присутствовали иски по гражданским и уголовным делам. Количественно преобладали уголовные. Так, в производстве земского начальника Уфимской губернии Лейдекера в 1906 году находилось 104 уголовных дела и 22 гражданских. При этом земский начальник провел всего одно заседание по их решению и закончил 4 дела.

У земского начальника В. Постникова в Уфимской же губернии в 1906 году было 1748 входящих бумаг и 1737 исходящих, в 1907 году – 1959 входящих и 2166 исходящих бумаг.

В производстве у него было в 1906 году 141 уголовное дело, из которых разрешено 84 и перенесено 57, гражданских - 3, из которых разрешено 2, административных - 57, из которых решено 41 и перенесено – 16. В 1907 году уголовных дел было в его участке 139 (решено 117), гражданских - 6 (решены все 6), административных - 58 (решено 53)².

Результативность работы земских начальников различалась по эффективности в разных уездах. Так, осенью 1895 года Уфимский губернатор

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 24.

² НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 390. Л.86.

требовал сведения о результатах работы земских начальников за первый год работы, указывая на невероятную их медлительность даже в предоставлении отчетности. В ответных посланиях Белебеевский предводитель дворянства 22 октября 1895 года констатировал, что все земские начальники, за одним исключением, умело и усердно принялись за новое дело и за три месяца с 1 октября по 31 декабря 1894 г. к ним поступило дел: гражданских - 100 (осталось нерешенными 43), уголовных - 1614 (не решено - 625) и административных - 1770 (осталось 891). При этом точные данные за 1895 год имелись у него только за июль, август и сентябрь (как велись отчеты в первом полугодии, остается только догадываться). За 10 месяцев 1895 г. данные были поданы им, по собственному признанию, приблизительно: гражданских дел в производстве земских начальников уезда было - 667 (остались нерешенными - 97), уголовных - 5004 (не рассмотрено - 1119) и административных - 2808 (осталось рассмотреть 402).

Уездный съезд рассматривал дела более оперативно: с 1 октября 1894 по 1 октября 1895 в производстве было: гражданских дел - 769 (осталось 27), уголовных - 643 (осталось 42) и административных - 738 (все рассмотрены)¹.

По Бирскому уезду земскими начальниками в первый год работы принято от упраздненных учреждений дел: административных - 414 и 390 - уголовных, поступило же гражданских дел - 239 (осталось 29), уголовных - 1729 (осталось 259) и административных - 1020 (осталось 162)

В уездный съезд земских начальников Бирского уезда поступило на решение с 1 октября 1894 по 1 октября 1895 г. гражданских дел - 334 (осталось 29), уголовных - 537 (осталось 47), административных - 627 (осталось 45)². Как видим, и здесь уездный съезд рассматривал дела быстрее, чем земские начальники.

Примечательно, что предводители дворянства из других уездов просто отписали, что земские начальники их уездов работают вполне

---

¹ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1 Д. 436. Л. 2.

² Там же. Л. 12

удовлетворительно и нареканий к их работе нет, не представив тому ни единого свидетельства.

Разумеется, работа новых должностных лиц не могла проходить без нареканий. Так, за 1891-1892 год в уездные съезды Самарской губернии поступило 380 административных дел по жалобам на постановления земских начальников¹. В губернское присутствие за этот период было обжаловано 44 дела². По гражданским делам окончательно обжаловано было 91 дело, неокончательно – 422³. Справедливости ради необходимо отметить, что и волостные суды вызывали не меньшие нарекания. Так, если за 1891-92 года поступило 930 жалоб на неокончательные решения земских начальников по гражданским делам, то соответственно на волостные суды – 2840. Из них отменено соответственно 175 и 1102.⁴

При ревизии деятельности земского начальника Уфимской губернии Лейдекера в 1908 году было отмечено, что решения им и волостным судом принимаются в целом удовлетворительные, однако об исполнительном производстве решений суда ни волостное правление ни земский начальник не заботились. Также было отмечено полное неприменение спорного порядка разбирательства дел⁵.

При ревизии участка земского начальника Левашова в тот же период было выявлено, что делопроизводства как такового у него нет, дела заводились в случайном порядке. В нарушение закона земский начальник допускал примирение сторон при жалобах на неправильные действия должностных лиц⁶.

Решения волостных судов, конечно, бывали крайне необъективными. Традиционно в них царили невежество, пьянство и кумовство, о чем упоминают абсолютно все мемуарные и документальные свидетельства. К

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 281. Л. 8.

² Там же. Л.9.

³ Там же. Л. 9об. –10.

⁴ Там же. Л. 13-14.

⁵ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1837. Л.Л. 5об., 14об.

⁶ Там же. Д. 1832. Л. 208

примеру, один крестьянин жаловался в съезд на неправильное решение волостного суда, в котором судья и ответчик были родственниками. Съезд провел расследование, и оказалось, что кровного родства не было, но судья был приемным ребенком в семье ответчика. Дело направили на пересмотр суду с другим составом¹. Традиционные подношения также присутствовали в волостном суде. Так, А. Наумов в своих воспоминаниях приводит случай в самом начале своей карьеры земского начальника: одна старушка, подавая свою просьбу, упорно пыталась всучить ему кулек с яйцами, чтобы он «уважил ее просьбишку» и, несмотря на все заверения, что дело будет рассмотрено и без подношения, отказывалась его забрать².

Рассмотрим несколько примеров из практики земского начальника Гончарова (Златоустовский уезд Уфимской губернии), показывающие минимальный круг вопросов, о решении которых в течение 1910-1911 годов к нему обращались жители участка:

Обыватель Кусинского завода Петр Васенев жаловался на действия волостного старшины Гиляжетдинова, который неправильно продал с торгов все его имущество, причинив убыток в 905 руб., о чем дело рассматривается в суде. Старшина же своим давлением требовал у него расписку о том, что потерпевший убыток ему простил, иначе выживал его из дома, за который уплачено вперед за 2 года, грозя постановлением о ее сносе.

В январе 1910 г. крестьянка Неонила Горюнова обращалась с прошением об отмене описи ее имущества за долг ее мужа в 55 руб., которые он взял займы у Татьяны Балакиной, сам не отдал, а потом умер. Балакина требовала взыскать долг с нее, так как она наследница и преемница мужа. Волостной суд приговорил удовлетворить иск, а потом по его же решению описали по цене 400 руб. лично Горюновой принадлежавший дом в г. Златоуст, реальной стоимостью 500 руб. Горюнова заявляла, что наследства никакого после мужа не осталось, и его долг по-хорошему она платить не

---

¹ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 4, 5.

² Наумов А. Указ., соч. С. 189.

обязана. Кроме того, стоимость ее дома гораздо выше суммы долга. Просила опись отменить и предоставить рассрочку выплаты.

Бывший солдат Турукин, жаловался в августе 1909 г. земскому начальнику, что его жене Анне не полностью было выплачено пособие в 1904-1905 гг. как жене солдата, призванного на войну, по вине Кусинского старосты. В результате семейство его голодало и продало последние пожитки. В переписке было выяснено, что пособие выплачивалось только в 1904 году, разными суммами. Староста объяснил, что ничего пояснить не может, а документы все сгорели в пожаре в 1906 г. В итоге в январе 1910 г. земский начальник объявил просителю, что тот должен сообщить точные суммы и сроки получения пособия, на каком основании и в каком размере оно полагалось, а иначе к рассмотрению его прошения нет оснований¹.

Очень часто земским начальникам приходилось разрешать иски, связанные с семейными делами. Так, например, типичная жалоба (май 1910 г.): обывательница К. Ногтева просила земского начальника обязать ее мужа, от которого она ушла по причине его неспособности к супружеству, выдать ей хотя бы верхнюю одежду, которую он в числе прочего имущества не отдает, несмотря на имеющееся предыдущее судебное постановление².

А. Наумов вспоминал, что этот аспект деятельности был для него очень сложным, так как он в то время был молод, не имел жизненного опыта и даже не был женат, а приходилось выслушивать смущавшие его подробности деревенского интимного быта и принимать решения, в правильности которых он не был до конца уверен³. Примечательно, что по первым порам просители больше доверяли решению земского начальника, чем волостного суда. Этому есть логичное объяснение. Как упоминалось ранее, волостные суды страдали от невежества, предрассудков, взяточничества и прочих пороков.

---

¹ МУ Архив г. Златоуст. Ф. И-5 Оп.1 Д. 65. Л.Л.13, 14, 17-21

² Там же. Л.26

³ Наумов А.Н. Указ., соч. С. 212

Женщина-истца скорее нашла бы большее правосудие у земского начальника или с его помощью, чем у местного волостного суда.

Прослеживается субъективность волостных судов и по отношению к не крестьянам. Так, некая мещанка жаловалась на то, что волостной суд, рассматривая оскорбление ее словом и действием, приговорил в ее пользу 2 руб., но должен был по серьезности проступка открыть уголовное дело. Но так как обвиняемый местный житель – то волостной суд к нему лоялен. Съезд с ней согласился¹.

И сами земские начальники при случае также пользовались своими связями в местной юстиции. В газете «Урал» от октября 1902 года была помещена заметка «Бесконечное дело». История заключалась в следующем: земский начальник Т. (вероятнее всего, Топорнин) заявил, что его бывшая прислуга украла у него перстень стоимостью 300 рублей. О краже он заявил через три месяца. Сама же женщина пояснила, что работала у него прислугой и состояла с ним в связи, а когда интимные подробности вскрылись, то она потребовала расчет и средства на проживание, пока не найдет новое место. Он дал ей перстень, так как не имел наличности, перстень она продала и жила спокойно три месяца, а на четвертый он на нее заявил, после чего ее арестовали и приговорили к году тюрьмы. Дело потом неоднократно переносили, адвокаты подсудимой пытались передать дело в вышестоящие инстанции, но земский начальник упорно способствовал передаче дела именно городскому судье. При этом у журналиста возникал справедливый вопрос, почему такая таинственность с этим делом, почему последнее заседание сделали за закрытыми дверями, почему земский начальник ждал три месяца и откуда такое стремление передать дело именно мировой юстиции, где заседают его товарищи и сослуживцы?² Считаю необходимым добавить, что иногда городской судья и земский начальник проводили заседания одновременно в одном помещении.

---

¹ ГАСО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 54. Л. 3.

² Бесконечное дело//Урал, 1902. 18 октября. С.3

Конечно, есть примеры и противоположного характера, когда земский начальник не считался с общественным положением обвиняемого и знакомства в местном дворянском обществе не помогали.

В 1895 году священник с. Надеждино Уфимского уезда Владимир Никольский пожаловался земскому начальнику 5 участка на то, что князь Николай Мустафин и зять его Михаил Львов всячески на него клеветуют. Якобы он, Никольский, украл портсигар у пьяного Мустафина. Во время богослужения при людях князь также обвинил его в прелюбодеянии и сожительстве с просфорней девицей Кабардиной и что, якобы, он еще и украл церковные деньги. Земский начальник провел расследование и приговорил Мустафина за клевету на Никольского аресту на 4 недели, а Львова на три месяца. Адвокаты обвиняемых принимали всевозможные меры к отмене приговора вплоть до жалоб в МВД, но кассации не имели последствий и приговор земского начальника утвердили¹.

В отношении крестьян самым частым наказанием по уголовным делам был штраф. Например, из списка решенных дел на 22 мая 1911 года у земского начальника Уфимской губернии Гончарова значилось 212 человек приговоренных к штрафам от 50 коп до 3 руб.² с возмещением причиненного ущерба дополнительно. Самым частым преступлением были кражи леса.

Ранее мы упоминали о карательных полномочиях земского начальника, данных ему ст. 61 и 62 Положения.

Статья 61 гласила: «В случае неисполнения законных распоряжений или требований лицами, подведомственными крестьянскому общественному управлению, он имеет право подвергать виновного без всякого формального производства аресту на время не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше шести рублей. В каждом случае наложения означенных взысканий должен быть составлен земским начальником особый протокол».

---

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 39. Л. 70

² МУ Архив г. Златоуст. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 64. Л.18-20об.

Широта возможной трактовки данной статьи обеспокоила сами власти уже в первые годы деятельности института земских начальников. Так, журнал Самарского губернского присутствия от 22.08.1892 констатировал, что «некоторые земские начальники, пользуясь правом, предоставленным им ст. 61 ПЗН наложение наказания ... не вполне правильно усвоили себе... Были примеры наложения взыскания по 61 ст. за уход со схода до окончания обсуждения дела, за явку в волостной суд в нетрезвом виде, за распространение вздорных слухов и т.д.»¹. В данном вопросе как нигде проявляется зависимость принимаемого решения от личности земского начальника, его культурного, образовательного и морального уровня. Так, исключительно положительно характеризовавшийся, как человек земский начальник 4 участка Новоузенского уезда А. М. Померанцев применил ст. 61 за три года один раз. А некоторые начальники наказания по этим статьям клали в основу своей деятельности. Они использовали их при любых ситуациях: за лень и неумение держать себя перед начальством, за пьянство², за непредставление назначенного числа сусликов, за увоз снопов с общественной запашки³, за ложные факты в прошении⁴ и т.д.

Временный купец г. Елабуги Матвей Крамок жаловался в МВД, что земский начальник 9 участка Белебеевского уезда оштрафовал его на 6 руб. по ст. 61, потому что тот не пришел к нему по вызову. Предыстория такова: земский начальник якобы заставил общество с. Бакалов выделить 800 руб. из денег за аренду базарной площади на постройку больницы. Этих средств ему показалось мало, и он решил привлечь к этому весь «торгующий элемент», к которому принадлежал и жалобщик. К начальнику торговец не явился, так как не имел возможности. После этого и был подвергнут штрафу. Жалобщик

---

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 90.

² ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

³ Там же. Л. 6об.

⁴ Там же. Л. 9об.

пишет, что штраф за неявку на частные переговоры о посильном участии в устройстве больницы незаконен¹.

В 1896 году 175 башкир Московского сельского общества жаловались в МВД, что земский начальник 16 участка Бирского уезда подверг штрафу по 50 коп. всех 175 домохозяев за то, что они допустили в общество красильщика Холкина и получили с него деньги без приговора. И теперь земский начальник требует уплатить штраф, иначе угрожает приступить к описи имущества², а таких средств у общества нет.

В журнале Самарского губернского присутствия (от 23.07.1893 г.) описан случай рядового Т.Кравцова. Он пожаловался земскому начальнику 1 участка Ставропольского уезда на неправильное обложение его обществом села Ягодное за проживание в селе сбором в 100 руб. Земский же начальник стал на него кричать, ругаться, грозить выселением из Ягодного за неисполнение требования общества, после чего посадил под арест на 3 суток по ст. 61. За это время лошадь Кравцова без присмотра изломала сани и пропали купленные им товары на 74 руб. 10 коп. Кроме того, он не смог привезти запродавшую рожь, чем также понес убытки. По отбытии ареста он вновь получил протокол со штрафом 5 руб. «за какое-то неисполнение законного требования земского начальника», далее был арестован на 3 дня и 29 апреля также на 3 дня. Земский начальник сказал, что будет сажать его пока он не выселится из Ягодного, а один раз пояснил, что посадил за то, что крестьянин жаловался прокурору.

Земский начальник же объяснил, что якобы по вступлении в должность он всем приказал объявить, что если к нему придут пьяными, то он арестует такого по ст. 61, а Кравцов ему известен давно как человек дерзкий и буйный, ворвался к нему пьяный, упал на колени и стал что-то кричать, потому

---

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 39. Л. 66-66об., Л. 67 об.

² Там же. Л. 105.

земский начальник счел возможным его арестовать¹. Губернское присутствие нашло, что только одно постановление законно, а остальные надо отменить².

Земский начальник Самарской губернии Шидловский арестовал мещанку (бывшую крестьянку) Матрену Репнину, так как она не явилась к нему в камеру мириться с мужем. Тогда он приказал привести ее насильно и посадил под арест на 3 суток по 61 ст. без всякого постановления, которое ей не выдал. Не выдал он его и прокурору по требованию. Долгое разбирательство в конечном итоге дошло до МВД. Заседание губернского присутствия все-таки определило, что действия Шидловского были неправильными. В конечном итоге МВД решило вынести Шидловскому замечание за незаконный арест. Разбирательство длилось больше года. Показательно, что женщина жалуется в первую очередь на оскорбительное поведение земского начальника в отношении нее, на унижение ее достоинства, так как ее насильно увели, да еще и везли перед людьми в арестантской шубе и потом незаконно продержали под арестом³.

Очень интересно, как некоторые крестьяне пытались избежать наказания. Так, в апреле 1910 г. некий обыватель Златоустовского уезда Уфимской губернии Н. Щукин просил земского начальника освободить его от штрафа в 3 рубля за неявку по повестке к земскому начальнику на разбирательство, якобы по причине того, что повестку вручили его малолетним детям, а сам он был в отъезде и ничего не знал, возвратился же позже указанного срока. Дознание установило, что повестку вручили его старшему сыну, который недавно женился, то есть он совсем не малолетний, да и сам проситель был дома. Другой крестьянин, вызываемый по этому же делу, к земскому начальнику поехал, а Щукин ему сказал, что в такую погоду разъезжайте (сами). Разумеется, земский начальник в просьбе отказал и штраф утвердил⁴.

---

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 107.

² Там же. Л. 110об.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л.Л. 58-63об.

⁴ МУ Архив г. Златоуст. Ф.И-5 Оп.1 Д. 65. Л.24-25об.

Примером применения ст. 62 (надо отметить, что применялась она не так часто, в отличие от ст. 61) может служить постановление земского начальника Златоустовского уезда Гончарова от 12 сентября 1911 г. по жалобе пристава «на неуместное, непочтительное и грубое замечание», которое ему сделал сельский староста с. Куваши Можаяев при исполнении им обязанностей. Земский начальник приговорил старосту к аресту на 7 суток¹.

А по свидетельству крестьянина С.Т. Семенова многие земские начальники прибегали к ст. 62 постоянно и легко понять, почему они так делают: чтобы разбирать дело, надо быть к этому подготовленным, а также знать и уважать быт народа и явления, порождающие те или иные условия. А как это знать земским начальникам, которые к этому не имеют подготовки. В результате широкое применение ст. 62 очень неблагоприятно отразилось на населении².

Таким образом, несмотря на то, что часть земских начальников не злоупотребляла своими полномочиями, некоторые их коллеги поставили карательные мероприятия в отношении как отдельных крестьян, так и их сходов на такую широкую ногу, что справедливость первых теряется в злоупотреблениях вторых.

Дискреционная власть земских начальников и широта ее использования подавляли и без того задавленное сельское общество. Так, крестьянин с. Б. Глушица Самарской губернии С. Бушуев описывал случай, когда в сходе земский начальник Тимрот арестовал его за то отлучку со схода, который еще не был открыт, и за тот же проступок были арестованы крестьяне Иван Камаев и Федор Матасов, но последние были прощены, первый как родня сельского богача, а второй, вероятно, за то, что он торговец и отпускает Тимроту товар в кредит. Отсидев два дня, Бушуев стал просить

---

¹ МУ Архив г. Златоуст. Ф.И-5 Оп.1. Д. 64 Л. 105.

² Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. С. 88.

выдать ему копию постановления об аресте, чтобы обжаловать его, на что земский начальник выразился: «Кому будешь жаловаться: Богу иль Царю?»¹.

В связи с подобным восприятием своей особы земским начальником приведу также историю с земским начальником Листовским, произошедшую в 1901 году. Итак, в №1321 газеты «Урал» от 26.09.1901 появилась заметка «Шапку долой», суть которой сводилась к тому, что земский начальник Л. приказал арестовать мужика, который разговаривая с ним, не снял шапку. В заключение журналист заметил, как хорошо, что миновали те блаженные времена, когда с представителями власти можно было разговаривать, «лишь сняв шапку и валяясь на брюхе»².

Так случилось, что эта заметка попала на глаза земскому начальнику Листовскому, который сразу понял, что земский начальник Л. – это именно он, Листовский, но все написанное - клевета, о чем и доложил губернатору, прибавив факт, что ст. 61 за 4 года он употреблял всего 2 раза. Во вторник 16.10.1901 газета «Урал» в № 1336 поместила опровержение данной статьи от имени губернатора³.

Примечательна сохранившаяся переписка по этому поводу, в ходе которой из типографии поступило дополнительное разъяснение, что указанный факт на самом деле имел место с крестьянином дер. Бекетово Архипом Кондоровым, которого Листовский арестовал при управлении местного станового пристава, а не уездной полиции, у которых, разумеется, никаких данных об аресте не было, но эти сведения они дополнительно печатать не хотят, «дабы не дискредитировать силу официальных опровержений»⁴.

При таком положении дел крестьяне не видели никакой возможности добиться справедливости, а потому безропотно выполняли наложенные на

---

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л.Л. 6-8.

² Шапку долой //Урал, 26 сентября.1901. С. 4

³ Шапку долой. Опровержение//Урал, 16 октября. 1901. С. 3.

⁴ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1834. Л.Л. 59, 70-71

них взыскания. При этом карающая рука начальника уравнивала и простых крестьян, и старост, и старшин, и мужчин, и женщин.

С течением времени происходит отчетливая переориентация деятельности земских начальников с непосредственного решения хозяйственно-бытовых проблем крестьян к наблюдению за политической благонадежностью вверенного им населения.

Так, в секретном циркуляре Самарского губернатора от 1898 года говорилось о возникающих беспорядках среди крестьян, в ходе которых происходили потравы лугов, рубка лесов и нападения на помещичьих служащих, а также погромы усадеб. Как следовало из циркуляра, все эти безобразия были следствием вины «местных административных и полицейских властей, на обязанности коих лежит своевременное устранение возникающих на этой почве недоразумений», а потому «Г. министр внутренних дел, возлагая своевременное принятие мер по предупреждению и прекращению беспорядков на личную ответственность указанных должностных лиц, поставил меня в известность, что при всех случаях проявления беспорядков, насилия и буйств в известной местности, он с особой строгостью будет относиться к вопросу об ответственности должностных лиц, на обязанности коих лежала ближайшая забота о предупреждении беспорядков»¹.

В июне 1902 года поступил другой секретный циркуляр, в продолжение предыдущего. В нем сообщалось, что одной из главных причин возникающих среди крестьян беспорядков является деятельность «группы людей, именующих себя «социал-революционерами», которые привлекают сознательных сторонников из наиболее развитой части сельского населения к антиправительственной деятельности с целью устройства, в случае необходимости, коллективного аграрного бунта одновременно по всей России. А потому земским начальникам предписывалось установление возможно тщательного наблюдения за возникновением подобных

---

¹ ГАСО. Ф. 344. Оп.1. Д. 90. Л. 2.

организаций, а также передавалось указание МВД земским начальникам и чинам полиции наблюдать за настроением местного населения и «принимать самые энергичные меры к возможно быстрому прекращению возникающих волнений». Также отмечалось, что «выбираются ими наиболее развитые, даровитые и энергичные крестьяне, которым сообщаются различные научные сведения, преимущественно по истории социологии и рабочему движению». Далее предупреждалось, что обращать внимание надо и на легальное распространение книг, так как книгоноши могут близко общаться с крестьянами, а ознакомление их с тенденциозно подобранной литературой, изображающей нищету и прочие бедствия народа, только вызывают в нем искусственное брожение¹.

В данных циркулярах поражает близорукость высших властей империи, полагающих, что проблема состоит лишь в искусственно разжигаемом недовольстве и возможности решить проблему с помощью полицейских мер. По воспоминаниям А. Наумова еще в 1893 году, когда он начал работать земским начальником, вокруг себя он видел «лишь плач, ругань и злобное отчаяние хозяйственных крестьян, обездоленных тупой и безжалостной политикой казны». Для чиновного Петербурга удобство было выше общечеловеческой справедливости. Между тем, по убеждению Наумова, от ее удовлетворения зависело довольство народа, от которого, в свою очередь, зависело настоящее, а не кажущееся спокойствие. Именно тогда, по словам Наумова, он поймал себя на зародившейся острой неприязни к черствой, себялюбивой бюрократии, и с тех пор «понял, какая пропасть лежит между Царем с его столичными сановниками и народом с его нуждами и невзыскательной психологией»². Обращает на себя внимание то, что А. Наумов являлся блестяще образованным представителем старинного дворянского рода и очень богатым землевладельцем, истовым монархистом

---

¹ Там же. Д. 571. Л. 1–1об.

² Наумов А.Н. Указ., соч. Т. 1. С. С. 195-196.

по убеждениям и заподозрить его в необъективной оценке ситуации в деревне очень трудно.

Своеобразным откликом на мнение А. Наумова являются воспоминания крестьянина С.Т. Семенова. В части, относящейся ко времени начала крестьянских выступлений он писал следующее: «Полицейский надзор за деревнями усилился. Старосты то и дело призывались к земскому, в контору. Некоторым рассылались газеты: «Родная речь», «День» и «Дружеские речи». Распространялись листки, где в сотый раз пели одну и ту же песню, чтобы народ не слушал никаких смутьянов, которые из зависти к благополучному состоянию русского государства, его силе и мощи разрушают основы и хотят расшатать устои, поколебать заветы и внести разлад. Но это служило не ту службу. Как ни темны были простые люди, но они понимали, что никакого особого благополучия в жизни голодного, бесправного народа нет, и что едва ли какие недруги будут разорять страну, когда она и так с каждым годом разваливается, как разохшаяся бочка»¹.

Известный русский историк и филолог А.А. Шахматов, некоторое время служил земским начальником в саратовской губернии. По свидетельствам близко знавших его людей, он любил деревню и запросто общался со своими знакомыми, мечтал помогать крестьянам. Однако А.А. Шахматов оставил службу, так как не мог смириться с тем, что земский начальник постепенно превращался в полицейского и крестьянам он, фактически, реально помочь не смог².

О значении земских начальников в качестве политических надсмотрщиков говорит и то, что в 1905-1906 годах им даже не разрешалось уходить в отпуск. Так, в ответ на просьбу об отпуске земским начальником Самарской губернии Лисовским губернатором было сообщено: «разрешить земскому начальнику Лисовскому просимый им 28-дневный отпуск я в настоящее время не признаю возможным, так как общее тревожное

---

¹ Семенов С.Т. Указ., соч. С. 215.

² Макаров В.И. А.А. Шахматов. Указ., соч., 1981. С. 61

настроение, в связи с обнаруживающимся брожением среди крестьянского населения на почве земельных домогательств, требует постоянного присутствия на местах гг. земских начальников, как представителей правительственной власти»¹. Другой земский начальник, Обухов, был очень болен, а потому решил уйти в отставку. Но, как писал в письме неизвестный высокопоставленный чиновник (губернатор или сам министр?) «даже при наличии всех земских начальников на занимаемых ими местах от этих должностных лиц требуется долговременная опытность в производстве дел и усиленная работа, вызываемая новыми законодательными мероприятиями правительства и усложняющимися с течением времени нуждами жизни сельских обывателей губернии. В особенности же драгоценно для дела нахождение опытных земских начальников на местах именно в настоящую смутную годину, когда государству столь необходимы живое воздействие и авторитетное руководство крестьянским населением в борьбе со сторонниками смуты и врагами всякого порядка. Поэтому, принимая во внимание, что многие из земских начальников губернии призванные на военную службу, оставили свои участки на попечение заместителей и что кроме того в уездах чувствуется недостаток в правоспособных кандидатах на вышеозначенные должности, позволяю себе, в интересах службы, ...оказать ваше влиятельное содействие к тому, чтобы г. Обухов повременил, насколько...возможно, выходом в отставку»². И начальник «повременил».

Однако при наступлении пика погромов помещичьих усадеб во время волнений 1905-1906 г.г. присутствие даже самых опытных земских начальников не помогло. Напротив, по свидетельству А. Наумова, им приходилось, спасаясь от расправы, одному за другим бросать не только служебные обязанности, но и место жительства. При этом им отмечалось

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 79.

² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 40. Л. 566.

полное отсутствие помощи в борьбе с беспорядками со стороны губернских властей¹.

Вероятно, сила крестьянского недовольства существующим порядком вещей испугало не только правительство, но и некоторых деятелей из их же среды. Так, некий А.И. Троицкий прошением от 21.09.1909 просил земского начальника принять его, по возможности, на должность волостного писаря (одна из самых влиятельных должностей среди крестьян, как упоминалось), в которой он служил 20 лет, но уволился в 1906 году по причине народных волнений, а теперь вновь желал поступить на службу.²

Волна народных выступлений в 1905-1906 годах показала царскому правительству необходимость перемен. После стабилизации положения в стране и в связи с новым политико-экономическим курсом в стране земские начальники были в очередной раз переориентированы правительством на новое поле деятельности. Теперь они должны были всеми силами способствовать разрушению крестьянской общины, путем обеспечения проведения в жизнь закона от 9 ноября 1906 г. о выходе крестьян из нее, помогать переселению крестьян и прочим аспектам их благоустройства. В 1912 году земские начальники были лишены судебной функции вместе с принятием закона о возвращении учреждений мировой юстиции. Ранее были приняты изменения в законе о земских начальниках, по которым существенно понижались цензы для занятия этой должности. Таким образом, земские начальники окончательно трансформировались в административно-бюрократическую структуру и из сословно-дворянской организации фактически перешли в категорию чиновничества.

2.3 Деятельность земских начальников по оказанию социальной помощи крестьянству

---

¹ Новиков А.Н. Указ., соч. Т. 2. С. 27-28.

² МУ Архив г. Златоуст. Ф.И-5 Оп.1. Д. 65. Л.12.

Основные особенности деятельности земских начальников были связаны с аспектами, которые хотя и относятся к административным, но касаются непосредственно общественного благоустройства крестьян и их хозяйственной жизни. Этот пласт их деятельности был очень широк и четко не определен, хотя со временем именно эти вопросы стали приоритетными в их деятельности, особенно в связи с начавшимися в стране реформами и оставались таковыми до начала первой мировой войны.

Так, активные земские начальники Самарской губернии, в которой эта должность была введена в 1891 году, оказывали помощь страдающему от голода населению Поволжья, пострадавшему от неурожая 1891-1892 годов.

В.А. Шомпулев, саратовский земский начальник, вспоминал, что «голодовка и холера 1892 года много причинила хлопот земским начальникам, которые, поистине, на первых порах своей деятельности сослужили немалую службу правительству». По его воспоминаниям, «холерный бунт ... начался в городе Хвалынске, вследствие распространения слухов о том, что врачи, будто бы подкупленные правительством, отравляют родники и разносят холеру по домам, почему толпа и начала преследовать городского врача Молчанова и придирается к городскому голове и полиции, намеривались при этом громить дома чиновников». Затем волнения стали распространяться. Далее он приводит сведения о зверствах толпы, преследующей докторов и прочих лиц, казавшихся крестьянам виновными в распространении какой-либо заразы. Так, доктор Молчанов, пытавшийся доказать крестьянам абсурдность их убеждений и продолжавший ходить по домам и оказывать помощь, был зверски убит толпой и даже труп его был осквернен. Другие избежали смерти случайно. Дело доходило до того, что земскому начальнику пришлось демонстративно выпить воды из родника, чтобы доказать отсутствие в нем отравы, но крестьяне не брали оттуда воду до следующего дня, пока не убедились, что он жив и невредим¹.

---

¹ Шомпулев В.А. Указ., соч. С. 196.

Становится понятным, почему письмом от 9 июня 1911 г. земское санитарное бюро Уфимской губернии уведомляло о планируемой работе по обследованию источников водоснабжения губернии. Земским начальникам и чинам полиции предлагалось провести подготовительную работу во избежание недоразумений¹. Видимо, крестьянский менталитет не сильно изменился со времен холеры в 90-х годах XIX века, и за «подозрительное» появление возле воды исследователь мог поплатиться жизнью.

Шомпулев сделал вывод, что «громадное количество закупленного на стороне земством хлеба при правильной раздаче его, помощь Красного Креста и общественные работы лишали крестьян возможности жаловаться на свои недостатки». Его коллега А. Новиков не был столь оптимистичен. В своих записках он неоднократно касался темы постоянного недоедания вплоть до голода среди крестьян и пришел к выводу о неэффективности организации системы продовольственной помощи вообще, хотя сам ей занимался в качестве земского начальника. Упоминал он и о фактах злоупотреблений в голодные годы, когда не имеющие получали продовольственную помощь, а более богатые или приближенные к ним. «Я пережил голоды 1891 и 1897 годов и с прискорбием должен сознаться, что чувство сострадания видел очень редко. Наоборот, всякий, имевший какие-либо запасы, только и думал, как бы воспользоваться окружающей нищетой, чтобы эти запасы приумножить. В 1891 году принято было удивляться, как русский народ устремился помогать голодающим. Деятельность отдельных выдающихся личностей, труд и материальные жертвы исключений вменялись в заслугу всему народу. Для меня цифры говорили другое. Я удивлялся скудости этих жертв. Неужели не могла Россия собрать больше какого-нибудь десятка миллионов рублей? Неужели стоило устройство всякой столовой превозносить как акт великого милосердия? То же равнодушие, ту же черствость я видел в холеру, в голод 1897 года. Столько

---

¹ МУ Архив г. Златоуст. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 64. Л. 71

же помог нам, как и русская милостыня, хлеб, присланный из Америки и Англии. Кружок квакеров прислал сотни тысяч рублей. Имя пастора иностранной церкви в Петербурге было во главе списка жертвователей»¹ - так оценивал Новиков усилия общественности и правительства в помощи голодающим.

Несмотря на предпринимаемые меры, в результате в России умерло тогда от голода и сопутствующей холеры около 375 тысяч человек. Неурожаи случались в России и раньше, но именно в этот год последствия были настолько ужасными, что свидетельствовало о серьезных экономических причинах данного явления. Новый голод случился в 1897 году, хотя он так и не был признан правительством.

В 1898 г. от неурожая пострадала уже Уфимская губерния, помощь населению оказывали и земские начальники, но эти усилия чаще следует приписать их человеческим качествам, а не служебным установкам. Некоторые, как земские начальники Касьянов, Лесли, Джантюрин и Менькаржевский в 1900 году были награждены знаком Красного Креста за оказание помощи голодающим в 1898 году.

«Мы, пережившие 1891 и 1897 годы, можем понять, что делается теперь в Казани и Уфе! Между тем, Курск, Смоленск, Москва — вместо того, чтобы прислушиваться к стону исхудалых, голых детей, кричащих «мама, мама!» чтобы получить кусок небедного хлеба, и к рыданиям матери их, убегающей, чтобы не слышать этих стонов, так как куска этого у неё нет — вместо этого заняты важным вопросом: изменник Дрейфус или нет. Если бы капля сострадания была у нас, мы бы не Дрейфусом занимались, а нашими братьями, — не славянскими братьями, а русскими, родными!»², - эмоционально писал А. Новиков в 1898 году. Мы можем согласиться с его мнением, что система организации продовольственной помощи была неэффективной и, несмотря на очевидность этого, такой и оставалась.

---

¹ Новиков А. Указ., соч. С. 176.

² Новиков А. Указ., соч. 176-177.

Временными правилами 12 июня 1900 г. на крестьянские учреждения и главным образом на земских начальников было официально возложено заведование делами по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей. Однако сама система не претерпела никаких изменений. Так, по свидетельству земского начальника Уфимской губернии Мельгунова «в конце 1906 года, во время ненормального хода продовольственной кампании, ... Губернское присутствие, желая нужду вогнать в известную норму пудов хлеба, не считалось совершенно с действительной нуждой населения и оставляло нас на произвол судьбы лицом к лицу с темной массой»¹.

Позднее Мельгунов 19 апреля 1907 года на требование губернатора предоставил записку, что взятие на себя наблюдения за столовыми, открытыми в близлежащих волостях общеземскими организациями, к должностным обязанностям земского начальника не относится, а потому он никаких объяснений по этому поводу давать не намерен. Губернское присутствие, собравшись по этому поводу, отметило, что «острота продовольственного вопроса требует от земских начальников напряжения всех сил». Признали в итоге, что Мельгунова надо наказать, но так как он уже не служил в участке, решили дело оставить без последствий². Тем не менее, позиция этого земского начальника встречает определенное понимание. В ситуации, когда надо было менять саму систему, администрация всех уровней старалась исправить ситуацию раздачей все новых и новых дополнительных заданий, которые массово спускались для исполнения земским начальникам и волостному правлению.

Во время проведения всеобщей переписи 1897 г. земские начальники также должны были часть работы по ее проведению взять в свои руки, хотя их работу нельзя назвать похвальной. Так, 8 февраля 1897 года в письме к своему издателю А. С. Суворину писатель А.П. Чехов сообщал: "Перепись

---

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1841. Л. 147

² Там же. Л. 141

кончилась. Это дело изрядно надоело мне, так как приходилось и считать, и писать до боли в пальцах, и читать лекции 15 счетчикам. Счетчики работали превосходно, педантично до смешного... Зато земские начальники, которым вверена была перепись в уездах, вели себя отвратительно. Они ничего не делали, мало понимали и в самые тяжелые минуты оказывались больными. Лучшим из них оказался пьющий и привирающий à la И. А. Хлестаков — все-таки характер, по крайней мере, хоть с точки зрения комедии, остальные же чёрт знает как бесцветны и как досадно иметь с ними дело"¹. Конечно, оценка великого писателя отчасти справедлива, но не для всех земских начальников. При этом многие из них, в рассматриваемых губерниях, были награждены медалью за участие в переписи.

Для Уфимской губернии одним из приоритетных вопросов в землеустройстве оставалась деятельность, связанная с землями башкир. Также они были обязаны способствовать переселенческому делу и устройству новых сельских обществ.

Совершенно новым этапом в деятельности земских начальников стало проведение аграрной реформы П.А. Столыпина. Именно на земских начальников была возложена обязанность проводить закон 9 октября 1906 года в действие. Таким образом, изначальные хранители общины прошли через проведение в жизнь закона об отмене круговой поруки и эволюционировали до непосредственных исполнителей курса на разрушение общины.

Таблица 1. Ход столыпинской реформы в Уфимской губернии (1911 г.)

	Уфим.уезд	Белеб. уезд	Стерли т. уезд	Бирс. уезд	Менз ел. уезд	Злат. уезд	Всего
Общее число домохозяев,	8828	10998	12917	12147	7676	1569	54135

¹ Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 8 февраля 1897 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М., 1974—1983; Т. 6. Письма, Январь 1895 — май 1897. — М., 1978. — С. 289—290.

заявивших требование об укреплении							
Из них укреплены А)по приговорам обществ	4598	3320	9872	2291	58	690	20825
Б) по пост. земских начальников	3668	6185	1861	7800	6216	516	18602
Всего	8266	9505	11733	10091	6274	1206	39427
Число домохозяев, окончат. укрепленных пост. Уезд. Съездов	6692	7886	10010	7494	3719	992	36793
Площадь окончат. укрепл. земли	44927	61990	61100	54161	25561	5658	25633 98

Из данных таблицы 1 следует что на 1 января 1911 г. количество «укрепленных» выделов проведенных земскими начальниками и по приговором «обществ» практически сравнялось. Однако более трети требований осталось по каким-то причинам не рассмотренными.

Если верить официальным данным, то дело выделения отдельных домохозяйств в частную собственность пошло активно и эффективно. Земский начальник Лейдекер, например, рапортовал ревизору в 1908 году, что Закон 9 ноября в его участке широко применяется и, по его мнению, вся волость должна была стать укреплена к 1 января¹.

Земский начальника Уфимской губернии С.Р.Минцлова в своих записках отмечал, что «...министерство трясло за ворот земских начальников, требуя от них лишь одного – возможно большего количества укреплений земли...», те, в свою очередь, заявили своим писарям, что «...если они хотят оставаться на службе, ... чтобы дело укрепления у них разгорелось, как по щучьему велению»². То есть российское чиновничество

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп.1. Д. 1837. Л. 5

² Там же. С. 51-52.

сработало по обычному для себя сценарию. Начались приписки, которые значительно усугубили и без того сложную ситуацию в поземельных отношениях. С учетом того, что при серьезных ревизиях выявлялись факты фальсификации отчетности, когда земский начальник не мог пояснить, откуда взялись цифры в его отчете, оценка Минцлова выглядит заслуживающей доверия.

Также активно земские начальники проводили политику помощи переселенцам и землеустройства крестьян. Так, чиновник особых поручений при переселенческом управлении г. Уфы 6 марта 1901 года в своем отчете о ревизии участка земского начальника П. Дыммана зафиксировал: «Дело земельного устройства поселков в участке г. Дымман находится в следующем положении: из 33 поселков, расположенных на арендованных землях, 4 арендуют землю в неразмежеванной башкирской даче, а потому ожидают окончательного устройства в будущем. 3 поселка населены немцами-колонистами, едва ли вызывающими заботу об их устройстве, 7 поселков не выказывают никакого стремления к более прочному устройству, будучи обеспеченными на известное время арендным контрактом и не имея средств на покупку земли в собственность, 13 поселков ждут окончания начатых ими сделок по покупке, находящихся на производстве земского начальника и в Крестьянском банке, затем 5 поселков находятся в положении, требующем особой заботливости об их устройстве, так как арендных условий у них нет и без особой помощи со стороны Банка едва ли они будут в состоянии купить себе землю, не имея средств на расходы, неизбежные при покупке средств от башкир»¹.

Далее ревизор отмечал слабую работу земского начальника, чему привел несколько примеров. Так, поселок Софиевский в полном составе уходил на поиски земель в Сибирь, но потом все вернулись обратно, «окончательно подорвав экономическое благосостояние». При этом имелось

---

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп.1. Д. 1786. Л.44, 44об.

около 40 тыс. десятин башкирских земель, а земский начальник ничего не сделал для их использования¹.

Далее в вину земскому начальнику ставилось то, что «до сих пор не было продаж башкирских земель Банку», хотя его соседи это практиковали, да и башкиры в результате такого бездействия, упускали, по мнению чиновника, выгоду. В производстве Дыммана находилось 14 дел о продаже земель башкир вотчинников различным товариществам, медлительности не обнаружено, но «заметно желание земского начальника прибегать к направлению Волостного Правления, что крайне нежелательно»².

Земский начальник Уфимской губернии Луполов в марте 1909 года отчитывался, что в работе по ликвидации башкирских земель путем продажи их пришлым и местным крестьянам, число оформленных им сделок с 15 марта по март 1909 г. было около 90. Межевание закончено было им в 1906 году, в 1907 башкиры получили планы и документы и стали распродавать все, что только можно, за исключением самых отдаленных лесных участков. И он весь год провел в постоянных кочевых разъездах, терпя неудобства и лишения, в результате чего даже расстроил свое здоровье³.

У земского начальника уфимской губернии Лейдекера в 1908 г. 6 новых поселков приобрели земли при посредстве Крестьянского банка⁴.

Особо следует выделить деятельность земских начальников по наблюдению за мирскими капиталами. Ревизии показывали, что некоторые начальники недобросовестно относились к этой обязанности⁵, хотя у большинства денежная отчетность была все же под контролем.

В 1892-92 годах число дел по растрате в Ставропольском уезде было выявлено на сумму 240 руб. 17 коп. (8 дел)⁶, В Бугульминском на 3054 руб. 8

---

¹ Там же. Л. 45

² НА РБ. Ф. И-10. Оп.1. Д. 1786. Л.45

³ Там же. Д. 1828. Л.129

⁴ Там же. Д. 1837. Л. 5

⁵ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 281. Л. 51-54.

½коп.¹ (64 дела), в Бузулукском – 3660 руб. 94¼ коп.² (27 дел), в Бугурусланском – на 6041руб. 21¼ коп. (62 дела)³. Современники, даже критически настроенные, отмечали, что земские начальники расхищения мирских капиталов все же приостановили⁴.

Хуже дело обстояло с опекунскими делами. Ревизии показывают, что участковые начальники слабо выполняли эту задачу. Законом 12 февраля 1900 г. они были включены в состав уездных попечительств детских приютов.

Земский начальник 8 участка Николаевского уезда Пополутов «за делом опеки и попечительства не смотрит по своей инициативе, ограничиваясь лишь только рассмотрением поступающих жалоб»⁵. У начальника 3 участка Новоузенского уезда Мясоедова «дело опек не поставлено сколько - ни будь определенно»⁶. И таких случаев выявлено много.

Земский начальник Уфимской губернии Лейдекер деятельность по опеке сводил к ревизии опекунских производств и просмотру учетных приговоров, личная проверка состояния сирот оставалась у него «в планах». При этом только за 1908 год у него было 26 сиротских дел. По 7 опекам имущество было продано и деньги за него хранились на книжках государственной Сберегательной кассы на сумму 6942 руб. 90 коп.⁷

Были и положительные примеры. Начальник 5 участка того же Новоузенского уезда Чембулатов дело опеки поставил «вполне порядочно»⁸. Он даже наладил призрение убогих в общественной богадельне, но убогие решительно отказались в нее сесть и разбежались⁹.

---

¹ Там же. Л. 41-42.

² Там же. Л. 40-41.

³ Там же. Л. 32-33.

⁴ Страховский И. М. Указ., соч. С. 122.

⁵ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 313. Л. 2.

⁶ Там же. Ф. 342. Оп.1. д. 65. Л. 4.

⁷ НА РБ. Ф. И-10. Оп.1. Д. 1837. Л. 4об.

⁸ ГАСО. Ф. 342. Оп.1. д. 65. Л. 6.

⁹ Там же.

А.И. Новиков в своих записках сетовал на непросвещенность крестьян. Невежество народа как одно из основных зол высказывали многие его современники, а просвещение подопечного населения как одну из основных задач разделяли, по-видимому, многие его коллеги.

Законом 11 декабря 1895 г. земские начальники были включены в состав уездных училищных советов.

Земский начальник 10 участка Самарского уезда Варпаховский построил две земских школы¹. Начальник 2 участка Новоузенского уезда Мясоедов (несмотря на общую отрицательную оценку его деятельности) построил пять школ². Начальник 8 участка этого же уезда Лисовский не просто устроил много хороших школ, но и собирался в качестве эксперимента ввести обязательное обучение всех детей в одной из волостей³.

Некоторые земские начальники, помимо всего прочего, устраивали крестьянские библиотеки⁴. Земский начальник Уфимской губернии Гончаров настолько вникал в состояние всех дел, что требовал от волостного правления поддерживать чистоту в помещении читальни (располагавшейся в помещении женской гимназии), так как здание общественное и там занимались дети⁵.

А. Наумов вспоминал о том, как устроил крестьянам чайную, совмещенную с читальней, а по воскресеньям развлекал крестьян демонстрацией картин из «волшебного фонаря». При этом, кроме неудовлетворительного подбора картин, его раздражало то, что роль даже земского начальника сводилась к функции оператора и давать какие-либо комментарии ему запрещалось. Происходило это из боязни правительством скрытой антигосударственной пропаганды. Наумов искренне не понимал, как

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 292. Л. 6.

² Там же. Д. 311. Л. 33.

³ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 10.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 317. Л. 11.

⁵ МУ Архив г. Златоуст. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 64 Л. 17-17об.

могло оно опасаться ее со стороны земских начальников, и считал такое положение абсурдным¹.

Перечисленные действия не отражают всего масштаба деятельности земских начальников. Помимо законопроекта 1889 года, они должны были исполнять единовременные распоряжения. Им предписывалось следить за тем, «чтобы не наносился ущерб рыбному хозяйству, так как есть случаи незаконной рыбной ловли, крайне вредно влияющих на рыболовство»². Им поступали секретные циркуляры о необходимости предотвращения проникновения различных заразных болезней на территорию губернии, особенно чумы, и прилагались подробнейшие перечни действий при выявлении заразы. В них даже входили пункты, обговаривающие наблюдение за соблюдением ритуальных обрядов погребения умерших от чумы для христиан, мусульман и иудеев³.

На земских начальников возлагалась очень важная хозяйственная задача, которая получила актуальность даже в наши дни. Это, например, истребление саранчи и похожих видов, как кобылки, пруса и др., а также сусликов, бывших для степных земель настоящим бедствием. И это было не сиюминутным заданием, а целенаправленной и серьезной работой в течение нескольких лет.

В июне 1892 года губернатор потребовал от земских начальников наблюдать за местами кладки кобылки, а 11 июля из МВД специально присылается брошюра энтомолога Порчинского о борьбе с ней. На следующий год от земских начальников потребовали еженедельно отчитываться о местах, где появилась кобылка и описанием принятых мер. Один из земских начальников, например, рапортовал, что в его участке в истреблении кобылки участвовало 7600 человек, и уничтожено ее до 110

---

¹ Наумов А. Указ., соч. Т. 1. С. 218.

² ГАСО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 22. Л. 60об. - 61.

³ ГАСО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 108. Л. 10–10об.

пудов. Земский начальник просил выслать деньги (600 руб.) для оплаты работникам, так как он даже потратил на это собственные средства¹.

Осенью 1893 года министерство государственных имуществ просило земских начальников организовать сбор кубышек кобылки для изучения подверженности их нападением паразитов, что и было исполнено².

Параллельно земских начальников информировали, что лучшее средство борьбы с сусликами – сернистый углерод, о чем им выслали брошюру, материалы которой они должны были излагать населению³. При характеристике одного из земских начальников Новоузенского уезда в качестве положительного результата его деятельности отмечалось, что он «деятельно истребляет сусликов и саранчу»⁴.

В связи с изложенным хотелось бы отметить, что возлагаемая на земских начальников обязанность руководить населением по хозяйственным вопросам была реально необходимой. Аргументом критиков введения института земских начальников было то, что якобы население лучше знает свои нужды. Но в ситуации невежества крестьян и отсталой агротехники введение, хоть и постепенное, новых технологий и ознакомление с новыми научными сведениями было очень полезным. Министерства рассылали земским начальникам подробные циркуляры с нужными сведениями, которые и должны были распространяться среди населения.

Так, земский начальник Уфимской губернии Постников помогал улучшению местной породы лошадей и овец, с использованием племенного жеребца и барана. Он также организовал около 200 рабочих мест на торфоразработках, исходя из мысли, что это дает людям дополнительный доход, кроме сдачи в аренду самих площадей болота, а также практическую

---

¹ ГАСО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 12, 17, 24, 34, 35, 51, 57.

² Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 1. Л. 9.

³ ГАСО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. Л. 52.

⁴ Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 10об.

пользу при использовании альтернативного топлива из-за сокращения площади лесов и удорожания других материалов¹.

Земские начальники рассматривали различные просьбы населения, которые нельзя отнести к какой-либо определенной категории. Например, в январе 1910 г. обывательница Л.В.Полякова из Златоуста просила у земского начальника удостоверение о ее бедственном положении, которое было необходимо для освобождения от уплаты гербового сбора при подаче иска в суд на взыскание с Самаро-Златоустовской железной дороги компенсации за смерть ее мужа. Земский начальник дознание быстро произвел, установив, что просительница вдова с тремя детьми от 6 до 14 лет, никакого имущества не имеет, работает прислугой для пропитания и удостоверение выдал². Такие копеечные проблемы не интересовали вышестоящие инстанции, но были очень ощутимы для бедного населения.

Земские начальники должны были информировать власти о различных сельскохозяйственных мероприятиях и ситуациях с урожаем: о начале полевых работ, произрастании хлебов и трав, ожидаемом урожае, влиянии зимы на посевы, о различных атмосферных явлениях³. В реальности эту обязанность они перекладывали на крестьянских должностных лиц, увеличивая их и без того солидную нагрузку.

Выше было приведено множество примеров злоупотреблений земскими начальниками своей властью, однако встает вопрос об их ответственности за совершенные нарушения. Можно сказать, что безнаказанными они, вопреки мнению либералов, не оставались. Но проблема в том, что наказание постигало нерадивого начальника слишком долго и при этом сначала применялись самые щадящие методы.

Так, в 1908 году ревизия выявила существенные нарушения в работе земского начальника Уфимской губернии Лейдекера. Однако Губернское

---

¹ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 390. Л. 78-78об.

² МУ Архив г. Златоуст. Ф.И-5 Оп.1 Д. 65. Л.Л.22-23

³ ГАСО. Ф. 3. Оп. 109. Л. 40.

присутствие решило лишь потребовать от него принять меры к устранению недостатков¹.

Могли в качестве наказания применяться выговоры, строгие выговоры с занесением (или не занесением) в формулярный список о службе. Так, земский начальник 13 участка Бугурусланского уезда М. Ф. Дурасов получил за нанесение оскорбления действием полицейскому служителю Мещерякову строгий выговор². Земский начальник из Уфимской губернии Левашов с 1898 по 1907 год получил следующие дисциплинарные взыскания: 3 замечания, 4 указания, 1 выговор³.

В целом необходимо отметить, что власти чаще мягко судили их проступки и особенно не спешили устранить провинившегося от должности. Как мы помним, земский начальник, не соответствующий должности, должен был быть уволен. На практике это случилось не во всех, а в крайних случаях. Так, при ревизии дел земского начальника 10 участка Бугурусланского уезда С. А. Аксакова в 1898 году отмечалось, что еще в 1895 году к нему применялись строгие меры административного взыскания за неправильные действия, но и на данный момент все в его участке все шло из рук вон плохо. Правда, в этот раз ревизор просил ходатайствовать перед министром внутренних дел об увольнении Аксакова от должности⁴.

В 1965 году было обнаружено письмо Владимира Ульянова — помощника присяжного поверенного Самарского окружного суда от 24 ноября 1892 года.

В этом письме будущий вождь революции писал: «...Здесь ходят разговоры о земском начальнике Бугурусланского (?) уезда, местном помещике и дворянине Аксакове. В прошлый неурожайный год он взялся поставить хлеб управе. Управа поручила ему же выдать хлеб крестьянам, и хлеб был выдан — качества совершенно невозможного, гнилой, с червями.

---

¹ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1837. Л. 15

² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 21. Л. 66.

³ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1832. Л. 195

⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 319. Л. 1, 7, 9об, 11, 12об.

Протесты крестьян были оставлены без последствий. Дело получило законный ход, к прокурору, — начато было следствие. Говорят теперь, что дело это замято... ..Тут все еще нуждается в подтверждении: слухи самые противоречивые (другие говорят, следствие производится), и источники их не проверены. Намерен постараться разузнать дело»¹. Аксакову было в итоге предложено уволиться, но, несмотря на предложение министра 8 мая 1900 г., он отказался подать прошение об увольнении. Тогда его уволили в 1901 году приказом. Аксаков сдал дела позже, и еще требовал выплатить за этот период жалованье²!

Земский начальник Самарской губернии Повало-Швыйковский был представлен к увольнению от должности, но прослужил после этого еще полтора года³. Земский начальник 8 участка Николаевского уезда Самарской губернии М. Пополутов, за вскрывшиеся при ревизии многочисленные нарушения был уволен в отставку⁴. За злостное нарушение законов был уволен в отставку земский начальник 2 участка того же уезда Н. Шидловский⁵. Власть вовсе не покрывала проступки земских начальников. Наоборот, в случае того же Шидловского прямо писалось, что он «дискредитирует власть, выразителем которой является земский начальник», а, следовательно, его необходимо уволить⁶.

В схожей ситуации по результатам ревизии «за преступное бездействие» земскому начальнику Уфимской губернии Постникову предложено было подать в отставку, чего им сделано не было. Губернатор писал, что «созданное по делу Постникова положение, подрывая авторитет власти, вместе с тем может укоренить у земских начальников крайне

---

¹ Ленин идет к Октябрю // Смена, 1966, № 22 (948). С. 13

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 125. Л.Л. 22, 25

³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 313. Л. 36.

⁵ Там же. Д. 15. Л. 18-19.

⁶ Там же. Л. 1.

нежелательную мысль о безнаказанности за бездеятельность и полном бессилии губернской администрации в борьбе с нею»¹.

Отношение к земским начальникам со стороны власти со временем претерпевало изменение. Изначально ревизии их деятельности носили формальный характер. Так, А. Наумов вспоминал, что за четыре года его работы ревизию у него провели только один раз. К его удивлению, заключалась она в том, что к нему на несколько часов заехал член Губернского присутствия Попов, полиставший книги, посчитавший марки и напоследок Наумова похваливший. Ни в одно волостное правление он не заглянул².

Однако после 1905 года ревизии работы земских начальников стали носить гораздо более серьезный характер, и по результатам проверок основной мерой наказания стало увольнение. Считаю, что это также подтверждает изменение статуса земских начальников. Если изначально к ним относились как к «своим» братьям-дворянам, ревизовали их изредка свои же местные проверяющие, которые закрывали глаза на многие их проступки, то впоследствии ряды земских начальников существенно очистили от нерадивых работников, требуя реальной работы и перестав покрывать тех, кто не соответствовал требованиям к квалификации правительственного чиновника.

Конечно, многие нарушения законов со стороны земских начальников объяснялись не злым умыслом, а простой некомпетентностью или своеобразным пониманием нужд сельского населения. Со временем и то, и другое властью начали искореняться: деятельность земских начальников становилась все более и более регламентированной с помощью различных указаний и циркуляров.

По результатам первого года работы земских начальников Уфимской губернии Белебеевский уездный предводитель дворянства выражал

---

¹ НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 390. Л.81-81об.

² Наумов А. Указ., соч. Т. 1. С. 222.

уверенность, что уже скоро земские начальники наведут порядок в крестьянском самоуправлении: сироты не будут обижаемы, безлошадные крестьяне будут снабжаться лошадьми из Вспомогательных и Ссудных касс, которые были в забвении в течение десятков лет, запасы хлеба будут полны и будут помещаться в прочных зданиях, пожарные деньги не будут оставаться в карманах волостного начальства и подобно этому будут развиваться все отрасли сельского быта и упрочиваться благосостояние сельского населения¹.

Д. Я. Слободчиков, непрременный член Самарского губернского присутствия, после ревизии в 1898 г. деятельности земских начальников Самарской губернии писал, что «порожденное недостатком просвещения и беспомощностью сельского обывателя в устройстве своего частного быта...при помощи кулаков расстройство быта русской деревни пошло самым ускоренным темпом. Ко времени введения института земских начальников, крестьянское самоуправление в большинстве сельских местностей свелось на нет, водка играла главную роль в разрешении всех почти вопросов, крестьянские кредитные учреждения бездействовали, в волостных судах правосудие во многих случаях отсутствовало. Земские начальники приняли меры по введению столь необходимого для деревни порядка, при чем большинство из них обратило свое особенное внимание на возможность устранения кулаков от участия в крестьянском самоуправлении и способствовало увеличению школ, в кассах были собраны сиротские капиталы, а реформированный волостной суд состоя под постоянным наблюдением земских начальников начал удовлетворять требованиям правосудия»².

Такое видение деятельности земских начальников действительно частично отражает ее реальные результаты. Но справедливо это лишь в отношении тех начальников, которые по своим человеческим и

---

¹НА РБ. Ф. И-11. Оп. 1 Д. 436. Л. 3.

² Труды... С.98.

профессиональным качествам соответствовали идеальному образу земского начальника, который мечтал воплотить Александр III. Нельзя отрицать, что среди земских начальников встречались истинные подвижники, искренне желающие (и, что немаловажно, способные) принести пользу крестьянам и поддерживать порядок в их юридическом и практическом быте.

Проблема состоит в том, что, возможно, даже меньшая часть земских начальников в действительности являла собой противоположный пример, а именно тот самый картинный образ высокомерного крепостника, презирающего всех нижестоящих, который так любила демонстрировать либеральная пресса, критикуя данный институт. И это тоже будет справедливо. Подавляющее же большинство земских начальников годами служило в этой должности настолько незаметно и тихо, что даже в их послужных делах не содержится никакого следа их работы.

Подводя итог рассмотрения всех сторон деятельности земских начальников, можно сделать вывод, что не настолько плох и регрессивен был этот институт, как традиционно его оценивает историография. Широкие полномочия земских начальников давали возможность для позитивного регулирования крестьянской жизни. Да, имеются неоспоримые факты, что часть земских начальников недобросовестно исполняла свои обязанности, третируя крестьян и расстраивая и так нестабильную жизнь сельского общества. Но также неоспоримо и то, что их лучшие представители много сделали для развития образования, соблюдения законности, повышения агрономической культуры. Оставшиеся служили без энтузиазма, но и не вредя. Деятельность таких земских начальников нельзя считать отрицательной, потому что они решали определенные проблемы крестьян, и это было лучше, чем ничего. Если привести аналогии с современным обществом, мы видим, что и в настоящее время чиновники любого уровня также демонстрируют набор разнообразных личных качеств, от которых зависит результат их деятельности, то есть налицо субъективный фактор. Эта проблема существовала в прошлом и продолжает проявляться и в настоящее

время. Как бы любой законодатель ни старался, но неподходящий человек всегда постарается обойти самые жесткие рамки, заданные сверху. Так и с земскими начальниками. За все грехи, которые встречались в их деятельности, нельзя винить их сословную принадлежность. Это вина субъективного фактора, который никакого отношения к сословному строю не имеет.

Нельзя отрицать, что мотивы введения института земских начальников происходили из типично абсолютистского и традиционалистического мировоззрения императора Александра III. Только дворянин и никто иной мог соответствовать предназначаемой земскому начальнику деятельности, подтверждая, таким образом, сословную роль и идеальный образ дворянства. Мы убеждены в том, что желание императора действительно состояло в стремлении создать живую связь между царем и народом через посредство идеального проводника из дворян. Земский начальник, по идее, становился не столько реальной исполнительной фигурой, сколько символом единения народа и власти. Нельзя также отрицать то, что положение в российской деревне действительно требовало самого активного вмешательства со стороны властей. Решение императором было принято полностью в соответствии со своими убеждениями. Если предок Александра Петр I считал, что надо поставить в проблемное место солдата – и солдат наведет порядок, то таким солдатом для Александра III был дворянин. Царь приписывал проблемы в обществе расшатыванию традиции в самом широком понимании. Таким образом, поддержать традицию и, таким образом, установить порядок на селе должен был «хороший» дворянин. Но дворянин не столько потому, что он принадлежал к привилегированному сословию, а потому, что только дворянин в традиционном понимании мог обладать набором определенных моральных и нравственных установок, а также такими качествами, как образованность и служебный опыт, необходимыми для поддержания традиционного порядка на благо непросвещенному, доброму и неорганизованному крестьянству.

Александр практически не увидел плодов деятельности своего детища. Земские начальники достались в наследство его сыну Николаю Второму. Как видно на рассмотренных примерах, до самого конца XIX века земские начальники продолжали существовать в русле, заданном им изначально. Можно сказать, это было их «золотое время», когда ничто не стесняло их «творческую» деятельность, а самоидентификация полностью соответствовала привилегированному положению.

Реалии времени заставили царское правительство пересмотреть положение земских начальников. Постепенно их статус трансформировался в положение рядового чиновника, зависимого от вышестоящих указаний. При этом сохранялась неопределенность в задачах, возложенных на данный институт. Правительство, приспособлявая существование земских начальников к своим нуждам, не нашло другого пути, кроме как дополнять их функции новыми задачами и жестче следить за их деятельностью. В результате таких действий эта должность стала очень тяжелой по объему работы и непрестижной по статусу, о чем свидетельствуют все большие трудности с набором кандидатов на замещение вакансии земского начальника.

Глава 3. Социокультурный облик земских начальников

3.1 Численность и социальный статус земских начальников

Вторая половина XX в. отмечена формированием ряда новых исторических дисциплин, среди которых одно из видных мест занимает историческая антропология. Ее возникновение – результат двух перекрещивающихся познавательных тенденций: растущей специализации исторического анализа и не менее оправданного поиска путей интеграции исторического знания. В связи с первой из упомянутых тенденций историческая антропология сосредотачивает внимание на неповторимом своеобразии психофизических, когнитивных и ментальных механизмов людей разных эпох, а также на столь же выраженном своеобразии того осмысления этого прошлого, которое свойственно сегодняшнему исследователю (со всеми специфическими чертами его собственного мыслительного аппарата и видения прошлого). В связи со второй из упомянутых тенденций историческая антропология решает задачу осмысления того интегрированного видения мира, которое на каждом этапе прошлого было свойственно его современникам (и в той мере, в которой оно было им доступно).

Историческая антропология формировалась на базе ряда национальных школ – французской, русской, американской, немецкой, итальянской. В XX в. особую роль сыграла французская школа «Анналов», опыт которой оказал стимулирующее воздействие на всю мировую историографию. Одним из результатов введения в науку историко-антропологического метода, объясняется повышенный интерес к истории повседневности, интерес к которой особенно возрос в исторической науке России в последние два десятилетия, хотя интерес к этой теме появился в советской науке еще в 60-е годы XX столетия.

Современные исследователи признают интегративность историка повседневности, его интересуют и быт, и событийная история и история

ментальности и ментальных стереотипов¹. Земский начальник, безусловно, был одной из центральных фигур в крестьянской повседневности с конца XIX века до 1917 года, времени упразднения института.

Исследуя деятельность земских начальники, мы не можем обойтись без непосредственного изучения тех людей, которые составляли данную категорию должностных лиц крестьянского управления. Ведь законодательство предоставило земскому начальнику не просто роль формального управленца, но полномочия активного администратора, имевшего довольно обширное право вмешиваться в функционирование крестьянского самоуправления. Однако, дав возможность пространныго толкования Положения 12 июля, законодатель обрек институт на главенство субъективного фактора в основе его деятельности.

По указанным причинам возникает вопрос как о повседневном поведении самих земских начальников, так и об их месте в крестьянской повседневности. Эта проблема практически не изучена в историографии. Однако как архивные документы, так и мемуарная литература рисуют нам многочисленные живые картины, характеризующие взаимоотношения земских начальников со своими коллегами, крестьянами, начальством, их отношение к сословным, бытовым и многим другим проблемам.

Пытаясь создать портрет земского начальника, мы не можем отрывать его от того класса, которому он принадлежал. В первую очередь земские начальники были, закономерно, представителями дворянского сословия. Но его состав был достаточно неоднороден, что было обусловлено рядом причин.

После введения Петром I Табели о рангах, благодаря которой появилась возможность получения дворянства через службу, начала появляться масса беспоместных дворян, не имеющих иных средств дохода, кроме жалованья. Со временем государство начало ограничивать

---

¹Миненко Н.А., Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова. Повседневная жизнь уральского города в XVIII-начале XX века. М., Наука, 2006. С. 6.

возможность получения дворянства через службу: с 11 июня 1845 года гражданские чины X-XIV классов вместо личного дворянства начали давать лишь почётное гражданство, а 1856 года личное дворянство начиналось с IX класса, потомственное - с VI по военной службе (полковник) и с IV по гражданской. Тем не менее, количество лиц, получивших дворянство таким образом, было довольно значительным. Только за 1875-1896 года в правах потомственного дворянства были утверждены 39535 человек¹. В к. XIX–н. XX вв. потомки древнейшего дворянства составляли в восьми великорусских губерниях в среднем около 28% дворянских фамилий, а так называемое новое дворянство – 65,5%, то есть почти две трети сословия².

Общая численность дворянства к началу XX века составляла около 1,8 млн. человек, или 1,5% населения. Из них 1,2 млн. составляло потомственное дворянство, а остальные – личное, престиж которого был невысок.

Для наглядности рассмотрим статистические сведения по Самарской и Уфимской губернии на момент проведения всеобщей переписи в 1897 году, как наиболее полно и наглядно иллюстрирующие количество и занятость населения в указанных регионах. Несмотря на то, что институт земских начальников был введен ранее указанной даты, данные сведения обладают наибольшей полнотой и наглядностью, а также в связи с небольшим временным отрывом от момента введения в действие института эти количественные данные практически соответствуют более ранней картине даже с учетом необходимой незначительной корреляции в сторону уменьшения цифр в связи с происходившим в тот период резким увеличением населения Российской империи.

В 1897 году во всей Уфимской губернии проживало всего 5020 потомственных дворян мужского пола, включая младенцев и стариков³.

---

¹ Миненко Н.А., Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова. Указ., соч. С. 28.

² Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. М., 1979. С. 34.

³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб, издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел: 1899-1905. Уфимская губерния. Тетр. 1. 1901. С. 182.

Следует учесть также, что более 3000 человек из них составляли представители знати местных народов, в первую очередь татар и башкир. По уездам дворянство распределялось также неравномерно. Так, самыми «дворянскими» были Уфимский и Белебеевский уезды, где проживало 1304 и 2462 потомственных мужчин-дворян соответственно, а самым «недворянским» был Златоустовский уезд, в котором таких лиц проживало всего 117, хотя справедливости ради надо отметить, что этот уезд был самым малозаселенным и обладал самой низкой плотностью населения в губернии.

Крестьянское же население Уфимской губернии по данным переписи составляло немногим более двух миллионов человек обоего пола.

Самарская губерния в аналогичный период насчитывала всего 2545 мужчин потомственных дворян, из которых около 48% были уроженцами иных губерний. Крестьян в губернии проживало более 2,5 миллионов человек обоего пола. Налицо факт того, что в Самарской губернии количество дворян в процентном отношении гораздо ниже, чем в Уфимской. Однако здесь следует учитывать наличие в уфимском дворянстве большого количества представителей местной татарской (количественно преобладала) и башкирской знати, чего не было в Самарской губернии, где к великорусскому народу принадлежало почти все наличное дворянство (2058 человек из 2545), далее была группа польского по национальности дворянства – 293 человека, а татарскую и башкирскую знать представлял 151 человек. В самарском дворянстве было 33 семьи, бедность которых была так велика, что они вели образ жизни, неотличимый от окружающего их крестьянства¹.

Дворянство традиционно составляло основу административного аппарата, армии и флота и привилегия в первоочередном поступлении на службу для него сохранялась. Однако дворянство из-за своей

---

¹ Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии. 1851-1901. Москва, Типолиитография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. 1901. С. 24.

малочисленности не было способно в полном объеме удовлетворить нужду государства в административных кадрах и главным критерием при приеме на службу в конце века становится уровень образования. Но образованных лиц, даже с учетом выходцев из других сословий, все-равно не хватало. В составе государственного аппарата в 1897 году было всего 39,5% лиц с высшим образованием.

С введением института земских начальников возникла проблема набора кадров, удовлетворяющих требованиям законодателя по нескольким критериям, таким как: сословная принадлежность, образование и имущественное положение. Для дворянства удаленных от центра губерний, которыми являлись Уфимская и Самарская губернии, была характерна малочисленность и отсутствие большого количества поместного дворянства, не говоря уже о кандидатах из него на должность земского начальника, имеющих соответствующее образование и служебный ценз. Непосредственный анализ состава земских начальников показывает, что среди них присутствовал значительный процент родовитых дворян, даже титулованных, но также было достаточно велико количество тех, чей род был причислен к дворянству одно-два поколения назад. Несомненно, что среди земских начальников часто встречались ближайшие потомки выходцев из недворянской среды. Так, род И. Ф. Микулина, земского начальника 8 участка Бугульминского уезда Самарской губернии, был причислен к дворянству только в 1858 году¹. Недолго бывший земским начальником Н. Н. Рычков происходил из рода, ставшего дворянским в 1856 году, а женат был на холмогорской крестьянке².

Встречались среди земских начальников и лица, которые обладали лишь личным дворянством. Земский начальник П.Ф. Дмитриев из Уфимской губернии происходил из купцов, имел приобретенное имение в 1077 десятин и дом. Дослужился он до чина статского советника, что давало ему право

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 17. Л. 1об.

² Там же. Д. 25. Л. 12.

лишь на личное дворянство. Земский начальник в Златоустовском уезде Уфимской губернии Гончаров вообще происходил из крестьян Самарской губернии и выслужил дворянство в армейской службе, выйдя в отставку полковником. Земский начальник 12 участка Новоузенского уезда Троицкий происходил из семьи священника, а сам дослужился только до поручика¹.

Земский начальник из Уфимской губернии С.С. Алгазин по происхождению был сыном отставного контр-адмирала и дослужился до звания штабс-капитана, что также давало ему право лишь на личное дворянство. Кроме того, встречались и недворяне, которых к 1903 году в рядах самарских земских начальников было трое².

Численность лиц, занимающих должность земского начальника, была относительно невелика, но с учетом общего их количества, потребности администрации на местах в грамотных и опытных чиновниках в иных сферах службы задачу подбора соответствующего числа удовлетворительных лиц для этой должности следует признать затруднительной. Так, в Самарской губернии насчитывалось 79 участков, а в Уфимской - 69. Соответственно, столько земских начальников и необходимо было одновременно подобрать для занятия этой должности.

Уже из вышеприведенных данных видно, что принцип набора на должность земского начальника *местных потомственных дворян* в Самарской губернии был априори невозможен в силу даже состава этого дворянства. Как мы видим, немногочисленное самарское потомственное дворянство почти наполовину состояло из неместных уроженцев. Напротив, уфимское дворянство более чем наполовину состояло из местных уроженцев, но это были потомки татарской знати, все же отличные по менталитету, образу жизни и вероисповеданию от других дворян. Несмотря на многочисленность, часто они были бедны и по образу жизни не отличались от крестьян. Отсутствие средств и иногда даже незнание русского языка не

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

² Зайончковский П. А. Указ. соч. с. 398.

позволяло им поступить на службу¹. Тем не менее, активные представители местной знати служили России во всех областях, в том числе и на должности земских начальников.

Таковыми земскими начальниками являлись, к примеру, С. С. Джантюрин и А.М. Биглов. С.С. Джантюрин – богатый потомок казахских ханов, через брак породнившийся с очень богатой и влиятельной семьей Тевкелевых, потомками древнего рода татарских мурз и, в том числе, основателя Челябинска К.-М. М. Тевкелева. Его родственник К.-М. Б. Тевкелев был депутатом 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум, председателем мусульманских фракций в 3-й и 4-й Думах. В марте 1917 г. он был избран в Петрограде членом Временного Центрального бюро мусульман России. Сам Джантюрин также был депутатом 1-й Государственной думы (1906г.) и одним из организаторов партии «Иттифак аль-муслимин», членом её ЦК. Также С. Джантюрин был известен как покровитель мусульманского образования, меценат и филолог, он был автором словаря арабо-персидских заимствований в татарском языке (1911г.). К Джантюрину перешла усадьба с дворцом Тевкелевых в Килимово, сохранившаяся да наших дней.

Биглов, будучи потомственным дворянином Уфимской губернии, владел приобретенным его отцом поместьем в 850 десятин, мусульманин. Женат был на дворянке М. К. Бикмаевой (также состоявшей в родстве с Тевкелевыми), мусульманке. Для мусульманского дворянства было характерно сохранение своей религиозной и национальной идентичности, а также некоторое стремление к сепаратизму. Несмотря на декларируемое единство с империей. Так, С. Джантюрин был, несомненно, образованным человеком, активным политиком, однако приоритетом в его деятельности четко прослеживается покровительство мусульманству и стремление к автономии окраин. Что открыто проявилось в 1918 году.

---

¹ Ш. Кашаев. Мусульманское дворянство Уфимской губернии // Дворянский вестник. № 2(83). 11 апреля, 2011. С.17

Несмотря на пестроту состава земских начальников рассматриваемого региона, нельзя полностью согласиться с эпитетом «шайка благородных оборванцев», которым наградил их в свое время В.И. Ленин. Он же ядовито охарактеризовал введение этого института как теплое местечко для «промотавшихся дворянских сынков». Такая оценка определила на долгие годы однозначную и однобокую оценку всего института в целом. Несмотря на многочисленные факты того, что земскими начальниками становились бедные и неродовитые дворяне, для которых жалование было единственным источником существования, в рядах земских начальников далеко не единичными были представители старых дворянских родов.

Земским начальником в Самарской губернии был А.Н. Наумов, представитель древнего дворянского рода, миллионер, помещик, высокообразованный человек, впоследствии ставший министром земледелия. По его воспоминаниям, он пошел в земские начальники из самых искренних побуждений с целью помочь устроить жизнь крестьян, несмотря на то, что имел возможность блестящей юридической карьеры в столице.

С.С. Джантюрин явно не нуждался в том жалованье, которая давала должность земского начальника.

Довольно долгое время служил земским начальником в Самарской губернии С.Н. Постников, сын основателя знаменитой на весь мир кумысолечебницы врача, доктора медицинских наук Н.М. Постникова и фрейлины королевы Виктории Мэри Джейн Виллингс. В 1905 году С.Н. Постников стал самарским градоначальником, до этого не раз избирался гласным городской думы.

Земским начальником в Уфимской губернии был С.Р. Минцлов, известный писатель, библиограф, оставивший свои заметки о ней и во время службы исследовавший и описавший археологические древности края.

Земскими начальниками в регионе были князь С.П. Мансырев, будущий депутат IV Государственной думы, по политическим убеждениям

сначала кадет, потом прогрессист; поэт-белоэмигрант А.Е. Котомкин (Савинский), пермский краевед и активный общественный деятель Боков В.Г. и другие известные личности. Если же скрупулезно исследовать деятельность каждого земского начальника, то мы, бесспорно, найдем среди них и иных, совершенно не прославленных, но чья служба была честна и направлена на благо населения.

Разрабатывая положение о земских начальниках, законодатель полагал, что преимущественно эта должность будет замещаться местными потомственными дворянами. Эта идея происходила из положения о том, что местные уроженцы и землевладельцы были хорошо осведомлены об особенностях местного землевладения, характера населения и потому могли бы с наибольшей эффективностью решать проблемы местного же населения. Однако практика показала, что на должность земского начальника уже с начала действия этого органа наряду с немногочисленными представителями местного дворянства привлекались люди даже не из соседних губерний, а из отдаленных регионов. Так, С.С. Алгазин стал земским начальником в Мензелинском уезде Уфимской губернии, до того прожив и прослужив в окрестностях Санкт-Петербурга. Дворянин тамбовской губернии С.И. Богданов переехал в Уфимскую губернию из Витебской. При этом все его владение заключалось в совместной собственности с братом и сестрами на часть ярмарочной площади в Саратовской губернии.

Замечательным примером пришлового дворянства является Ф.-К. М. Высоцкий. Из потомственных дворян, был женат вторым браком на дочери потомственного почетного гражданина М.П. Бломериус. И он, и жена, и его дети по вероисповеданию были лютеранами. Никакого имения Высоцкий не имел. Служил в Туркестанском крае долгое время, затем переехал в Могилевскую губернию, где имел неприятности по службе и перебрался на жительство в Уфимскую губернию, получив должность земского начальника в Белебеевском уезде (одном из самых густонаселенных и сложных по составу населения). Высоцкий был заядлым карточным игроком и даже имел

место случай судебного разбирательства его с партнером по картам, обвиняемым им в шулерстве. Также была попытка привлечь самого Высоцкого к уголовной ответственности за проступки по должности на предыдущем месте службы. Замечательно то, что Высоцкий избежал в итоге любых неприятностей (уголовное дело прекратили постановлением Сената) и, выйдя в отставку, даже получил усиленную пенсию.

Таким образом, мы видим, что сословно-дворянская должность земского начальника замещалась как людьми, удовлетворяющими идеальным представлениям законодателя, так и в некоторых случаях, фактически случайными элементами. Анализ же непосредственной деятельности земских начальников показал, что принадлежность к местному поместному дворянству совершенно не гарантировала их успешной работы с местным же населением, также как и принадлежность к категории личных дворян или прибытие из другого края не являлись препятствием для вполне достойной работы на посту земского начальника. Также несомненно то, что по большей части земскими начальниками стали люди, хоть и принадлежащие к дворянскому сословию, но положение их внутри корпорации дворянства было столь различно, что о каком-либо единстве их не может быть и речи. Тем более невозможно серьезно воспринимать введение института земских начальников как попытку частичной реставрации власти *помещика* над крестьянами. На деле многие из земских начальников не имели никакого представления о поместье и владении крестьянами в силу даже своего происхождения.

Также характерно то, что местные дворяне-землевладельцы свысока смотрели на своих «пришлых» коллег, что также подчеркивает отсутствие какого-либо сословного единства в этом институте.

В воспоминаниях А.Н. Наумова неоднократно высказывается мысль о преимуществе местного поместного дворянства перед «пришлыми» как со стороны крестьян, одобрявших избрание местного «природного» помещика¹,

---

¹ А.Н. Наумов. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 1. С. 161.

так и с его личной точки зрения. Его характеристика, данная им земским начальникам Ставропольского уезда Самарской губернии, где он служил, заслуживает того, чтобы быть приведенной полностью: «В нашем Ставропольском уезде должности земских начальников во всех десяти участках были замещены лучшими общественными деятелями – бывшими мировыми судьями, предводителями дворянства, местными потомственными дворянами, землевладельцами – с высшим образовательным цензом (исключение представляли собой Н.М. Наумов и Г.Г. Ларионов: первый не имел высшего образовательного, второй – земельного ценза). Все они несли новые свои обязанности с чрезвычайным достоинством и пользовались уважением и доверием местного населения. Но со временем первоначальный состав подвергся постепенному изменению. С вступлением же, летом 1905 года, на пост самарского губернатора г. Засядко¹, неуравновешенного неврастеника, бестактно обращавшегося с местным служилым сословием, почти все коренные Ставропольцы покинули свои должности, которые были замещены так называемыми «варягами», т. е. лицами не местными и не потомственными дворянами»². Встречается в воспоминаниях Наумова и замечание о том, что в уездный съезд назначения местных дворян помещиков случались крайне редко, хотя и соответствовали духу реформы, выделяя преимущество местного поместного дворянства³. Интересным фактом являлось и то, что в Самарской губернии земскими начальниками первого призыва действительно в массе были местными потомственные дворяне. Исключением являлись лишь Новоузенский и Николаевский уезды. Из 18 неместных дворян, ставших первыми земскими начальниками, шестеро (из 12 участков) заняли должность в Николаевском уезде и девять (из 12 участков) – в Новоузенском⁴. Именно эти уезды представляли собой

---

¹ С.Ю. Витте полагал, что губернатор Д.И. Засядко был вообще не глуп, но сделал карьеру лишь благодаря близости к князю Мещерскому.

² А.Н. Наумов. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 1. С. 187.

³ Там же. С. 140

⁴ Подсчитано по: А.А. Чемодуров. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства.... С. 89-96.

территорию, где присутствовали поселения немцев-колонистов, раскольников различных толков и сам их характер экономического развития зачастую отличался от других уездов губернии.

Замеченное Наумовым качественное изменение личного состава земских начальников характерно не только для Самарской губернии, но и Уфимской того же периода. Связано это, вероятнее всего, с изменениями в престижности самой должности. Следует отметить тот факт, что система продвижения по службе в царской России была тесно связана с последовательным прохождением служебной лестницы через определенные карьерные ступени. Должность земского начальника позволяла продвигаться по административной линии через губернское присутствие вверх по служебной лестнице вплоть до губернатора (разумеется, большое влияние при этом имели и связи). Так, опыт службы земским начальником имели самарский губернатор Л.Л. Голицын, вятский губернатор князь С.Д. Горчаков, самарский вице-губернатор, затем пензенский губернатор И.Ф. Кошко, губернатор полтавский, виленский, затем курский А.К. фон Багговут и множество других чиновников равного или меньшего ранга, ряд депутатов Государственной Думы всех созывов и так далее.

Земские начальники первых созывов оказались в довольно привилегированном положении. Время, когда они вступали в должность и делали первые шаги, относится к правлению Александра III. Это время можно назвать «золотым» для земских начальников. Неоспоримо создание должности земского начальника именно в надежде привлечь местного помещика-дворянина и в его интересах. Лояльное отношение властей, сквозь пальцы смотревших на огрехи в их деятельности, практически полное отсутствие ревизий и относительно спокойное положение на селе делали положение земского начальника вполне подходящим для жизни и амбиций ряда представителей местного дворянства. К тому же, эта должность могла стать ступенькой для продвижения по гражданской службе. Часть местного дворянства не преминула воспользоваться открывшейся возможностью,

часть пошла на новую службу из идеалистических соображений. Часть вакансий была изначально замещена бедными дворянами, ищущими лишь заработка для элементарного пропитания семьи. Для этой категории должность земского начальника была спасением, так как для отставных (или действующих) военных, каковыми и были в большинстве своем земские начальники, жалование по этой должности было гораздо больше того, которое давала офицерская служба в полку. Факты свидетельствуют о том, что распространенное еще в дореволюционной литературе мнение, что земскими начальниками часто становились неудачники из военных, выглядит спорным с учетом разницы в денежном содержании, которое «неудачник» получал, став земским начальником. Барон Жомини, рассуждая об этой категории, считал, что из-за 100 рублей в месяц военный не бросит карьеру, «зарывшись в чужом деревенском захолустье»¹. Но фактическая разница в годовом жаловании земского начальника и офицера даже среднего звена достигала гораздо более, чем 1000 рублей, что было весомым аргументом для многих лиц. С учетом невысоких шансов для карьерного роста для рядового офицера без связей, смена деятельности на более высокооплачиваемую не выглядела настолько неудачной. В архивном фонде министра внутренних дел В. К. Плеве хранится множество прошений об устройстве на должность земского начальника, что свидетельствует о заинтересованности широкого круга лиц в этой службе.

За короткое в историческом отношении время в российской жизни произошли значительные перемены. Усилилось крестьянское недовольство, экономические проблемы на селе требовали реформ. Отношение к земским начальникам со стороны власти претерпело изменение. Если изначально это был все же сословно-чиновничий орган, призванный объединить народ и власть на основе патернализма, то постепенно со стороны царской администрации происходило приспособление института земских начальников к нуждам времени (с одновременным ужесточением контроля

---

¹ Б.Ж. Указ. соч. С. 9.

за их деятельностью). Происходило это путем частичных изменений и дополнений первоначального Положения 12 июля 1889 года различными дополнительными законами, однако пороком системы осталось отсутствие единого алгоритма деятельности земских начальников, отсутствие четкой управляемости и фактическое снятие реальных ограничений для кандидатов на занятие этой должности.

В конечном итоге, в силу сочетания различных факторов должность земского начальника стала совершенно непрестижной и не пользовалась популярностью среди «высшей» категории местного дворянства. Изучая списки кандидатов на должность земских начальников по Белебеевскому уезду Уфимской губернии в 1901 году напротив пяти фамилий из восьми удовлетворяющих всем требованиям кандидатов стоит красноречивая карандашная пометка, сделанная неизвестным чиновником: «не желает»¹. В 1904 году И.О. предводителя дворянства Стерлитамакского уезда сообщается, что кандидатов на должность земского начальника, кроме двоих человек – М.В. Епанечникова и В.В. Ушакова, убывших из запаса в действующую армию — нет. На документе присутствует карандашная пометка «Странно!»². Тем не менее, текучесть кадров среди земских начальников в регионе в период до 1905-1906 гг. можно назвать довольно низкой. Несмотря на периодические перемещения из одного участка в другой, персональный состав земских начальников в регионе оставался достаточно стабильным. Формальную стабильность состава земских начальников указал еще А.А. Либерман в своей диссертации. Исследовав списки лиц, занимающих должность земского начальника в Самарской и Уфимской губернии за время существования этого института до 1914 года, мы видим, что еще в 1911 году в последней продолжали службу 13 человек из первоначального состава, что составляет 18,8%. При этом все большее количество участков остается вакантным. В период пика крестьянских

---

¹ НА РБ. Ф. И-10. О. 1. Д. 1947. Л.Л. 3об. -4.

² Там же. Л. 24.

волнений 1905-1906 гг. все большее количество земских начальников, опасаясь за свою жизнь и имущество, покидали службу. 5-й участок Стерлитамакского уезда оставался вакантным в 1905-1907 годах, в течение трех лет. Пик вакансий приходится на 1907 год, когда вакантными к началу года оставались *четырнадцать* участков (из 69).

В 1908-1909 годах вакантными оставались пять участков, в 1910 году вакансий не оставалось, но уже в 1911 году вакантны два участка, в 1912 – снова пять, в 1913 – восемь, в 1914 – вновь пять. При этом следует учитывать количество участков, которые формально не были вакантны, но занимали их лица, временно заведовавшие делами или исполняющие обязанности земского начальника, а также лиц в качестве кандидата на должность, что увеличивает количество участков, деятельность в которых не могла вестись надлежащим образом.

Реформы П.А. Столыпина сильно изменили службу земских начальников, сделав одним из важнейших ее направлений вопросы крестьянского землеустройства. Характерно, что после 1907 года усиливается смена кадров на должности земского начальника, во многих участках практически ежегодно сменяется состав лиц, занимающих эту должность. Все это свидетельствует о падении престижа службы земским начальником и, с другой стороны, о том, что деятельность в качестве земского начальника не соответствовала желаниям лиц, имеющих возможность занять ее.

Заслуживают внимания слова, сказанные в приветственной речи к участникам съезду земских начальников и непременных членов землеустроительных комиссий Московской губернии, проходившему с 1 по 5 февраля 1910 года московским губернатором В.Ф. Джунковским: «Я хорошо знаю всю тяжесть вашего положения и все лишения, которым вы подвергаетесь. Не ускользнуло от меня и охватившее некоторых из вас чувство охлаждения к делу, под влиянием известий о предстоящей реформе, но убедительно прошу вас не падать духом. Вы знаете, что не в упразднении

крестьянских учреждений заключается предстоящая реформа, – а в их преобразовании, и, следовательно, то дело, на которое Вы затратите много труда и энергии, не останется на произвол судьбы, а будет развиваться и совершенствоваться под наблюдением лиц, которые заменят вас в новом местном управлении. <...> Но, во всяком случае, не забывайте и того, что тот институт <...> которому многие из вас отдали лучшие годы своей жизни <...> уже не будет существовать»¹. В этих словах мы находим подтверждение серьезности намерений П.А. Столыпина серьезно реформировать местное управление, с фактическим упразднением института земских начальников. Работа по землеустройству должна была стать последним главным делом института земских начальников, после чего он должен был, по словам упомянутого В.Ф. Джунковского, «сделать переход от жизни в область истории». В итоге коренной реформы не произошло, власть ограничилась, главным образом, отменой судебной власти земских начальников в 1912 году.

Институт же земских начальников все более становился инструментом исполнения многочисленных поручений правительства, с методами которых сами земские начальники зачастую были не согласны. Земский начальник В. Поливанов в своих записках писал о том, что причиной его ухода со службы (на которую он пошел в 1910 году из самых благородных побуждений) стало то, что «трудно служить, не стараясь осмыслить своего дела, и совершенно невозможно служить, если смысл службы вами найден, но по предписанию свыше вам навязывают другой смысл, с которым вы не согласны».² Например, получив приказание обеспечить нужный результат выборов в Думу, он так описывал свое состояние: «Противен стал и Петров, и товарищи, и всех противнее сам себе! Все мечты о высокополезной деятельности летели кувырком. Не деятельность требуется от меня, не от нее зависит моя

---

¹ Труды съезда земских начальников и непременных членов землеустроительных комиссий Московской губернии. 1-5 февраля 1910 года. Москва, Губернская типография, 1910. С. VII.

² Поливанов В. Записки земского начальника // Русская Мысль. 1917. № 7-8. С. 69.

карьера!» Губернатор имеет право давать мне подобные приказания и я не имею права чувствовать себя оскорбленным. Где скрылись грани, отделяющие губернатора от земского начальника и их обоих от охранного отделения!»¹.

В декабре 1911 года Съезд земских начальников и неперемных членов землеустроительных комиссий Нижегородской губернии в частности констатировал: «Между тем в сравнении с той порой, когда был введен институт земских начальников, в настоящее время, с постепенным прибавлением к предметам ведения этого института все новых и новых обязанностей, труд Земских Начальников сделался настолько велик и делопроизводство каждого из них настолько возросло, что у них нет положительно физической возможности произвести сложную работу по ревизии сословных учреждений мелкого кредита, а главным образом работу добросовестную и целесообразную»².

В условиях, когда возрастала грамотность населения, а вместе с этим росло самосознание крестьянства, сохранение должности земского начальника в существующем виде не только провоцировало кризис отношений власти и крестьянского населения, но и вызывала недовольство, что парадоксально, среди части самих земских начальников.

Положение безответного и бесправного чиновника, которого «трясут за воротник» из Министерства, требуя достижения определенных показателей любыми средствами, а также равнодушие к реальным проблемам населения не могло не вызывать негативного отношения добросовестных земских начальников и удерживать на службе тех, кто действительно желал принести пользу крестьянам. Если первая волна оставления должности земскими начальниками была связана с революционными волнениями народных масс, то вторая, пусть и менее значительная — с

---

¹ Поливанов В. Записки земского начальника // Русская Мысль. 1917. № 9-10. С. 29.

² Труды съезда земских начальников и неперемных членов землеустроительных комиссий Нижегородской губернии. 2-10 декабря 1911 года. Нижний Новгород, Типография Губернского правления, 1912 г. С. 114.

непосредственными действиями царской администрации, что является показателем кризиса ее отношений не только с народом, но и с представителями дворянства, какими были, в том числе и земские начальники.

3.2. Образовательный уровень и материальное положение земских начальников

Должность земского начальника требовала от занимающих ее лиц образовательного и имущественного ценза. По замыслу императора Александра III это было гарантией того, что данная должность будет замещаться людьми, имеющими достаточный нравственный и материальный уровень, чтобы добросовестно и искренне помогать менее развитому населению подняться в своем развитии.

Высшее образование в рассматриваемый период не имело такого развития, как в настоящее время. В массе как военные, так и гражданские служащие имели среднее образование. Не были исключением и земские начальники. В основе они были выпускниками средних учебных заведений, преимущественно военных.

Общероссийская картина была следующей. К 1 марта 1900 года 5 участков были вакантны. Из наличного числа 2012 земских начальников о 32 не имеется сведений относительно образования (1,09%). В военных образовательных учреждениях получили образование 880 человек (43,74%). Сюда входят и окончившие высшие военные институты: академию генштаба (таких было 6), военно-юридическую, инженерную академии (87, из них двое не закончили курса), а также другие заведения, такие как пажеский корпус (34 человека, считая одного недоучившегося), кадетские корпуса и вплоть до таких мест как московская учительская семинария военного ведомства (ее

закончили два земских начальника) и школа военных топографов (земским начальником стал один ее выпускник)¹.

В университетах получали образование 473 земских начальника (50 не доучились), в лицеях, филологическом институте – 56 (четверо не окончили курса)². 19 человек подготовились к должности земского начальника в ветеринарных институтах, а 10 попали на этот пост из духовных академий. Земскими начальниками стали 175 гимназистов (62 – недоучки), 80 выпускников реальных училищ, один выпускник Академии художеств, один – из московского училища живописи, ваяния и зодчества.

Группируя сведения, получается, что на тот момент законченное высшее образование получили 620 человек (30,8%), законченное среднее – 106 (52,73%), не закончивших среднего и высшего и получивших низшее – 240 (11,87%), получивших домашнее образование и в частных пансионах – 59 (2,93%), неизвестно – 32 (1,09%)³.

По сведениям переписи 1897 года из *всех дворян*, потомственных и личных, а также чиновников не из дворян мужского пола в возрасте от 20 лет, проживавших в Уфимской губернии, высшее университетское образование имело всего 346 человек, высшее техническое – 111, среднее специальное – 100, среднее – 656, высшее военное – 5 и среднее военное – 150 человек.

Среди мужчин-дворян (как потомственных, так и личных), проживавших в Самарской губернии грамотными вообще были 75, 8%, высшее образование имели всего 8,5%, высшее специальное – 3,2%, средне-специальное образование получили 3,8%, общее среднее – 21,4%, высшим военным образованием обладали 0,3% дворян и средним военным – 4,8.

В численном выражении эти цифры выглядят следующим образом: из всех дворян потомственных и личных, а также чиновников не из дворян

¹ Образовательный ценз земских начальников (статистическая заметка) // Русское богатство, 1901, № 4. С. 104.

² Образовательный ценз земских начальников (статистическая заметка) // Русское богатство, 1901, № 4. С. 105.

³ Там же.

мужского пола в возрасте от 20 лет, проживавших в Самарской губернии, высшее университетское образование имело всего 477 человек, высшее техническое – 178, среднее специальное – 212, среднее – 1205, высшее военное – 19 и среднее военное – 272 человека.

По Самарской губернии в нашем распоряжении имеются сведения о кандидатах в первые земские начальники. Почти все они были утверждены. В таблице 1 представлена информация о 80-ти кандидатах в земские начальники.

Таблица 1. Уровень образования земских начальников
(Самарская губерния*)

Уезд	Выше е учеб.	Сред.	Гимназ	Реальн. уч.	Частн. уч.зав.	Домаш.	Кадет.к	Юнкер. уч.	Незак и нижнее	Неизве ст
Бугульм инск.	6	1	-	-	1	-	-	1	-	-
Бугурус ланск.	4	3	2	-	-	-	-	3	1	-
Бузулук ский	4	3	3	-	1	-	1	2	-	-
Николае вский	1	5	1	1	-	-	1	1	1	1
Новоу- зенский	1	-	3	-	1	1	-	1	-	5
Самарск ий	-	2	-	-	1	-	2	1	-	4
Ставроп ольск.	6	-	1	1	-	-	-	-	2	-
Итого	22	14	10	2	4	1	4	9	4	10
В процент ах	27,5	17,5	12, 5	2,5	5	1,25	5	11,25	5	12,5

*Таблица составлена на основании: ГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 53. Л. 127об.-139.

Сравнивая эти показатели Самарской губернии и общероссийскую картину, мы видим, что количество начальников, имеющих законченное высшее образование почти равно общероссийскому результату. Число имеющих законченное среднее образование составило 37,5% и это значительно ниже общероссийского результата. Однако надо учесть количество лиц, образование которых нам неизвестно. Скорее всего, большинство из них имело среднее образование. Предположив, что процент таковых составляет примерно 10%, мы получаем 47,5% имеющих среднее образование земских начальников. Даже с такой поправкой этот показатель ниже общероссийского. Процент получивших частное и домашнее воспитание превышает общероссийский показатель в два раза. Обращает на себя внимание превышение общероссийских данных в Самарской губернии по количеству земских начальников не имеющих среднего и получившим низшее образование, соответственно 11,87%. против 16,25%. Самарская губерния также уступала среднероссийским показателям уровня образования земских начальников по высшему и среднему образованию, но превышала их по не имеющим среднего образования. При этом доля земских начальников, имевших высшее образование, значительно превышает таковую среди дворянства в целом по России. Данный факт свидетельствует о том, что администрации все же удалось укомплектовать первоначальный состав земских начальников наиболее образованными лицами.

По Уфимской губернии нет полной информации об уровне образования земских начальников первого созыва. В таблице 2 приведены данные из опубликованного списка земских начальников на 1903 год. Из них 38 человек – первоначального состава. Судя по этим данным в Уфимской губернии образовательный уровень земских начальников был менее высоким.

Таблица 2. Уровень образования земских начальников
(Уфимская губерния*)

Уезд	Высшее учеб. зав.	Среднее	Гимназ.	Реальное училище	Частные учеб. зав.	Домашн.	Кадетск. корпус.	Юнкерск училище	Незак. и низшее изшее	Неизвест
Уфимский	3	4		1					1	1
Белебеевский	2	3	2	3				3		
Бирский	1	8	2	1			1	3		
Стерлитамак-й	5	3	1					2		
Златоустовск.	1	1		1			1	2		
Мензелинск.	1	6	1					2	1	
Итого	13	25	6	6	0	0	2	12	2	1
%	18,8	36,23	8,69	8,69	0	0	2,9	17,4	2,9	1,4

*Таблица составлена на основании: Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. С. 750-775.

Некоторые земские начальники стремились к повышению образовательного уровня. Так, земский начальник Уфимской губернии А.М. Падейский изначально окончил гимназию, и служил около 10 лет по гражданским ведомствам, в том числе мировым судьей. По упразднении этой должности поступил в Казанский университет, который закончил в 1896 году, после чего продолжил гражданскую службу, в 1908 г. стал земским начальником в Уфимском уезде, пока не вышел в отставку в феврале 1913 года.

Несмотря на то, что Падейский имел и образовательный и служебный ценз для занятия должности земского начальника, в отставку он вышел при проведении в его участке ревизии, что может быть косвенным свидетельством ее неблагоприятного для него итога.

Таблица 3. Служебная характеристика земских начальников (Самарская губерния*)

Уезд	Предвод.двор яинства	Мировых судей	Мировых посреднико в	Непрем. член. присутствий по крест. делам	Служебный ценз отсутствует или неизвестен
Бугульминск ий	–	3	1	–	5
Бугурусланск ий	–	1	–	1	11
Бузулукский	1	6	2	–	6
Николаевски й	–	4	–	1	7
Новоузенски й	–	2	–	1	8
Самарский	1	2	–	2	7
Ставропольск ий	2	3	1	–	5
Итого	4	21	4	5	49

*Таблица составлена на основании: ГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 53. Л. 127об.-139.

В таблице 3 приведены данные о служебном цензе кандидатов в земские начальники по Самарской губернии. Количество земских начальников, имевших служебный ценз для занятия должности составлял 31 человек, или 38,75% всех кандидатов.

Таблица 4. Служебная характеристика земских начальников
(Уфимская губерния*)

Уезд	Предвод.двор яинства	Мировых судей	Мировых посреднико в	Непрем. член. присутствий по крест. делам	Служебный ценз отсутствует или неизвестен
Уфимский		1			10
Белебеевский		2			11

Бирский	1				15
Стерлитама-й		1			11
Златоустовск.					6
Мензелинск.		3			8
Итого	1	7	0	0	61
В %	1,4	10,1			88,4

*Таблица составлена на основании: Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. С. 750-775.

Очевидно, что стремление законодателя привлечь на должность земского начальника людей, имеющих схожий с новой деятельностью опыт, удалось менее чем на половину. Особенно удручающе выглядит картина по Уфимской губернии (см. таблицу 4), где служебный ценз имело всего 11,5% земских начальников. Остальные не имели никакого опыта по работе с крестьянским населением.

Для характеристики социального облика земских начальников большое значение имел материальный уровень их жизни. Данные таблицы 5 показывают, что 12,65% земских начальников Самарской губернии относились к мелкопоместному дворянству, 12,65% – к среднему, 25,3% – к крупному и 3,79% – к очень крупному землевладению.

Таблица 5. Имущественный ценз земских начальников Самарской губернии*

Уезд	100–500 дес.	501–1000 дес.	1001–4000 дес.	4000–5000 дес.	5001 и выше	Земельная собственность отсутствует	Размер собственности неизвестен
Бугульмин.	3	3	2	–	–	–	1

Уфимский	2	1	2		1	3	2
Белебеевский	2	3	1			7	
Бирский	1	2	2			10	1
Стерлитамакский	2	1	8			1	
Златоустовск.	1	1				4	
Мензелинск.	1	1			2	7	
Итого	9	9	13	0	3	32	3
В %	13	13	18,8		4,3	46,3	4,3

*Таблица составлена на основании: Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. С. 750-775.

Вообще в Самарской губернии по сравнению с соседними губерниями Поволжья количественные показатели земли, принадлежащей частным владельцам было выше, и составляло в 1897 году 26,2%. Мелкими землевладениями (до 50 дес.) являлось 45,9%, однако принадлежало им всего 1,4% земли. В то время как 16,3% крупных землевладельцев (свыше 1000 дес.) владели 85,5% земли.

Из приведенных данных видно, что стремление законодателя провести на должность земских начальников в первую очередь людей с высшим образованием исполнилось, конечно, далеко не в полном объеме, но на уровне, соответствующем среднему количеству их в госаппарате, что можно считать очень удачным результатом. Негативным было то, что не получилось набрать на новую службу людей с достаточным служебным цензом. Также неутешителен для власти был результат по привлечению помещного дворянства. Мы видим, что таковое составляло среди земских начальников Самарской губернии чуть больше половины. Правительство столкнулось с настолько острым дефицитом кадров, что в должностях утверждались люди,

сначала отклоненные министерством, как, например, А. П. Алабин¹. Последние кадры добирались даже после начала работы земских начальников, как в случае А. Самойлова, земского начальника 5 участка Самарского уезда, утвержденного 2 июля. Но можно сказать, что номинально институт земских начальников Самарской и Уфимской губерний к началу работы был почти полностью укомплектован. Несмотря на то, что в первом составе земских начальников было достаточно людей, обладающих необходимыми цензами, практика показала, что их наличие не гарантировало, что на должность попал человек, способный к добросовестной работе.

Царская администрация не могла не отдавать себе в этом отчет. Даже те авторы, которые предполагали теоретическую пользу от введения института земских начальников, признавали сложность подбора кандидатов на эту должность. Брошюра Ю.Д. Южакова, призванная убедить читателя в необходимости введения института земских начальников в Туркестане, как доказавшего свою пользу, свидетельствует: «Положение о земских начальниках, создав в среде сельского населения сильную правительственную власть в лице земского начальника, до того обременило его многочисленными, разнообразными и трудными обязанностями, что невольно является сомнение в том, найдется ли достаточно земских начальников, которые оказались бы на высоте своего положения»². Это мнение человека, искренне убежденного в необходимости данного института. Проблема кадров всегда очень остро стояла при наборе лиц на пост земского начальника. Поэтому, несмотря на первоначальное утверждение, что несоответствующие должности начальники будут сниматься с работы, на деле исполнялось далеко не в полном объеме. Иначе институт земских начальников мог прекратить свое существование в связи с

---

¹ ГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 16. Л. 4, 16.

² Южаков Ю.Д. О земских начальниках в Туркестане. Ташкент: С. И. Петухова, 1894. С. 27

отсутствием кадров. Однако нельзя утверждать и то, что кадровая политика в отношении желательного состава земских начальников полностью провалилась. Напротив, мы видим, что процент привлечения поместного дворянства и людей, материально обеспеченных был не так уж и низок. Если сравнивать их количество среди земских начальников первого призыва с другими сферами деятельности, то этот институт не выглядел каким-либо выдающимся прибежищем дворян-аутсайдеров.

По каким мотивам люди шли в земские начальники? По самым элементарным. Там была приличная зарплата, а многим денег как раз не хватало, несмотря на поместья. Так, земский начальник Шидловский, когда его снимали с должности, просил не лишать его средств существования¹. Н. Повало–Швуйковский, имевший сначала два поместья в 1050 и 1200 десятин, постепенно терял их, сначала доведя одно до 44 десятин леса и 88-и десятин земли, а потом потерял оба поместья². Кстати, власти смотрели на оскудение земских начальников также «сквозь пальцы», как и на их служебные недостатки, так как многие земские начальники имели подобную ситуацию, но, тем не менее, сохраняли свои должности без проблем.

С.Р. Минцлов, будучи известным ученым и писателем, не скрывал, что пошел на службу из материальных побуждений. «Причина простая: сейчас мои дела требуют больше средств, чем я имею»³.

Земский начальник С. Постников просто писал, что он доволен своей нынешней работой в материальном отношении, но живет далеко от родителей и не может их часто навещать, а они люди пожилые, а потому он ищет приличное место в родных местах, чтобы быть ближе к ним⁴. Земских начальников братьев Н. и П. Ждановых к месту «пристраивал» отец. Его ходатайства встречаются чаще всех, но своего он добился и детей на должность земских начальников устроил. При этом младший – Павел, не

---

¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 15. Л. 16–17.

² Там же. Д. 6. Л. 2, 14, 78.

³ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 167.

⁴ ГАСО. Ф. 3. Оп. 107. Д. 53. Л. 163–163об, 193.

имел даже возрастного ценза. Впрочем, он был не единственным в этом отношении. Кроме него еще два начальника его не имели.

Изучая личности земских начальников, невозможно сделать вывод, что все они были тиранами, помешанными на возрождении крепостнических отношений в деревне. В первую очередь они были обычными людьми, со своими проблемами и недостатками. Действительно, в массе они были представителями определенной сословной группы с соответствующим менталитетом. Но никак нельзя считать, что главным качеством этой группы было желание возродить крепостнические отношения крестьян. Для большинства это была обычная служба, которую исполняли они в большинстве своем без энтузиазма. Но значительным было и число тех, для кого такие качества как служение Родине, честь, долг и ответственность за народ России вообще, в силу привилегированного положения, были действительным побудительным мотивом для не самой престижной в иерархии службы земским начальником.

3.3. Социокультурные типы и модели поведения земских начальников

Проблема классификации типов и моделей поведения земских начальников является сложной и малоизученной. Вряд ли сегодня можно сконструировать однозначную модель. Ранее мы уже указывали, что одним из пороков, заложенным законодателем, является отсутствие четких критериев в полномочиях земского начальника в соединении с широкими карательными возможностями. Субъективный фактор определял эффективность деятельности земского начальника в рамках каждого участка. Тем не менее, при всем разнообразии личностей, состоявших на данной службе, можно выделить несколько групп.

Наиболее типичным земским начальником был представитель оскудевающего дворянства, отслуживший в армии или по гражданскому ведомству, получивший средний классный чин, иногда даже обладавший

имением (пусть даже заложенным) и семьей, но не имевший приличного дохода.

Этот человек получал должность, дающую жалованье 2200-2800 руб., но не имел даже элементарных знаний, необходимых для исполнения своих обязанностей. Некоторые шли по пути старательного изучения дела по ходу работы и, при наличии способностей, иные достигали определенных успехов в работе.

Наиболее спокойным был способ получать жалованье и ничего не делать, создавая видимость работы в бодрых отчетах. Такой путь был чреват опасностью лишиться должности, но также была вероятность и спокойно дожить до окончательной отставки и даже получить повышенную пенсию.

Наконец, был возможен вариант, при котором земский начальник, не имея никаких намерений к самосовершенствованию, начинал, как иногда выражались лояльные современники, действовать «излишне энергично». Именно в таком случае получался земский начальник, столь красочно рисуемый противниками данного института. Отметим, что такие фигуры действительно были, однако нельзя делать основной акцент именно на их деятельности и поведении в отношении крестьян, незаслуженно умалчивая о «положительных» людях.

Лучшими представителями земских начальников являлась прослойка (очень немногочисленная) действительно подготовленных, порядочных людей, старавшихся на деле улучшить положение крестьян.

В связи с тем, что личные качества земского начальника играли исключительно сильную роль в деятельности этого института, то при рассмотрении его работы как никогда необходимо рассмотрение конкретных индивидуумов, работавших земскими начальниками. Земские начальники представляли собой довольно пеструю массу по части имущественного состояния, уровня образования и рода деятельности до назначения на должность, однако в основе своей они представляли собой тип мелкого оскудевающего (а то и практически нищего) дворянина, поставленного

царской властью опекуном над крестьянским населением и наделенным властью.

Как бы крестьяне не относились к земскому начальнику, именно он олицетворял в их глазах настоящую власть. Все приказания земского начальника чаще всего исполнялись беспрекословно, так как мужики видели в начальниках лицо, уполномоченное Государем Императором. И идти против начальства и оказывать ему неуважение считалось в деревне не только преступлением, но и большим грехом. Крестьяне оправдывали существование высшей власти: «нельзя тоже без начальства», «не от нас оно, и в Писании вон есть, что властям повинуются».

Земский начальник старался держать себя так, чтобы его боялись. По приезду на сход крестьяне встречали его, сняв шапки, вели себя тихо и смирно, не допускали нецензурной ругани, иногда просили совета¹.

Земские начальники же воспринимали выражение почтения со стороны крестьян как должное, разница состояла лишь в том, как конкретный земский начальник воспринимал свою роль в жизни крестьян и, в зависимости от этого, вел себя с ними.

Так, земский начальник Самарской губернии И.И. Троицкий, происходивший из семьи священника и человек бедный, высказывался о крестьянском населении как о «сброде негодяев» и настолько подчинил его своей власти, что даже его сестра могла отправить кого-либо под арест, не встречая сопротивления². Земский начальник В.А. Шомпулев воспринимал подотчетное население как «неразумных детей», и все его записки проникнуты восприятием своей роли земского начальника как просветителя и опекуна, брань в отношении крестьян он вспоминал лишь как проявление

---

¹ Безгин В.В. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. Тамбов, 2004. С. 107

² ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 70.

«вспыльчивости характера» в таких критических ситуациях, как угроза убийства врачей крестьянами во время холерной эпидемии¹.

В письме крестьянина Уфимской губернии Василия Ржевского от 5 февраля 1894 г., в котором он жаловался в МВД, присутствует иная картина: «Явился к нам на сходку местный наш земский начальник 3 участка Бугурусланского уезда, который без всякого повода потребовал меня к себе, а как только подошел я к нему, то земский начальник называл меня сукиным сыном, схватил за бороду мою и ударил меня кулаком по уху», а потом отправил под арест на 7 дней².

А.И. Новиков вспоминал, что поступив на должность первым делом «решился очистить участок от дрянных элементов и внушить остальным *полезный* (выделено мной – прим. Автора) страх». Далее он вспоминал, что «сослав ... семь человек, я торжествовал и гордился, что у меня негодьям не место. Обращаю внимание на слово «у меня». «Я» — говорит старшина про свою волость. «Я освещаю город так-то и так-то» — говорит городской голова. «У меня» значит «в губернии, где я служу» — в устах губернатора. Всякий этим «я» хочет показать, что он все может»³. Новиков о своем поведении впоследствии жалел. Однако большинство его коллег подобных сомнений не знали. Квинтэссенцией восприятия своей власти и роли как должностного лица можно считать фразу земского начальника Самарской губернии Тимрота: «Мне царь дал волю и жаловаться на меня некому. Аз есмь альфа и омега, начаток и конец»⁴.

Вместе с тем, отношение земских начальников к сельскому обществу в целом и отдельным его представителям (в зависимости от каких-либо соображений личного свойства) различалось. А.И. Новиков в своих мемуарах уделял особое внимание обращению к крестьянам на «ты» или «вы». Он

¹ Шомпулев В. А. Введение института земских начальников// (электронный ресурс) <http://old-saratov.ru/foto.php?id=458>

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 207

³ Новиков А.И. Записки земского начальника. СПб., 1899. С. 45

⁴ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 11об.

писал, что обращение к крестьянину на «вы» не вызовет практически ни у кого понимания, так как «смешно говорить «вы» мужику или бабе», хотя сам он, в процессе деятельности, пришел к выводу о необходимости этого¹.

Вышеупомянутый земский начальник Тимрот здоровался с местным богатеем Пиненковым за руку (для крестьянина, который об этом писал, данный факт является фактически нонсенсом), «вместо того чтобы проверить приговора» каждый свой приезд находился в гостях у Пиненкова, и однажды «на том же сходе в лице всего общества позволил себе распивать пиво с нашим становым приставом Бахтерьевым, а полицейский урядник Муравьев исполнял обязанности официанта откупоривая бутылки»².

Проблема злоупотребления алкоголем в России, как и размышления об ее причинах и средствах борьбы с ним носят традиционный характер. Не миновали ее и земские начальники. При этом одни земские начальники, такие как А.И. Новиков, В.А. Шомпулев, С.Р. Минцлов и многие другие писали о вреде этого порока и необходимости его искоренения, предпринимали какие-либо практические действия в этом направлении, другие их коллеги сами были подвержены этому пагубному пристрастию. На постоянное пьянство земского начальника Самарской губернии Аристова неоднократно жаловались крестьяне, проверку этих фактов был вынужден осуществить неперменный член губернского присутствия Шишков. Аристов же встретил его в настолько нетрезвом виде, хотя знал заранее о его приезде, что разговор смог начаться едва через три часа³. Разумеется, ни о какой нормальной деятельности в качестве земского начальника со стороны Аристова не могло быть и речи. С.Р. Минцлов описывал «курьезную» ситуацию, когда одного из его коллег «дошедшего до озверения от торчания среди башкир и пейзан» застали в день разбора судебных дел: «Заседание происходило у него на

---

¹ Новиков А.И. Указ., соч. С. 100-101

² РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 7.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 28. Д. 139. Л. 33-34об.

квартире; он лежал в одном белье на кровати, около него стояла бутылка с водкой, а на поставленное углом колено его была накинута судейская цепь».¹

Сам же рассказчик курьеза Лейдекер, по мнению Минцлова, был своего рода знаменитостью уезда. «Толстяк с маленькими хитрыми глазками и точно из дубового отрубка - писал он, вырезанным длинным как бы накладным носом. Собеседник незаменимый, остряк, балагур и, так сказать, фолиант с анекдотами. Ухо с ним, однако, надо держать остро: сплетник он еще более незаменимый»². Дела Лейдекер, по собственному признанию, фактически не вел, предоставив делать это письмоводителю. Сам приезжал в камеру раз в неделю, а то и реже, на один-два часа, что он называл «размять жеребцов»³. По документам личного дела, в 1911 году Лейдекера собирались отправить в отставку из-за обвинения во взяточничестве и превышении служебных полномочий⁴.

Очень интересно описание Минцловым князя В.В. Шаховского, другого земского начальника Уфимской губернии. В представлении обывателя титулованный дворянин обязательно представляется настоящим аристократом. В данном случае это, - «уже пожилой человек удивительного простонародного типа; попустился он крепко, говорит «ташшить» и т.д. Ходит в поддевке и по части выпивки – номер первый. По общим отзывам, отличный человек и товарищ»⁵.

Общение земских начальников между собой также было не без «подводных камней». Единство в этом обществе было достаточно показательным. Их образ жизни ничем не отличался от типичного времяпровождения провинциального дворянского общества. Главными здесь были карточные игры, нечастные визиты, охота и прочие немногочисленные развлечения.

---

¹ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 113.

² Там же. С. 112.

³ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 133.

⁴ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 1837. Л. 62.

⁵ Минцлов С.Р. Указ. соч. С. 50.

В.Поливанов описывал свою первый совместный ужин с коллегами следующим образом: «Гости прибывали. Я знакомился все с новыми и новыми сослуживцами с любопытством разглядывавшими меня, но скоро мне пришлось остаться одному и проскучать в одиночестве до самого ужина. Все засели за карточные столы, и только я один был без дела. Удрать домой не было никакой возможности. Папаша [прозвище самого старого земского начальника – Е.М.] зорко следил за мною и неуклонно прекращал все попытки к бегству. Ужинали поздно, около часа ночи. Ели отвратительную треску, от которой пахло трупом, и пили водку. Водки пили такое количество, что угнаться за ними было невозможно, и у меня отчаянно разболелась голова. О чем говорили за ужином – не знаю, да и был ли общий разговор? Все кричали, и никто никого не слушал. Всем было очень весело. Опустевшие графинчики наполнялись снова. Водку пили даже с мороженым»¹.

Гораздо более оптимистичными были воспоминания самарского земского начальника первого призыва А.Н. Наумова. В его памяти общение между коллегами было почти дружеским, почти семейным. Правда, он отмечал, что с течением времени и изменением состава земских начальников «семья превратилась в чиновную коллегия»². Главным развлечением в уезде были карты. «Беда, бывало, смотреть на этих горе-винтеров, - писал А.Н.Наумов, вялых, не выспавшихся после ночного картежного азарта, вынужденных приходить с раннего утра на заседания съезда. Ни мысли, ни интереса, тем более рабочей энергии от таких завзятых картежников нельзя было ожидать. И так по всей матушке-России!»³ Чаще всего собирались у земского начальника Сосновского, где играли в карты и слушали музыку в исполнении его супруги. Сам Наумов карты не любил, и организовывал для приятелей охотничьи облавы, которые имели большой успех.

---

¹ Поливанов В. Указ. соч.// Русская мысль. 1917, № 3-4. С. 129.

² Наумов А.Н.. Указ. соч. Т. 1. С. 224.

³ Там же. С. 225.

Сам Наумов также признавал, что одинокое проживание в отрезанной от мира глуши его временами сильно угнетало и лишь игра на пианино удерживала от другого средства забытья, иногда фатального для таких же жителей.¹

Отношения между коллегами могли испортиться и от случайных происшествий. Так, у самого Наумова дружеские отношения с одним из коллег расстроились в результате курьезного случая. При совместном катании в санях с одной местной барышней, которой коллега симпатизировал, он ошибся и вместо того, чтобы обнимать девушку, обнимал руку Наумова. Раскрывшееся недоразумение было воспринято как насмешка и дружба расстроилась.

В личной жизни земских начальников также случались истории, иногда соперничавшие с настоящими литературными драмами. Самой примечательной является история неудачного сватовства земского начальника из Уфимской губернии Н.А. Щеголихина к дочери председателя Уфимской уездной земской управы Биркеля. История длилась с 1895 года не меньше семи лет и отголоски этой семейной драмы сохранились в многостраничной переписке и взаимных жалобах и объяснениях в Сенат и МВД.²

Суть ее в том, что Щеголихин посватался к дочери Биркеля, которая, по его словам, испытывала к нему чувства. Отец же, сначала согласившись, за спиной Щеголихина объявил помолвку и выдал ее замуж за более выгодного кандидата – товарища прокурора Уварова, о чем земский начальник узнал уже перед свадьбой. Щеголихину было «очень обидно» и он хотел объясниться с Биркелем и Уваровым, что и попытался сделать прямо в день венчания. Отец же невесты подал жалобу в МВД, что Щеголихин в сопровождении другого земского начальника – Осипова учинили в день свадьбы скандал, ворвались в дом, где праздновалась свадьба, вырвав

---

¹ Там же. С. 184.

² РГИА. Ф. 1291, Оп. 28. Д. 39. Л.Л. 6-44об.

задвину дверь и требовали для разговора Уварова, который «идти не захотел». Он обвинял земских начальников в том, что они были пьяны, и пространно рассуждал о невозможности таких людей работать с крестьянами.

Проведенное дознание однозначно предосудительного поведения земских начальников не выявило, решили, что оно к преступлениям по службе не относится и жалобу Биркеля оставили без последствий.

Однако эта история имела множественные продолжения. Точно неизвестно, что реально скрывается за описываемыми жалобами, но Биркель продолжал жаловаться на Щеголихина, что тот скомпрометировал его дочь, потом подстроил земское собрание, чтобы Биркеля сместили с должности и обвинял Щеголихина в прочих грехах, вплоть до веселья в ресторане с громкой музыкой в канун Царского дня, что Биркель расценивал как оскорбление религиозных чувств. Чем закончилась эта история – неизвестно. Сам Щеголихин за эти годы выгодно женился, оставил службу земским начальником, послужил уездным предводителем дворянства и в 1901 году вновь пожелал вернуться на службу земским начальником. И даже по этому поводу неугомонный Биркель написал жалобу в МВД, прося отказать Щеголихину в прошении на устройство в должности. Таким образом, в обычной жизни земские начальники не миновали обычных страстей, характерных для повседневной жизни времен.

Насколько неоднозначными были земские начальники, настолько многообразны были их оценки в обществе. Нельзя согласиться с утверждением противников земских начальников о вызываемой ими ненависти всей крестьянской округи. Мы считаем, что ненависть вызывали не сами по себе земские начальники, а власть, которую они представляли. Крестьяне могли уважать конкретного человека, но при наступлении волнений также могли и разгромить его дом без малейших сомнений.

Некоторые аспекты мировоззрения и поведения земских начальников мы можем почерпнуть из очерках писателя и публициста В.Г. Короленко.

Им очень ярко обрисованы характеры земских начальников Нижегородской губернии, действовавших во время голода и их поведение при проведении продовольственной компании.

Автор приводит рассказ некоего «Потапа Ивановича» о «тайном обществе», образованном в их селе по инициативе земского начальника. Общество состояло из священника, старосты и около пяти «хороших» мужиков (включая рассказчика), которые и составляли списки нуждающихся в помощи¹.

В другом участке земские начальники потратили все нервы, «проверяя списки». Проверка списков - это фактически обыск, заглядывание в горшки и взлом половиц. По мнению автора, деревню винить нельзя, просто сама система требовала обновления².

Первого встреченного земского начальника Короленко описывал так: «Молодой человек с высшим военным образованием, он несколько дней назад принял должность. Не знаю, как это делается в других губерниях. Но у нас на земских начальников возложено все продовольственное дело на местах. Очень может быть, что это несколько неожиданно с точки зрения закона, который предполагает в уезде другие хозяйственные органы, но у нас так это выработалось практикой этих месяцев: земский начальник – исследователь, хозяин, опекун, благотворитель. Он составляет списки, он их проверяет, он организует у себя склады хлеба, он его раздает. Теперь представьте себе в этом положении человека, который знает деревню и ее быт настолько, насколько его можно знать тому, кто сначала учился в гимназии или корпусе, потом в военном училище, гимназии или университете. Деревня – это каникулы или дача на летние месяцы; и вот с такой подготовкой человек очутился в разгаре самых жгучих и сложных вопросов деревенского быта³.

---

¹ Короленко В.Г. В голодный год // Полное собрание сочинений. Т. 5. Петроград, 1914. С. 14-15.

² Короленко В.Г. Указ., соч. С. 19.

³ Короленко В.Г. В голодный год ...С. 21

Короленко пришел к выводу, что «все делают земские начальники, от них все зависит. Пожелает кормить – накормит, пожелает – проморит голодом. Захочет устроить попечительство – устроит; захочет уничтожить уже существующее – уничтожит. У каждого – «своя система». В одном участке, по его словам, с 12 июля до десяти раз менялись земские начальники. «Итак, пережить десять смен разных более или менее мудрых систем... несчастный, должно быть, участок...»¹.

К сожалению, сохранилось очень мало свидетельств о восприятии земских начальников непосредственно крестьянством. Многие положительные оценки конкретных земских начальников, данные им даже, казалось бы, заслуживающими доверия лицами, не могут восприниматься однозначно, так как оценивают их люди одного с ними общественного положения.

Очень ценны для нас в этом отношении записки крестьянина С.Т. Семенова. В числе прочих описывал и отношение крестьян к земскому начальнику.

Изначально земские начальники, по словам Семенова, не проявили строгости, но и ничего регулирующего в «мужицкие права» не внесли, хотя в этом чувствовалась острая нужда. В его короткой летописи проходят несколько земских начальников, последовательно сменявших друг друга.

Семенов писал, что их первый земский начальник был «еще туда-сюда», но дела вел «с барской стороны»: устранил хорошего, желанного крестьянам старшину и назначил другого; настаивал, чтобы при выборе земских гласных выбирался именно старшина; каждые две недели сельские старосты должны были являться в волостное правление и докладывать, что делается в деревне. Также этот земский начальник запрещал являться к нему в сюртуках, пиджаках и т.п., а внушал необходимость носить русскую национальную одежду².

---

¹ Там же. С. 22.

² Семенов С.Т. Указ. соч. С. 86.

В этом простом рассказе видно, что описываемый земский начальник действовал вне рамок закона. Обращает внимание то, как естественно крестьянин воспринял самовольное назначение земским начальником старосты и его фактически полицейские указания. В итоге оказывается, что этот земский начальник был хорошим, потому что «с ним все-таки можно было по-человечески говорить и не опасаться, что вот он сейчас вскочит и выкинет такую штуку, что ты пожалеешь о том, что надумал явиться к нему», ведь когда он умер, дела у крестьян пошли еще хуже¹.

С некоторыми оценками Семенова можно не согласиться. Так, он приписывает нежелание лучших людей идти в старосты боязнь связываться с земским начальником². Однако проблемы с выбором должностных лиц сельского управления существовали еще до того, как ввели должность земского начальника. Многие проблемы, которые описывает Семенов, являлись следствием развития в деревне капиталистических отношений и сопутствующего расслоения крестьянства, но никак не одного влияния земских начальников. Но приведенные сведения исключительно интересны, так как показывают восприятие и осмысление действительности глазами обычного крестьянина. Мы видим, как естественно воспринимает Семенов несправедливость, которую творят земские начальники. Без всякого возмущения воспринимает он высокомерие земского начальника, не считающего «мужика» за человека. Но его рассказы показывают и рост крестьянского самосознания со временем, что помогает нам глубже понять изменения, произошедшие в крестьянском менталитете за довольно непродолжительное в историческом плане время. Отметим также, что Семенов жил в Московской губернии, крестьянство которой отличалось более высоким образовательным уровнем от окраинных губерний. Однако и окраинные губернии с началом нового XX века начали интенсивнее развиваться в части образования, потому реакция крестьянства, аналогичная

---

¹ Там же. С. 89.

² Семенов С.Т. Указ. соч. С. 93.

описываемой Семеновым, не заставила себя ждать. Мы считаем, что массовые явления недовольства крестьян и волнения вызвали интенсификацию ревизий деятельности земских начальников, в результате которых многие одиозные фигуры были вынуждены уйти в отставку.

В архиве Самарской губернии сохранился интересный документ по Новоузенскому уезду Самарской губернии за 1894 год. Это конфиденциальная деловая и личностная характеристика земских начальников, данная им, вероятно, каким-то вышестоящим чиновником. На примере этого участка мы можем представить себе облик самых обычных земских начальников рассматриваемого региона. Отметим, что это земские начальники «первой волны», то есть лучшие кадры.

Земским начальником первого участка был Дмитрий Евлампиевич Нечаев, дворянин. Ему было около 60 лет. Крайне нервный, раздражительный человек. Не следит ни за опекуном, ни за школьным делом. В участке почти не бывает, за волостными судами почти не смотрит. Делопроизводство — в полном беспорядке: он даже не может отличить дело и переписку. В ссоре со всеми: с предводителем дворянства, с земской управой, с другими земскими начальниками. Во всех своих недостатках Нечаев винит кого угодно, только не себя. В школьном деле, например, ему мешает земская управа, опекунские дела ему нельзя упорядочить из-за трудности вопроса¹.

Земским начальником второго участка был Константин Константинович Гуржиа. Тоже около 60 лет, но бодрый и энергичный. Любил вникать во все дела. В пределах участка считал себя полным хозяином, а потому не считался с законом. Принимал «интересы населения близко к сердцу», а потому считал необходимым «регулировать их семейную жизнь, отношения к церкви, начальству и даже собственному хозяйству». Как бывший председатель земской управы, он хорошо освоился с хозяйственной стороной народного быта, но с опекунским делом и ссудовспомогательными кассами не знаком, а

---

¹ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-2.

потому и не уделяет им внимания¹. Этот начальник прослужил до мая 1900 года, когда ему за многочисленные нарушения закона было приказано уйти в отставку². Он — пример увлеченного работой «пастыря», считающего себя благодетелем непросвещенного крестьянского стада. Он пытается осуществлять мероприятия в традиционном духе, не осознавая их ненужность и даже вредность. Естественно, что его убрали с должности, хотя он искренне не понимал, за что.

Во главе третьего участка стоял Дмитрий Васильевич Мясоедов. Человек пожилой, около 50 лет. Нерешительный, слабо подготовленный к деятельности земского начальника. В отношении управления участком старался копировать своего соседа Гуржию, но, не обладая его пониманием дела и энергией, благодаря которой Гуржия лично разбирал каждое дело, это подражание сводилось к целому ряду превышений власти без соответствующей пользы. Судебные дела рассматривал крайне медленно, вспомогательные кассы на его участке были в беспорядке, опеки — также не поставлены в надлежащем виде³. Через четыре года, в 1898 году, ревизия показала, что из-за мягкого характера деятельность этого начальника была не слишком энергична, а также то, что «в трудолюбии его и старании все привести в надлежащий порядок его незнание существующих узаконений и довольно ограниченное развитие парализуют все добрые намерения названного земского начальника»⁴. Тем не менее, Мясоедов по мнению начальства «отличался доступностью для вверенного ему населения и видимо любим последним»⁵.

Четвертый участок возглавлял Александр Михайлович Померанцев. Студент-естественник и юрист Санкт-Петербургского университета. «Молодой, идеалист и во многих отношениях очень симпатичная личность»⁶.

---

¹ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 2–3.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 26.

³ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 3об–4.

⁴ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 311. Л. 33, 36–37.

⁵ Там же. Л. 37.

⁶ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 4об.

«Дело вел горячо, принимая к сердцу заботу и горе каждого. Не только старшины и старосты, но и рядовое население безжалостно эксплуатирует доброго и доверчивого молодого начальника»¹. Он очень много делал для крестьян, приводил в порядок кассы, организовал опекуновское дело, призрение убогих, лично хлопотал о возвращении крестьянам дешево сданной в голодные годы земли и т. д.²

Земским начальником пятого участка был Петр Порфирьевич Чембулатов. Еще молодой, к делу относится с интересом, но не так, как Померанцев. Его деятельность в основном была направлена на упрочение экономического благосостояния населения, много он сделал и для улучшения медицинских условий. Проверяющий чиновник признал, что Чембулатов – «один из наиболее деятельных и полезных земских начальников Новоузенского уезда».³

Шестой участок возглавлял Александр Михайлович Ратманов. Человек еще не старый, довольно энергичный и «по первому впечатлению очень толковый и деятельный». Население очень боялось его за строгость, переходящую порой в деспотизм. Человек он был очень деятельный и умный, много делающий для пользы своего участка и умеющий заставить себя слушаться, но, с другой стороны, во всей его деловитости не было видно никакой искренней любви ни к делу, ни к населению, чувствовался сухой, жесткий, честолюбивый и самолюбивый характер, без настоящего благородства. Проверяющий сделал вывод, что Ратманов не заслуживает доверия»⁴.

Во главе восьмого участка стоял Николай Капитонович Лисовский. Это был еще сравнительно молодой, очень неопытный, но и не из тех, кто стремится учиться. Он был крайне поверхностно знаком с законами. Говорил однако с большой самоуверенностью, которая только ярче оттеняет

---

¹ Там же. Л.3-4

² Там же. Л. 5.

³ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 6об.

⁴ Там же Л. 8.

недостаток действительных знаний. Лисовский деятельно занимался общественным благосостоянием и все было бы прекрасно, если бы отсутствие прочной и законной почвы не делало все его преобразования крайне шаткими¹. В 1914 году Лисовский уже характеризовался как человек, который «обладает разносторонним служебным опытом и выделяется из ряда других земских начальников серьезным, вдумчивым отношением к службе и энергичною полезною деятельностью»².

Земским начальником двенадцатого участка был Иван Иванович Троицкий. Человек молодой, «очень недурного о себе мнения». Несмотря на частое и личное участие в сходах он не пользовался уважением в народе. В документе о нем сообщается – «...был очень порядочным земским начальником, если бы не был так доволен собой и так уверен в своем глубоком знании дела. Его удивительное упрямство и своеобразный склад ума делают всякую попытку что-либо разъяснить ему – безуспешной. Он слушает только то, что согласно с его мнением, а к остальному остается совершенно глух»³. Проверяющий написал о том, что опасается как бы он не сбил с толку и не задержал население участка, по-видимому, очень терпеливое и послушное, хотя Троицкий и называет его «сбродом негодяев». Интересным является то, что указанный земский начальник происходил из семьи священника, но демонстрировал тот яркий тип высокомерного презирающего народ крепостника, которым так любила изображать земских начальников негативно настроенная к ним пресса. Этот земский начальник умер 38 лет от роду, оставив жену совершенно без средств существования⁴.

Вопрос о пенсиях земским начальникам заслуживает отдельного рассмотрения. Парадокс заключается в том, что пенсия не зависела от затраченных на службе усилий. Так, земский начальник 6 участка Николаевского уезда Н. Повало-Швыйковский служил очень плохо. Он был

---

¹ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 9–9об.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 166.

³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2. Л. 11об.–13об.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 70.

признан неспособным к выполнению обязанностей земского начальника. Дошло до того, что он « всю ответственность переложил на нетрезвого письмоводителя, сам же не знает, сколько и каких дел разрешает в этом году»¹. Но после выхода в отставку по болезни в 1900 году, он получил усиленную пенсию в размере 1000 рублей, так как очень сильно нуждался².

Другой земский начальник (7 участка того же уезда) – Константин Эсмонт – также недобросовестно относился к работе. Ревизор писал, что «Эсмонт не соответствует требованию закона. Как человек молодой и интеллигентный, он мог бы вполне исправно исполнять функции земского начальника»³. В апреле 1908 года все его имущество сгорело в пожаре (всего на 2000 рублей). Сам он умер в марте 1909 года. Осталась семья: жена и пятеро детей, из которых одна дочь-калека. У них не осталось ничего, кроме носильного платья и белья. Семье назначили пенсию: 900 рублей в год⁴.

Такие случаи довольно многочисленны. Все вышеназванные люди имели недостатки и достоинства, но преступниками они не были. Хотя среди них такие встречались. Так, один земский начальник – И. Войцеховский – продал остатки правительственной ржи, а другой начальник – А. Сабанеев – стал его шантажировать. Дело случайно получило огласку. Оба они достаточно легко отделались: их просто уволили, без предания суду⁵.

Положение земского начальника на селе как представителя дворянского сословия с одной стороны и чиновника-бюрократа — с другой, — отражает противоречия в социальной и экономической обстановке, в которой находилась Россия. Проблема также обострялась из-за того, что в стране существовало две противоположных культуры: «верхов» и «низов». Противоречия между ними были настолько глубоки, что разрешить их не могла никакая реформа.

---

¹ ГАСО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 65. Л. 17об–18.

² Там же. 6. Л. 80.

³ Там же. Д. 314. Л. 11об.

⁴ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8. Л. 73, 78, 81, 88, 101, 105.

⁵ Там же. Д. 397.

Бесспорно, образ чиновника складывался на основе его непосредственной деятельности в участке, вследствие чего мы приходим к выводу о главенстве субъективного фактора в функционировании института. Низкий правовой уровень деревни способствовал отождествлению закона с приказанием начальника, в силу чего «земский» играл очень важную роль в крестьянской повседневности. Он в первую очередь являлся представителем государственной власти, и в сознании мужика был ничем иным как ее олицетворением. По сути, неприязнь к институту или даже расправа с отдельными чиновниками – функционерами являлась отражением оценки населением, как мероприятий правительства, так и самодержавного режима в целом.

Изучение земских начальников Самарской и Уфимской губерний показывает, что среди них встречались люди всех типов, как добропорядочные так и практически преступные. Были среди них шантажист, картежники, алкоголики (даже бывшие сумасшедшие), мошенники и т.д. Все они, в зависимости от личных качеств, осуществляли контроль за крестьянами. Практика показывает, что все они вели себя согласно сословным убеждениям. Одновременно, несмотря на осознание себя как части привилегированного общества и сохранение всех присущих этому поведенческих привычек, при изучении послужных дел земских начальников прослеживается страх большинства из них потерять эту должность, иначе у них не оставалось никакого иного дохода. *Средство существования* – вот основной мотив поступления на службу большинства земских начальников и, соответственно, определяющий момент в их отношении к работе, когда именно сословные факторы отходили на второй план.

Таким образом, будучи по поведению типичными представителями мелкого и оскудевающего дворянства, земские начальники представляли собой больше бюрократический институт, чем сословный.

Земские начальники были не просто должностными лицами, а людьми при должности. Мы видим, что по личностным качествам они не представляли собой какую-то резко отрицательную категорию людей и дворянства, в частности.

Состав земских начальников в регионе полностью не соответствовал идеальному стандарту даже изначально и в дальнейшем эта ситуация усугублялась. Консерваторы, задумавшие эту реформу, руководствовались своими интересами. Они хотели укрепить самодержавную власть на местах. Но, как мы видим, кандидатов на должность земского начальника катастрофически не хватало. Ни о каком единообразном проведении правительственной линии при таких исполнителях не могло быть и речи. Иногда на должность попадали люди, которые ни по знаниям, ни по жизненному опыту не подходили к этой деятельности. Результатом их «работы» была дискредитация дворянства в глазах населения участка. Соответственно, такими земскими начальниками не могла быть воплощена в жизнь идея народного самодержавия. С другой стороны, были энтузиасты, которые старались многое сделать для народа. Их деятельности крестьяне были действительно благодарны.

Показательно то, что деятельность подавляющего числа земских начальников не отразилась в документах в качестве резко отрицательного или положительного примера. И это обстоятельство служит доказательством того, что все вместе земские начальники не оказали какого-либо массового отрицательного влияния на крестьянскую жизнь. Категория земских начальников, ревностно служивших за жалование, тем более старалась насильственно не вмешиваться во внутренние дела крестьян, так как последние активно жаловались в МВД, а навлекать на себя проверку, таким земским начальникам было излишне.

Также необходимо отметить, что патерналистский тип отношений в момент введения института земских начальников действительно соответствовал установившимся традициям в Российской империи. Нет

смысла отрицать, что крестьянское мировосприятие было патриархальным, патерналистским и устойчивым, что уже подтверждалось многочисленными этнографическими исследованиями, мемуарами и документами. В крестьянском быту царили иногда невероятно варварские обычаи, верования и устои, настолько крепкие, что отголоски их не искоренены до сих пор. Ломка этих традиций, приобщение крестьян к государственной правовой культуре стали задачей, которую земские начальники пытались в какой-то мере решить.

Справедливости ради нужно отметить, что методы и возможности царского правительства не позволяли в сложившейся ситуации сделать намного больше, так как заимствование западных институтов типа мировых судов, характерных для совершенно иначе развивавшегося типа общественного сознания, не могло эффективно работать в Российской империи того периода. Неслучайно почти все земские начальники, чьи воспоминания дошли до нашего времени, считали первейшей задачей на селе просвещение крестьян, без чего, по их мнению, любое вмешательство и попытки переустройства их жизни были обреченными на неудачу.

Заключение

Закон о земских начальниках был следствием корректировки правительством внутренней политики. Значительным компонентом всей совокупности преобразований должно было быть установление твердой власти на местах. В определенной мере эту задачу было поручено осуществлять земским начальникам. Во-первых, им поручалось проводить правительственный курс в деревне – основе российского бытия; во-вторых, опекать крестьянство; в-третьих, дать дворянству как сословию значимую роль в деревне; в-четвертых, укрепить связь высшей власти и дворян, дав возможность последним возможность войти в состав представителей правительственной администрации. Полномочия по надзору за крестьянами были переданы правительством изначально только помещному дворянству.

Этим правительство рассчитывало укрепить влияние государства, поднять престиж дворянства и усилить его возможности ведущей социальной опоры самодержавия. В то же время нельзя сказать, что правительство сознательно стремилось ущемить интересы крестьянства. Факты свидетельствуют, что Александр III искренне считал, что земские начальники реально улучшат жизнь крестьян. В 80-90-е гг. XIX века усиливается расслоение крестьянства. Параллельно шло обезземеливание дворянства. Власть в деревне и экономическое влияние переходят к наиболее зажиточным людям – «кулакам» и купцам.

Император, в силу особенностей характера и воспитания, не мог не считать виной распада традиционных отношений в деревне ослабление правительственного влияния и установление бессловного строя. Царь, будучи высшим выразителем интересов дворянства, смотрел на крестьян как на особых людей, темных и непросвещенных, нуждающихся в постоянной опеке со стороны просвещенного дворянства. Внешне к этому у него были все основания. Крестьянство в массе своей действительно представляло собой грубую и невежественную массу. Однако это был гигантский слой населения, имеющий свои традиции и свою собственную, противоположную правящему классу культуру, а также естественное стремление к улучшению своего положения.

Правительство, до конца не понимая мировосприятия подавляющего большинства собственных подданных и объективности происходящих процессов, старалось разрешить проблему достаточно примитивным способом. Оно решило установить свои порядки и законсервировать текущую ситуацию в деревне, искренне заблуждаясь в степени их необходимости. Одним из зол консерваторы видели распад патриархальной семьи и общины. Естественной реакцией была попытка этот распад остановить. Этим был вызван как закон о земских начальниках, так и другие законы, направленные на приостановку этих процессов: закон, ограничивающий семейные разделы (1888 г.), ограничение переделов

общинной земли (закон 8 июня 1893 года), превращение надельного крестьянского землевладения в «неотчуждаемый сословный фонд» путем запрещения отчуждения и залогов крестьянских наделов (закон 14 декабря 1893 года) и отмена досрочного выкупа по 165 статье положения о выкупе, запрещение и ограничение переселений крестьян (законы 1881 и 1889 гг.). Параллельно шли мероприятия по поддержке дворянства.

Однако реалии момента были таковы, что власть в принципе не могла решить поставленных задач. Россия стояла перед необходимостью глобальных экономических, социальных, политических, межнациональных, сословных, конфессиональных преобразований. Правительство же Александра III делало основную ставку на консервацию отношений в деревне, в первую очередь, сословных отношений между дворянами и крестьянами, общины и внутриобщинных отношений. Оно смогло снять поверхностные проявления недовольства, но не решить проблему. Внешне ситуация действительно казалась стабилизированной. Несмотря на различия в понимании земскими начальниками пределов своих полномочий, в формах и методах их деятельности, новый институт все же являлся в целом проводником правительственной «попечительной» политики. Выполняя общие установки и придерживаясь взглядов, бытовавших в помещичьей среде, начальники всячески препятствовали семейным разделам, отчуждению в какой-либо форме надельной земли, по-своему боролись против кулаков и «мироедов» и т. д. Борьба с нарождавшейся сельской буржуазией, хотя и занимала немалое место в их деятельности, сводилась в основном к вмешательству в арендные отношения, недопущению «кулаков» к избранию на должности крестьянского общественного управления. Выражая устремления местного дворянства, они иногда даже расходились с правительственной линией в некоторых вопросах. Поэтому правительство постоянно напоминало, что земские начальники являются его агентами, а не самостоятельной силой. В целом же деятельность земских начальников, как

и вся попечительная политика самодержавия, не могла остановить процесс социально-экономического развития деревни.

Институт земских начальников сложился в Самарской губернии в течение первой половины 1891 года, а в Уфимской – к 1 октября 1894 г. И в Самарской, и в Уфимской губерниях 100% вакансий к началу действия института были фактически заполнены. Однако данные свидетельствуют, что состав земских начальников нельзя назвать удовлетворительным. Подавляющее большинство земских начальников не полностью соответствовало установленному цензу. Проблемой окраинных губерний было малое количество дворянства вообще, не говоря уже о поместном. Параллельно стремительно разворачивался процесс оскудения дворянства, в том числе и потомственного, уход его в города. Поэтому власть не могла найти достаточное количество достойных кадров для проведения задуманной реформы.

Не все из начальников полностью соответствовали своему служебному положению. Были среди них те, кто недобросовестно относился к своим обязанностям и даже злоупотреблял своими возможностями, вплоть до совершения уголовных преступлений. Были люди неуравновешенные, конфликтные, не сумевшие найти общего языка либо с крестьянским «миром», либо с сельскими старостами, либо с волостным правлением. В сумме таких начальников было, по нашим оценкам, около трети. Остальные стремились в меру своих сил и возможностей честно выполнять возложенные на них обязанности. Нередко они улаживали конфликты, успокаивали злостных нарушителей, в общем, приносили определенную пользу деревне. В большинстве случаев это были адекватные, иногда прекрасные по человеческим качествам люди, но при всем том в глазах крестьянина это была сила, поставленная сверху, иными словами - «власть барина». Такому пониманию власти земских начальников способствовало и то, что некоторые из них необдуманно вмешивались во внутренние дела крестьянского «мира». Это проявлялось, например, в отношениях земских начальников и

крестьянских сходов. Последние являлись выражением воли «мира», а земский начальник, со своими понятиями о том, что полезно крестьянину, а что – нет, нарушал право крестьян на самостоятельное решение хозяйственных проблем.

Широкие полномочия начальника по отношению к должностным лицам крестьянского управления также ущемляли естественные человеческие права. Нельзя не согласиться с тем, что многие из этих лиц не соответствовали должности. Инициативные крестьяне сторонились занятия этих должностей, в результате чего они замещались одними из худших крестьян. Но земские начальники, иногда не старавшиеся до конца разобраться в происшествиях, не долго думая, перекладывали всю ответственность на крестьянских должностных лиц. Такие действия вырывали немногих достойных людей из рядов крестьянского управления, подрывая и без того слабую законность на местах.

Последнему немало способствовала и практика земских начальников в отношении волостных судов. Земские начальники были призваны устранить недостатки деятельности последних. На деле эта функция, действительно важная, земскими начальниками выполнялась очень слабо. Призванные следить за удовлетворительным составом волостных судов, они реально не изменили его. Таким образом, земские начальники вмешивались в крестьянскую жизнь там, где не следовало это делать, и бездействовали в случаях, когда было необходимо действительно проявить инициативу. Последнюю земские начальники особенно активно проявляли в случаях, когда речь шла об их власти, а потому широко пользовались карательными полномочиями, предоставленными им законом.

Подобная ситуация не могла оставить крестьян равнодушными. Мы показали, что они практически сразу начинают «глухо» сопротивляться новой власти. Открыто такое недовольство не проявлялось, но зачатки его проступали в отказах крестьян являться на работы по приказам земского начальника, в попытках подавать жалобы и т. д. В полной мере недовольство

крестьян проявилось только в начале века. Власть же, испуганная силой народной массы, не могла придумать ничего лучше, чем усилить политический надзор за крестьянами. Проводниками его опять же выступали земские начальники.

Самодержавие боялось крестьян и опасалось проникновения в его среду революционных идей, поэтому земским начальникам было приказано пресекать не только общение наиболее развитых крестьян с революционными партиями, но и со вполне легальной литературой, показывавшей нищету и бедствия народа. Практика воспитания крестьян в послушании и покорности властям поддерживалась в церковно-приходских школах.

Самодержавие, стараясь сохранить себя, и своей опорой делало в первую очередь дворянство. Крестьянство же реально приносилось в жертву интересам последнего. Как бы правительство ни убеждало себя и крестьян в том, что проводит политику и в их интересах, практика показывала, что заинтересованной стороной в мероприятиях самодержавия оставалось дворянство. Такая ситуация является абсолютно объективной. Русское имперство было неспособно к модернизации. Поэтому, стараясь разрешить внутренние противоречия, нараставшие в стране с каждым годом, оно было способно только насильственно затормозить процесс модернизации деревни. Консервация феодальных пережитков в сочетании с промышленным развитием только углубила кризис в стране.

Самодержавие, с присущим ему администрированием, в земских начальниках видело почти идеальный адаптационный механизм с помощью которого крестьян предстояло подготовить к «пониманию» общественных изменений. Нельзя согласиться с преобладавшей ранее точкой зрения, что земские начальники были проводниками сословно-дворянского влияния на крестьян. Исследование деятельности земских начальников представляет их именно административно-фискальным институтом, роль которого в проведении административной политики правительства все больше

возрастала. Последующие многочисленные изменения законодательства в отношении земских начальников, изменявшие их обязанности и требования к кандидатам на должность, только подкрепляют данную точку зрения.

Возможно, в момент издания Положения о земских начальниках власти предприняли попытку найти компромисс между органами крестьянского управления и административной губернской властью. Однако, дав возможность пространного толкования Положения 12 июля, законодатель обрек институт земских начальников на главенство субъективного фактора в основе его деятельности, не установив жестких ограничивающих рамок. Именно в этом кроется причина столь диаметрально противоположных оценок института земских начальников, так как в ситуации, когда все зависело от личных качеств конкретного чиновника, невозможно было достичь единства и управляемости всей системы в целом, что делало в итоге ее работу неэффективной. Справедливости ради, следует отметить, что сложная социально-экономическая и политическая обстановка того времени не способствовала выработке однозначных решений.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА)
Фонд 1291 — фонд земского отдела МВД:
Оп. 28. — Д. 39, 41, 48, 97, 107, 117, 124, 125, 134, 139, 208, 219, 221, 239, 252, 263, 270, 281, 304, 309, 346, 379, 383, 412, 455.
Оп. 29 — Д. 26, 27, 55, 73, 92, 156, 187, 208, 217, 282, 315, 379, 383, 427, 535, 574.
Оп. 32 — Д. 4, 5.
Оп. 39 — Д. 70.
Оп. 84 — Д. 18, 20, 21, 30, 32.
Оп. 120 — Д. 54, 57, 113.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)
Фонд 102 — Департамент полиции МВД:
Оп. 95. — Д. 1035.
Оп. 236. — Д. 26.
Оп. 239. — Д. 29.
Фонд 124 — уголовные отделения Первого департамента Министерства юстиции.
Оп. 17. Ч. 2 — Д. 950.
Оп. 21. — Д. 195.
Оп. 67. — Д. 578.
Фонд 586 — фонд Плеве В.К.
Оп. 1 — Д. 105-120, 120а, 121-123.
Фонд 1068 — фонд Сиверса А.А., собирателя исторических документов.
Оп. 1 — Д. 1068.
Фонд Р-5881 — коллекция отдельных документов и мемуаров эмигрантов.

Оп. 2 — Д. 471.

3. Национальный архив республики Башкортостан (НА РБ)

Фонд И–10 – Уфимское губернское присутствие:

Оп. 1. – Д. 1747, 1753, 1754, 1758, 1759, 1774, 1775, 1777, 1781, 1786, 1790, 1791, 1819, 1821, 1824, 1820, 1828, 1832, 1834, 1835, 1836, 1837, 1841, 1844, 1848, 1850, 1853, 1855, 1947;

Фонд И–11 — Канцелярия Уфимского гражданского губернатора:

Оп. 1. – Д. 390, 436;

4. Государственный архив Самарской области (ГАСО).

Фонд 1 – Самарское губернское правление:

Оп. 1. – Д. № 4185, 4261.

Фонд 3 – Канцелярия самарского губернатора:

Оп. 43. – Д. № 14.

Оп. 106. – Д. № 33, 34, 39.

Оп. 107. – Д. № 7, 10, 11, 13, 14, 16, 18, 19, 53.

Оп. 109. – Д. № 1.

Оп. 111. – Д. № 9.

Оп. 122. – Д. № 5.

Оп. 176. – Д. № 7.

Оп. 177. – Д. № 15.

Фонд 4 – Самарское губернское присутствие:

Оп. 1. – Д. № 1-25, 30, 145, 215, 219, 228а, 264, 281, 292, 310-319, 324, 325, 334, 343, 345, 364, 369, 397, 424, 439, 477, 1617, 1622, 1647.

Фонд 145 – Самарский уездный съезд:

Оп. 1. – Д. № 2, 4, 6, 10, 12, 13, 22, 35, 36, 38, 45, 48, 54, 76, 88, 109, 117, 119, 146, 184, 188, 190, 222, 224, 289, 300, 629, 1326, 1329, 1369, 1577, 1579.

Фонд 342 – Земский начальник 1 участка Самарской губернии.

Оп. 1. – Д. № 10, 11, 36, 62, 63, 65, 66, 73.

Фонд 344 – Земский начальник 3 участка Самарской губернии.

- Оп. 1. – Д. № 9, 21, 35, 36, 37, 41, 79, 87, 90, 96, 108, 122, 124, 131, 153, 166, 168, 169, 201, 555, 571, 578, 585, 598.
- Фонд 345 – Земский начальник 5 участка Самарской губернии.
- Оп. 1. – Д. № 111, 451, 555, 556.
- Фонд 346 – Земский начальник 7 участка Самарской губернии.
- Оп. 1. – Д. № 6-8, 11.
- Фонд 347 – Земский начальник 8 участка Самарской губернии.
- Оп. 1. – Д. № 22, 24.
- Фонд 348 – Земский начальник 9 участка Самарской губернии.
- Оп. 1. Д. № 44, 83, 236.
- Фонд 349 – Земский начальник 10 участка Самарской губернии.
- Оп. 1. – Д. № 2, 4, 28, 56, 155, 167, 170, 174, 175, 178, 260, 274, 275, 513.
5. Объединенный государственный архив Челябинской области
(ОГАЧО)
- Фонд И-143 — Земский начальник Шадринского уезда.
- Оп. 1
- Фонд И-174 — Златоустовская уездная комиссия по выборам в Государственную Думу.
- Оп. 1
6. Государственный архив Республики Татарстан
- Фонд 905 – Земский начальник 4 участка Мензелинского уезда.
- Оп. 1 — Д. 1-7.
7. Муниципальное бюджетное учреждение «Архив Златоустовского городского округа» (АЗГО)
- Фонд И–5 – Земский начальник 1-го участка Златоустовского уездного съезда:
- Оп. 1. – Д. 45, 63, 64, 65, 69, 74.
8. Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП)
- Ф. 1831
- Оп. 1. Д. 17
9. Санкт-Петербургский филиал архива РАН

Фонд 134 — А.А. Шахматов.

Оп. 1. — Д. 14.

Законодательные акты

10. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). [Текст]. Собр. 3, т. IX, отд. 2, 1889. — № 6195, 6196.
11. Руководство по административным и судебным делам для земских начальников, волостных судов, сельских и волостных сходов. Составитель А.К. Анастасьев. В 2-х тт. [Текст]. Чернигов, 1891. — 1023 с.
12. Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях, преобразованных по закону 12 июля 1889 г. [Текст]. СПб., 1890. — 623 с.
13. Арефа, К. И. Положения и правила о земских участковых начальниках, городских судьях и волостном суде [Текст]. Изд. 5-е. / К. И. Арефа, СПб., Изд. В. Березовский, 1903. — 882 с.
14. Аристов, И. Н. Волостной суд по закону 12 июля 1889 г. Сборник узаконений и распоряжений, относящихся к волостным судам, действующим в местностях, где учреждены земские начальники [Текст] / И. Н. Аристов. Казань, 1893. — 137 с.
15. Воронцов-Вельяминов, И. А. Сборник законоположений о крестьянах для губерний, на которые распространяется действие положения о земских начальниках [Текст] / И. А. Воронцов-Вельяминов. Тула, 1890. — 464 с.
16. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам [Текст] / сост. И. Л. Горемыкин. СПб., 1903. — 824 с.
17. Чагин, А. Правила об устройстве судебной части и производстве судебных дел в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках и временные правила о волостном суде [Текст] / А. Чагин. — Петроград: 1915. — 550 с.

Периодические издания

18. Голос Приуралья [Текст]: городская ежедневная политическая, литературная, общественная газета / ред. В. А. Весновский. – Челябинск, 1906, 1907, 1908, 1909, 1913, 1914. – 6 с.
19. Уфимский вестник [Текст]: городская ежедневная политическая, литературная, общественная газета / ред. А.Ф. Ница. – Уфа, 1906, 1916. – 8 с.
20. Урал. Газета политическая, общественная и литературная. [Текст]. – Уфа, 1901, 1902. – 4 с.
21. Адрес-календарь Самарской губернии [Текст]. – Самара: Губернская типография. – 1892, 1898, 1899, 1902, 1904, 1906, 1909, 1911, 1914. – 56 с.
22. Адрес-календарь Уфимской губернии [Текст]. – Уфа: Губернская типография, – 1896, 1899, 1900, 1901, 1903, 1905, 1906, 1907, 1908, 1909, 1911, 1912, 1913, 1914. – 84 с.

Опубликованные документы и материалы

23. Отчет по Государственному совету за 1889 год. [Текст]. СПб., 1891. – 567 с.
24. Воронцов-Дашков, граф. Замечания министра императорского двора и уделов по проекту положения о земских начальниках, съездах сих начальников и губернских по сельским делам присутствиях. [Текст]. / И.И. Воронцов-Дашков. — Б. м. Б.г. — 42 с.
25. Записка члена Государственного Совета, сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности губерний Казанской и Уфимской. [Текст]. СПб., 1887. — 75 с.
26. Записка члена Государственного Совета, сенатора Ковалевского, заключающая материалы, касающиеся положения и деятельности

- полицейских учреждений по данным, обнаруженным при ревизии губерний Казанской и Уфимской. [Текст]. СПб., 1887. — 155 с.
27. Извлечения из всеподданнейшего отчета члена Государственного Совета, сенатора Ковалевского по ревизии Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний. [Текст]. СПб.: 188. — 106 с.
28. Клингенберг, П. М. Записка по ревизии земских начальников и волостных правлений, произведенной летом 1900 г. вятским губернатором, действительным статским советником Клингенбергом при участии неперменного члена Вятского губернского присутствия, действительного статского советника Редькина [Текст] / Н. М. Клингенберг. Вятка: 1901. — 73 с.
29. Сборник речей Петра Аркадьевича Столыпина, произнесенных в заседаниях Государственного совета и Государственной Думы (1906-1911) [Текст]. СПб.: Издание В.В. Логачева, 1911. — 131 с.
30. Список должностных лиц крестьянских учреждений в местностях, в коих введено в действие положение о земских участковых начальниках 12 июля 1889 г. [Текст]. СПб., 1903. — 863 с.
31. Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге [Текст] // Источник, 1993, № 1. С. 23-30.
32. Записка по ревизии уездных съездов и земских начальников Казанской губернии, произведенной Г. Казанским губернатором П.А. Полторацким, при участии неперменного члена губернского правления И.Н. Аристова [Текст] — Казань, 1894. — 17 с.
33. Заключение совещания земских начальников и податных инспекторов Казанской губернии, состоявшегося 24-26 февраля 1901 г. при Казанском губернном присутствии. Казань, Типо-литография И.Н. Харитонова, 1901. — 76 с.
34. Самарская губерния: день за днем... 1891 – 1895 годы. Хроника событий. [Текст] / Сост. А.Н. Завальный, П.С. Кабытов, Ю.Е. Рыбалко. Самара: Изд-во «Универс-групп», 2004, — 191 с.

35. Обзор трудов высочайше утвержденной, под председательством статс-секретаря Каханова, Особой комиссии / Сост. непрем. чл. Сов. по делам местн. хоз. М.В. Иславиным. Ч. 1-2. – СПб. : тип. Министерства внутренних дел, 1908. — 159 с.
36. Общественная помощь голодающим в Самарской губернии в 1911-1912 гг. Отчет Самарского отдела Общества охранения народного здоровья [Текст]. Самара: Электро-Типо-Литография З.Л. Гордон и Ко, 1913. — 128 с.
37. Заключение губернских совещаний по пересмотру законоположений о крестьянах по предложенным их обсуждению общим вопросам. [Текст]. Выпуск 2. СПб, Типография министерства внутренних дел, 1904 — 78 с.
38. Сборник заключений губернских совещаний по проекту наказа земским участковым начальникам. Часть 1. Издание Земского отдела МВД. СПб., 1899. — 356 с.
39. Революция 1905-1907 гг. в Самаре и Самарской губернии [Текст] / Документы и материалы. — Куйбышев, Куйбышевское книжное издательство, 1955 — 462 с.
40. Труды съезда земских начальников и непременных членов землеустроительных комиссий Нижегородской губернии. 2-10 декабря 1911 года. [Текст] — Нижний Новгород, 1912. — 129 с.
41. Труды съезда земских начальников и непременных членов землеустроительных комиссий Московской губернии. 1-5 февраля 1910 года [Текст]. Москва, 1910. — 98 с.

Статистические и справочно-информационные издания

42. Обзор Самарской губернии за 1893 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1894. — 65 с.
43. Обзор Самарской губернии за 1894 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1895. — 120 с.

44. Обзор Самарской губернии за 1895 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1896. — 165 с.
45. Обзор Самарской губернии за 1896 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1897. — 98 с.
46. Обзор Самарской губернии за 1897 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1898. — 53 с.
47. Обзор Самарской губернии за 1898 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1899. — 105 с.
48. Обзор Самарской губернии за 1900 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1901. — 101 с.
49. Обзор Самарской губернии за 1901 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1902. — 95 с.
50. Обзор Самарской губернии за 1902 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1903. — 87 с.
51. Обзор Самарской губернии за 1903 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1904. — 79 с.
52. Обзор Самарской губернии за 1904 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1905. — 85 с.
53. Обзор Самарской губернии за 1905 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1906. — 81 с.
54. Обзор Самарской губернии за 1906 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1907. — 83 с.
55. Обзор Самарской губернии за 1907 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1908. — 72 с.
56. Обзор Самарской губернии за 1908 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1909. — 89 с.
57. Обзор Самарской губернии за 1909 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1910. — 99 с.
58. Обзор Самарской губернии за 1910 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1911. — 99 с.

59. Обзор Самарской губернии за 1911 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1912. — 73 с.
60. Обзор Самарской губернии за 1912 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1912. — 72 с.
61. Обзор Самарской губернии за 1913 год. [Текст]. Самара: Губернская типография, 1914. — 70 с.
62. Обзор Уфимской губернии за 1895 год. [Текст]. Уфа: Тип. Губернск. правления, 1896. — 86 с.
63. Обзор Уфимской губернии за 1896 год. [Текст]. Уфа: Тип. Губернск. правления, 1897. — 99с.
64. Обзор Уфимской губернии за 1897 год. [Текст]. Уфа: Тип. Губернск. правления, 1898. — 115 с.
65. Обзор Уфимской губернии за 1898 год. [Текст]. Уфа: Тип. Губернск. правления, 1899. — 120 с.
66. Обзор Уфимской губернии за 1899 год. [Текст]. Уфа: Тип. Губернск. правления, 1900. — 102 с.
67. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. [Текст]. – СПб.: Типография Академии наук, 1904. – 210 с.
68. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Уфимская губерния [Текст]. – Т. 45. – СПб.: Типография Академии наук, 1904. – 190 с.
69. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Самарская губерния [Текст]. – Т. 36. – СПб.: Типография Академии наук, 1904. – 220 с.

70. Рубакин, Н. Россия в цифрах [Текст] / Н. Рубакин. – СПб.: Типография Комарова В.В., 1912. – 140 с.
71. Урал Северный, Средний, Южный. Справочная книга [Текст] / сост. Ф.П. Доброхотов. — Петроград: Библиотека «Вечернего Времени» изд. В.А. Суворина, 1917. — 707 с.
72. Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1914 год. Пермская, Оренбургская, Уфимская и Вятская губернии. [Текст]. Пермь, Издание С.С. Вершова, 1913.

Источники личного происхождения

73. Богданович, А.В. Три последних самодержца [Текст] / А.В. Богданович. — М.: Новости, 1990. — 643 с.
74. В. Т-ъ. Из деревни. (Из очерков жизни и службы) [Текст] / В. Т-ъ // Русский вестник. — 1895. — т. 240, № 9. — с. 225-244.
75. В. Т-ъ. Из деревни [Текст] / В. Т-ъ // Русская старина, 1906, Вып. 7-9, Т. 128. — С. 473-492.
76. В. Т-ъ. Из деревни. Очерки жизни и службы [Текст] / В. Т-ъ // Русская старина, — 1907, Т. 129, № 3 — с. 607-613; т. 130, № 4, — с. 81-88.
77. Витте, С. Ю. Избранные воспоминания [Текст] / С.Ю. Витте. — М.: «Мысль», 1991. — 719 с.
78. Витте, С. Ю., Воспоминания [Текст]. В 3 тт. / С.Ю. Витте. — М. Соцэкгиз, 1960. — 189 с.
79. Воспоминания Великого князя Александра Михайловича Романова [Текст] / А.М. Романов. — СПб.: Питер, 2015. — 320 с.
80. Гурко, В.И. Черты и силуэты прошлого: правительство и общественность в царствовании Николая II в изображении современника. [Текст] / В.И. Гурко. — М.: Новое литературное обозрение, 2000. — 809 с.
81. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова [Текст]. В 2 т. Т. 2. 1887-1892 гг. М.: Наука, 1966. — 578 с.

82. Жевахов, Н.Д. Письма земского начальника [Текст] / Н.Д. Жевахов // Гражданин. — 1904. — № 11, 13, 18, 20, 22, 26, 33, 34, 39, 45, 51, 62, 63.
83. Кошко, И.Ф. Воспоминания губернатора (1905-1914). Новгород-Самара-Пенза. [Текст] / И.Ф. Кошко. — Пг.; б.и., 1916. — 256 с.
84. Мещерский, В. П. Воспоминания. [Текст]. / В.П. Мещерский. — М.: Захаров, 2001. — 688 с.
85. Мещерский, В. П. Мои воспоминания [Текст]. В 3 ч. / В. П. Мещерский. — СПб.: типография Кн. В.П. Мещерского, 1897 — 1382 с.
86. Минцлов, С.Р. Дебри жизни. Урал, Новгород, Малороссия. [Текст] / С.Р. Минцлов. — Берлин, Сибирское книгоиздательство, б.г. — 398 с.
87. Наумов, А.И. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. [Текст]. Книга 2. / А.И. Наумов. — Нью-Йорк, Издание А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1956. — 358 с.
88. Наумов, А.И. Из уцелевших воспоминаний. 1868-1917. Книга 1. [Текст] / А.И. Наумов. — Нью-Йорк, Издание А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. — 358 с.
89. Новиков, А. И. Записки земского начальника [Текст] / А. И. Новиков. — СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1899. — 240 с.
90. Поливанов, В. Записки земского начальника [Текст] / В. Поливанов. — Русская мысль. 1917. № 3-4, 5-6, 7-8, 9-10.
91. Пушкарев, С.Г. Воспоминания историка. (1905-1945) [Текст] / С.Г. Пушкарев. — М.: Посев, 1999. — 112 с.
92. Семенов, С.Т. Двадцать пять лет в деревне. [Текст] / С.Т. Семенов. — Пг., 1915. — 436 с.
93. Толстой, С.Л. Очерки былого [Текст] / С.Л. Толстой. — Тула: Приокское книжное издательство, 1975. — 470 с.

94. Хижняков, В. М. Воспоминания земского деятеля [Текст] / В. М. Хижняков.— Петроград, 1916. — 251 с.
95. Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 8 февраля 1897 г. Москва [Текст] // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1983. Т. 6. Письма, Январь 1895 — май 1897. — М.: Наука, 1978. — С. 289—290.
96. Шомпулев, В.А. Записки старого помещика [Текст] / В.А. Шомпулев. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 — 360 с.
97. Янович В. М. Итоги шестилетия. Заметки земского начальника [Текст] / В. М. Янович. — Пермь, Типолитография губернского правления, 1902. — 178 с.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.И. ЛЕНИНА

98. Ленин, В. И. Крепостники за работой [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. — Т. 5. — М.: 1967. — С. 87–92.
99. Ленин, В. И. Проект программы нашей партии [Текст] / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Изд. 5-е. — Т. 4. — М.: 1967. — С. 211. –239.

ПУБЛИЦИСТИКА

100. Б.Ж. О земских начальниках, их съездах и о деятельности сих учреждений [Текст] / [барон Н.Г. Жомини] — СПб. : Тип. Товарищества М. О. Вольф, 1898. — 17 с.
101. Губарев, Д.Н. Несколько слов по поводу земских начальников и мероприятий, необходимых для прочного основания правильного развития благосостояния среди сельских обывателей [Текст] / Д.Н. Губарев. — Рязань, Губернская типография, 1889. — 8 с.
102. Джаншиев, Г. А. Закон и справедливость на «новом суде» и у земских начальников [Текст]: статья / Г.А. Джаншиев // Русская мысль. — 1893. — № 5. — С. 79–100.

103. Евреинов, Г. А. Прошлое и настоящее значение русского дворянства [Текст] / Г. А. Евреинов. — СПб.: 1898. — 103 с.
104. Короленко, В.Г. В голодный год. [Текст] / В.Г. Короленко // Полное собрание сочинений. Т. 5. Петроград, Изд. Тов-ва А.Ф Маркс, 1914. — 424 с.
105. Литвинов, Я.Я. Земские начальники, их административная и судебная деятельность [Текст] // Русское обозрение. 1895.-Т. 36.-С. 186-200.
106. Пазухин, А. Д. Современное состояние России и сословный вопрос [Текст] // Русский вестник /ред. М.Н.Катков, 1885, № 1. — С. 5-58.
107. Южаков, Ю.Д. О земских начальниках в Туркестане [Текст] / Ю.Д. Южаков. — СПб.: Типография тов-ва «Общественная польза», 1894. — 79 с.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

108. Алеврас, Н. Н. Аграрный курс правительства на горнозаводском Урале: общероссийская тенденция и региональная специфика (конец XIX - начало XX века) [Текст]: статья / Алеврас Н. Н. // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. — 1999. N 1. — С. 5 – 14
109. Ананьич, Б. В. Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX века): [Текст] статья / Б.В. Ананьич // Вопросы истории России XIX– н. XX в. Межвузовский сборник. Л.: 1983. С. 34–45.
110. Аннинский, Л. Реформы и реформаторы [Текст]: статья / Л. Аннинский // Родина, — 1994, — №6. — С. 100-105.

111. Анфимов, А. М. Крупное помещичье хозяйство европейской России к. XIX– н. XX в. [Текст] / А.М. Анфимов — М.: Наука, 1969. — 395 с.
112. Анфимов, А.М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян европейской России. 1881-1904. [Текст] / А.М. Анфимов — М.: Наука, 1984. — 232 с.
113. Балугев, Б. П. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России [Текст]: статья / Б.П. Балугев // В раздумьях о России. М., 1996. — С. 297–395.
114. Безансон, А. Россия в XIX веке [Текст]: статья / А. Безансон // Советское настоящее и русское прошлое. Сборник статей / пер. с фр. А. Бабича и М. Розанова. — М.: Издательство «МИК», 1998. — С. 11–29.
115. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века) [Текст] / В.Б. Безгин. — М. – Тамбов: 2004. — 187 с.
116. Беннигсен, Э. К вопросу о пересмотре законодательства о крестьянах [Текст] / Э. Беннигсен — СПб., 1902. — 830 с.
117. Беэр, В. А. Комментарий новых провинциальных учреждений 12 июля 1889 года [Текст] / В. А. Беэр. — М., 1894. — 246 с.
118. Билимович, А. Д. Крестьянский правопорядок по трудам местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: (Докл., прочит. в собр. Киев. юрид. о-ва 6 нояб. 1904 г.). [Текст] / А.Д. Билимович. — Киев : Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1904. — 60 с.;
119. Богатырева, О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861-февраль 1917) [Текст] / О. Н. Богатырева. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. — 458 с.

120. Бокарев, Ю. П. Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении [Текст]: статья / Ю.П. Бокарев // Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. — С. 167–174.
121. Боханов, А. Н. Император Александр III [Текст] / А.Н. Боханов. — М.: Русское слово, 1998. — 511 с.
122. Бржеский, Н. К. Общинный быт и хозяйственная необеспеченность крестьян [Текст] / Н. К. Бржеский. — СПб., 1899. — 174 с.
123. Брусникин, Е. М. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции [Текст]: статья /Е.М. Брусникин // Вопросы истории, — 1970, — № 2. С. 65–76.
124. Булдаков, В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В.П. Булдаков. — М.: РОССПЭН, 1997. — 376 с.
125. Буховец, О. Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в Российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты [Текст] / О.Г. Буховец. — М.: Мосгорархив, 1996. — 400 с.
126. Валк, С. Н. Внутренняя политика царизма в 80-н. 90-х гг. [Текст] / С.Н. Валк // История СССР. Ч. 1. М., 1951. С. 910–994.
127. Веселовский, Б.Б. История земства за 40 лет [Текст] / Б.Б. Веселовский. — Т.1. — СПб.: Типография Комарова В.В., 1911. — 310 с.
128. Виленский, Б. В. Судебная реформа и контрреформа в России [Текст] / Б. В. Виленский. — Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1969. — 400 с.

129. Власть и реформы от самодержавной к советской России. [Текст] / Отв. ред. Б.В. Ананьич. — Спб.: Дмитрий Буланин, 1996. — 801 с.
130. Волков, Е.В., Конюченко, А.И. Русские императоры XIX века в свидетельствах современников и оценках потомков [Текст] / Е.В. Волков, А.И. Конюченко. — Челябинск: Аркаим, 2003. — 336 с.
131. Волков, Н. Е. Очерк законодательной деятельности в царствование императора Александра III. 1881-1894 гг. [Текст] / Н.Е. Волков, — СПб. : Типография А.Ф. Штольценбурга, 1910. — 375 с.
132. Гаман-Голутвина, О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции [Текст] / О.В. Гаман-Голутвина. — М.: Интеллект, 1998. — 430 с.
133. Геллер, М. История Российской империи. В 3-х тт. [Текст] / М. Геллер — Т.3. М.: МИК, 1997. — 304 с.
134. Гессен, В. М. Вопросы местного управления [Текст] / В. М. Гессен. СПб.: 1904. — 235 с.
135. Гессен, В. М. Основы правопорядка [Текст] / В.М. Гессен // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 1. — СПб.: 1904. — С. 41–97.
136. Гессен, И. В. Реформа местного суда [Текст] / И. В. Гессен. СПб.: 1910. — 117с.
137. Гессен, И. В. Судебная реформа [Текст] / И.В. Гессен / СПб., 1905. — 295 с.
138. Гибадатов У.И. Институт земских участковых начальников на Южном Урале [Текст]: статья / У.И. Гибалатов // Закон и право, 2008, №10 — с. 112–114.
139. Гриценко, Н. Ф. Консервативная стабилизация в России в 1881-1894 годах: Политические и духовные аспекты внутренней политики [Текст] / Н. Ф. Гриценко. М.: Русский путь, 2000. — 240 с.

140. Громько, М. М. Мир русской деревни. [Текст]: статья / М.М. Громько — М.: «Молодая гвардия», 1991. — 446 с.
141. Давидович А. М. Самодержавие в эпоху империализма. [Текст] / А.М. Давидович. — М., Наука, 1975. — 351 с.
142. Данилов, В. П., Данилова, Л. В. Крестьянская ментальность и община [Текст] / В.П. Данилов, Л.В. Данилова // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX век). Материалы международной конференции. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. — С. 22–40.
143. Дедюлин, А. Крестьянское самоуправление в связи с дворянским вопросом [Текст] / А. Дедюлин. — СПб., 1902. — 192 с.
144. Деннингхаус, В. Революция, реформа и война: немцы Поволжья в период заката Российской империи / В. Деннингхаус.— Саратов, Наука, 2008. — 245 с.
145. Джаншиев, Г. Из эпохи великих реформ [Текст] / Г. Джаншиев. — М.: 1892. — 308 с.
146. Дружинин, Н.П. Право и личность крестьянина [Текст] / Н.П. Дружинин. — Ярославль, 1912. — 315 с.
147. Дружинин, Н.П. Юридическое положение крестьян [Текст] / Н.П. Дружинин. — СПб, 1897. — 385 с.
148. Дубровский, С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. [Текст] / С.М. Дубровский. — М.: Наука, 1975. — 397 с.
149. Емалетдинова Г.Э., Кантимирова Р.И. Местное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX-начале XX века [Текст] / Г.Э. Емалетдинова, Р.И. Кантимирова. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2013. — 180 с.
150. Емалетдинова Г.Э., Кантимирова Р.И. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй

- половине XIX-начале XX века [Текст] / Г.Э. Емалетдинова, Р.И. Кантимирова. — Уфа: Гилем, 2008. — 317 с.
151. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России [Текст] / Н. П. Ерошкин. — М.: Наука, 1968. — 334 с.
152. Зайончковский, П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов [Текст] / П. А. Зайончковский. — М.: Изд-во МГУ, 1964. — 510 с.
153. Зайончковский, П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х начала 90-х годов) [Текст] / П. А. Зайончковский. — М.: Мысль, 1970. — 444 с.
154. Захарова, Л. Г. Земская контрреформа [Текст] / Л. Г. Захарова. — М.: Изд-во МГУ, 1968. — 178 с.
155. Иванникова, В.В. Из истории литературных «окраин» русского консерватизма: Н.Н. Толмачев — земский начальник, гласный и литератор [Текст] / В.В. Иванникова. — Саратов, Стилос, 2001 — 140 с.
156. Ильин, В. В. Теоретическая политология: Реформы и контрреформы в России. Циклы модернизационного процесса [Текст] / В. В. Ильин, А. С. Панарин, А. С. Ахиезер. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1996 — 400 с.
157. К. П. Победоносцев: pro et contra. [Текст]. / Антология — СПб., РХГИ, 1996. — 576 с.
158. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. [Текст] / Колл. моногр. — М.: Мысль, 1988. — 240 с.
159. Кабытов, П. С. П. А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. [Текст] / П.С. Кабытов. — Самара, Самарский университет, 2006. — 218 с.

160. Кабытов, П. С. Русское крестьянство в начале XX века. [Текст] / П.С. Кабытов. — Самара: Самарский университет, 1999. — 154 с.
161. Кабытов, П. С., Медведев, Е.И. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900-1917) [Текст] / П.С. Кабытов, Е.И. Медведев. — Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. — 199 с.
162. Кабытов, П.С. П.А. Столыпин и самарское крестьянство [Текст]: статья // Черный перелом. / Сост. Астанков Ю.В. — Самара, Самарское книжное издательство. 1992. С. 44–69
163. Кабытова Е. П. Кризис русского дворянства. [Текст] / Е.П. Кабытова. — Самара, Самарский университет, 1997. — 143 с.
164. Катаев, М. М. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 гг. (исторический очерк их образования и норм деятельности) [Текст] / сост. М.М.— Т. 1–3. — СПб., 1911–1912.
165. Кашаев, Ш. Мусульманское дворянство Уфимской губернии [Текст]: статья // Дворянский вестник. № 2(83). 2011. С.15–20.
166. Кожухар, К. Я. Земские начальники [Текст] / К. Я. Кожухар // Вестник права. — 1905. — № 5. С. 93–132; № 8. С. 53–102; № 9. С.42–73.
167. Кондрашин В. В. Голод в крестьянском менталитете [Текст]: статья / В.В. Кондрашин // Менталитет и аграрное развитие России. Материалы международной конференции. — М.: Российская политическая энциклопедия, 1996. — С. 115–124.
168. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. [Текст] / А.П. Корелин. — М.: Наука, 1979. — 304 с.
169. Корнилов, А. А. Крестьянская реформа [Текст] / А. А. Корнилов. СПб., 1906. — 271 с.
170. Корф, А. Административная юстиция в России [Текст] / А. Корф. СПб., 1910. — 584 с.

171. Корф П.Л. Ближайшие нужды местного управления/[Соч.]. П.Л.Корфа. СПб.: тип. М. Стасилевича, 1888. —124 с.
172. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. [Текст] / Колл. монография. — Л., 1984. — 663 с.
173. Кузнецова, Е. Н. К истории контрреформ 80-90 гг. XIX века в России [Текст]: статья / Е.Н. Кузнецова // Вестник ЛГУ, Вып. 3, —1976, — № 17. — С. 109–116.
174. Кучумова Л. И. Сельская община в России. [Текст] / Л.И. Кучумова. — М.: Знание, 1992. — 64 с.
175. Леонтьев, А. А. Крестьянское право. Систематическое изложение особенностей законодательства о крестьянах [Текст] / А. А. Леонтьев. — СПб., 1914. — 364 с.
176. Леонтьев, А. А. Законодательство о крестьянах после реформы [Текст]: статья / А.А. Леонтьев // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос. — М., 1911. — Т. VI. — С. 158–199.
177. Лукоянов, И. В. Конец царствования Александра III: была ли альтернатива контрреформам? [Текст]: статья / И.В. Лукоянов // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX-XX века. — СПб., 1999. — с. 247–258.
178. Макаров, В.И. А.А. Шахматов [Текст] / В.И. Макаров. — М.: Просвещение, 1981. — 159 с.
179. Малютин, Д. Ошибки, сделанные при составлении положения о крестьянах 19 февраля 1861 года и их последствия [Текст] / Д. Малютин. — СПб.: б/и, 1895. — 70 с.
180. Матвеев, П. Очерки народного юридического быта Самарской губернии [Текст] / П. Матвеев. — СПб., Типография В. Киршбаума, 1877. — 38 с.
181. Менталитет и аграрное развитие России [Текст] / Материалы международной конференции. — М., РОССПЭН, 1996. — 440 с.

182. Миненко, Н.А., Апкаримова, Е.Ю., Голикова, С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – в начале XX века [Текст] / Колл. монография. – М.: Наука, 2006. – 380 с.
183. Миронов, Б. П. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX в.) [Текст]. В 2 т. / Б.П. Миронов. —СПб.: Питер, 2000. — 548+568 с.
184. Михайловский, И. В. Практика судебно-административных учреждений 12 июля 1889 года [Текст]: статья // Право. – 1901. – № 14 – С. 723–730; № 16 – С. 821–826.
185. Невский, В.А. Исторический очерк первого сорокалетия деятельности Стерлитамакского уездного земства (1875–1914) [Текст] / В.А. Невский. – Стерлитамак: Губернская управа, 1914. – 190 с.
186. Никонов, С. П. Крестьянский правопорядок и его желательное будущее [Текст] / С.П. Никонов. – Харьков, 1906. – 330 с.
187. Никонов, С. П. Основные начала положений 19-го февраля 1861 года [Текст] / С.П. Никонов. – Одесса: Тип. "Техник", 1911. – 73 с.
188. Обзор двадцатилетней деятельности крестьянских учреждений, образованных по закону 12 июля 1889 года в Курской губернии. 1 сентября 1890 г. – 1 сентября 1910 г. / Без автора. — Курск, Типография Курского губернского земства. 1911, —53 с.
189. Обнорский П. Мировые судьи и их преемники (итоги сравнительной параллели) [Текст] / П. Обнорский // Выборный мировой суд: Сб. статей. — СПб., 1898. – С. 42–82.
190. Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. [Текст] / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. — Дубна: Феникс+, 2006. — 448 с.
191. Побережников, И.В. Общество в контексте модернизации: Урал во второй половине XIX - начале XX вв. [Текст] / И.В. Побережников

- // Российская модернизация XIX – XX вв.: институциональные, социальные, экономические перемены. Сборник научных статей. – Уфа: Башкирский государственный педагогический университет, 1997. – С. 50–63.
192. Попов, В.Б. Введение и функционирование института земских начальников в Оренбургской губернии [Текст]: статья / В.Б. Попов // Вестник оренбургского государственного университета. Вып. 7(182) — 2015. — С. 63–68.
193. Преображенский, Ф. А. Вопросы крестьянского самоуправления. Сельские учреждения и должностные лица [Текст] / Ф.А. Преображенский. — М.: 1893. — 87 с.
194. Пушкарев, С.Г. Россия в XIX веке (1801—1914) [Текст] / С.Г. Пушкарев. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. — 509 с.
195. Реформы или революция? Россия, 1861-1917: Материалы междунар. коллоквиума историков (4–7 июня 1990 г. [Текст] / Редкол.: В.С. Дякин (отв. ред.) и др.). СПб.: Наука, 1992. — 404 с.
196. Риттих, А. А. Крестьянский правопорядок (свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России) [Текст] / А. А. Риттих. — СПб., 1904. — 447 с.
197. Роднов, М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900-1917гг.): социальная структура, социальные отношения [Текст] / М.И. Роднов. — Уфа: ООО «Дизайн ПолиграфСервис», 2002. — 314с.
198. Роднов, М.И. Судьба помещичьего хозяйства после отмены крепостного права (первый стан Уфимского уезда) [Текст]: статья / М.И. Роднов // Река времени. 2011. Сборник статей. — Уфа, 2011. — с. 55–72.
199. Розенберг В.А. Земские начальники [Текст]: статья / В.А. Розенберг // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах

- сельскохозяйственной промышленности. Т. 1. СПб.: 1904. — С. 151–177.
200. Савельев, П. И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. (По материалам Поволжья) [Текст] / П.И. Савельев. — Самара, Самарский университет, 1994. — 365 с.
201. Самарская летопись: очерки истории самарского края с древнейших времен до начала XX века [Текст] / Под общ. ред. П.С. Кабытова и Л.В. Храмкова.— Т. 2. — Самара, Самарский университет, 1993. —219 с.
202. Сафронов, А. А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [монография] / А. А. Сафронов. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2011 . — 285 с.
203. Симонова, М. Борьба течений в правительственном лагере по вопросам аграрной политики в конце XIX в. [Текст]: статья / М. Симонова История СССР. — 1963. — №1. — С.65-82.
204. Смыков Ю. И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма (социально-экономическое исследование) [Текст] / Ю.И. Смыков. — М.: Наука, 1984. — 230 с.
205. Соловьев, Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века [Текст] / Ю. Б. Соловьев. — Л.: Наука, 1973. — 383 с.
206. Страховский И. М. Крестьянский вопрос [Текст]: статья / И.М. Страховский // Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 1. СПб.: 1904. — С. 98–150.
207. Страховский, И. М. Крестьянские права и учреждения [Текст] / И. М. Страховский. СПб.: 1903. — 308 с.
208. Страховский, И.М. Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г. [Текст]: статья / И.М.

- Страховский // Крестьянский строй. / сб. ст. – СПб., 1905. – Т. 1. – С. 371–455.
209. Страховский, И. М. Крестьянское сословное самоуправление [Текст]: статья / И.М. Страховский // Мелкая земская единица. – СПб., 1902. – Вып. 1. — С. 240–280.
210. Танцов А. Учреждение земских начальников [Текст] / А. Танцов. Смоленск: 1898. — 50 с.
211. Твардовская В. А. Александр III [Текст]: статья / В.А. Твардовская // Российские самодержцы. 1801–1917. — М.: Международные отношения, 1993. — С. 215–307.
212. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. [Текст] / В.А. Твардовская. М.: Наука, 1978. — 142 с.
213. Тенишев, В. В. Административное положение русского крестьянина [Текст] / В. В. Тенишев. — СПб., 1908. — 164 с.
214. Титов, А. А. О мировых судьях и земских начальниках [Текст] / А. А. Титов. — М.: 1906. — 32 с.
215. Толмачев, М. Крестьянский вопрос по взглядам земства и местных людей [Текст] / М. Толмачев. — М., 1903. —171 с.
216. Троицкий, Н. А. Россия в XIX веке. Курс лекций [Текст] / Н.А. Троицкий. — М.: Высшая школа, 1997. — 431 с.
217. Тур, К. И. Голос жизни о крестьянском неустройстве [Текст] / К.И. Тур. — СПб., 1898. — 175 с.
218. Тютрюмов, А. Культурная роль земского начальника. По поводу 39 ст. положения о земских участковых начальниках [Текст]: статья / А. Тютрюмов // Журнал Гражданского и уголовного права. – 1890. – Кн. 10, декабрь. – С. 74–80.
219. Уортман, Р.С. Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II [Текст] / Р.С. Уортман; пер. с англ. И.А. Пильщикова. — М.: ОГИ, 2004. — 796 с.

220. Усманов, Х. Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии [Текст] / Х.Ф. Усманов. – Уфа: Башкнигоиздат, 1958. — 173 с.
221. Фатеев, П. С. Внутренняя и внешняя политика царизма в 80-н. 90-х гг. XIX века. [Текст] / П.С. Фатеев. — М.: Издательство высшей партийной школы, 1960. — 40 с.
222. Февр Л. История и психология [Текст]: статья // Февр Л. Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — 627 с.
223. Федоров В. А. История России. 1861–1917. [Текст] / В.А. Федоров. — М.: Высшая школа, 1998. — 384 с.
224. Цертелев Д.Н. Нужна ли реформа местного управления? [Соч.]. Кн. Д.Н.Цертелева. М.: Унив.тип.1889. —97 с.
225. Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии. 1851-1901. [Текст] / А.А. Чемодуров.— Москва, Типолитография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. 1901, — 124 с.
226. Чернуха В. Г. Правительственная политика и институт мировых посредников [Текст]: статья / В.Г. Чернуха // Внутренняя политика царизма (сер. XVI–н. XX в.). Труды ЛОИИ. Вып. 8. — Л.: 1967. С. 92–239.
227. Шидловский, И. Общий обзор трудов местных комитетов [Текст] / И. Шидловский. — СПб.: 1905. — 239 с.
228. Шумилов М.М. Российское самодержавие во второй половине XIX века [Текст]: статья // Народ и власть / сост. Ю.А. Сандулов.— СПб, Лань. С. 411–428.
229. Эммонс Т. Проблема социальной интеграции («слияния сословий») в русском земстве [Текст] / Т. Эммонс // Менталитет и аграрное развитие России. М.: РОССПЭН, 1996. — с. 209–215.
230. Cadiot J. Le recensement de 1897 [Текст]: статья // Cahiers du monde russe et sovietique. 2004, №45/3-4. С. 450-451.

231. Figes O. A People's tragedy: A history of Russian revolution: 1891-1924. [Текст] / O. Figes. — UK: Jonathan Cape, 1996. — 923 с.

Диссертации и авторефераты

232. Башкирева, Н. В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность: 1889–1917 гг. : диссертация ... канд. ист. наук 07.00.02 / Н.В. Башкирева. — Москва, 2010. — 280 с.
233. Бирюков, А. В. Крестьянская община Самарской губернии [Текст]: автореф. дисс. ... канд. ист. наук 07.00.02 / А.В. Бирюков.— Самара, 1999. — 24 с.
234. Бузанова, Н. А. Земские начальники Тамбовской губернии (1889-1917) дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 [Текст] / Бузанова Наталья Анатольевна. —Тамбов, 2005. — 212 с.
235. Гурьянов, М.М. Институт земских начальников в конце XIX – начале XX вв. и его региональные особенности: диссертация ... канд. юр. наук: 12.00.01 [Текст] / М.М. Гурьянов. — Киров, 2007. — 202 с.
236. Дехтяр, А.А. Практическая деятельность земских участковых начальников (1889–1917 гг.): проблемы историографии и источниковедения (на материалах Нижегородской губернии): автореферат дисс. ... канд. ист. наук 07.00.09 [Текст] / А.А. Дехтяр. — Н. Новгород, 2012 — 26 с.
237. Звонцова, А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е годы XIX – начале XX века. Дисс. ... канд. ист. наук 07.00.02 [Текст] / А.В. Звонцова. — Тула, 2006. — 286 с.
238. Кузнецова Е. Н. Контрреформы 80–90гг. XIX века в России. Автореф. дисс. ... канд. юр. наук. [Текст] / Е.Н. Кузнецова. Л., 1977. — 26 с.

239.   Либерман, А. А. Институт земских начальников. 1889–1905 гг. [Текст] Дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 / А.А. Либерман — М., 1976. — 192 с.
240.   Никольская, П. П. Закон о земских начальниках: дис. канд. ист. наук 07.00.02 [Текст] / Н.П. Никольская. — Пенза, 1946. — 287 с.
241.   Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900-1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Дисс... д.и.н. [Текст] / М.И. Роднов. — Уфа, 2004. — 443 с.

Кн. С. П. Мансыревъ,
к.-д., г. Рига.

С.П. Мансырев, земский начальник в Уфимской губернии, политический деятель, депутат Государственной Думы, мемуарист.

Приложение 2

С.С. Джантюрин. Земский начальник Уфимской губернии, политик, депутат Государственной Думы.

Приложение 3

С.Р. Минцлов. Земский начальник в Уфимской губернии, известный писатель, археограф, мемуарист.

Приложение 4

А.Е. Котомкин (с женой). Земский начальник в Самарской губернии, поэт, белоэмигрант.

Приложение 5

А.Н. Наумов. Земский начальник в Самарской губернии, министр земледелия и председатель Особого совещания по продовольственному делу (10.11.1915 – 21.07.1916 гг.), мемуарист.

Дом А.Н. Наумова в Самаре

М.М. Биглов. Земский начальник в Уфимской губернии, депутат Государственной Думы.
Приложение 7

Волостные старшины у земского начальника

Крестьяне у земского начальника в г. Княгинино. В голодный год. 1891-1892 г.

Староверы из заволжских лесов. 1897 г.

Знак должности земского начальника

